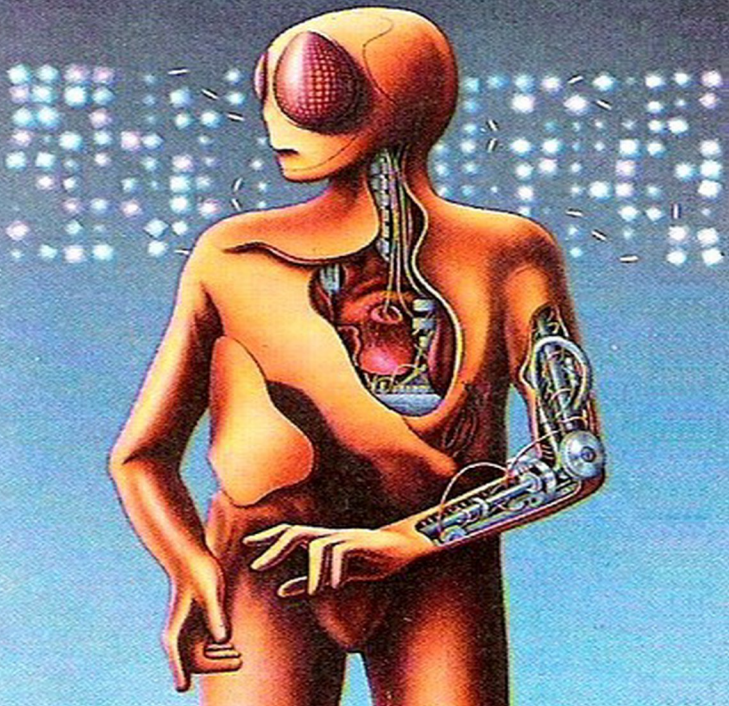
Panther Science Fiction

FREDERIK POHL

MAN PLUS

His most recent Nebula Award winning novel



0 586 04170 9

Человек Плюс

Фредерик Пол

Аннотация
Фредерик Пол. ЧЕЛОВЕК ПЛЮС. Man Plus
Глава 1. АСТРОНАВТ И ЕГО МИР
Глава 2. ЧЕГО ХОТЕЛ ПРЕЗИДЕНТ
Глава 3. ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ МАРСИАНИНОМ
Глава 4. КАНДИДАТЫ В ПОХОРОННУЮ КОМАНДУ
Глава 5. МОНСТР СТАНОВИТСЯ СМЕРТНЫМ
Глава 6. СМЕРТНЫЙ В СМЕРТЕЛЬНОЙ ТРЕВОГЕ
Глава 7. СМЕРТНЫЙ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В МОНСТРА
Глава 8. НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ СВОИМ
Глава 9. ДЭШ У ЛОЖА БОЛЬНОГО
Глава 10. АНТРАША БЭТМЕНА
Глава 11. ДОРОТИ ЛУИЗА МИНЦ ТОРРАВЭЙ В РОЛИ ПЕНЕЛОПЫ
Глава 12. ДВЕ МОДЕЛИ И ОДНА РЕАЛЬНОСТЬ
Глава 13. НАЗАД ДОРОГИ НЕТ
Глава 14. МАРСИАНСКИЙ МИССИОНЕР
Глава 15. КАК ХОРОШАЯ НОВОСТЬ ПОПАЛА С МАРСА НА ЗЕМЛЮ
Глава 16. В ОЖИДАНИИ НЕПРИЯТНОСТЕЙ
Глава 17. ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ МАРСИАНИНА
Глава 18. ЧЕЛОВЕК ПЛЮС МЫ

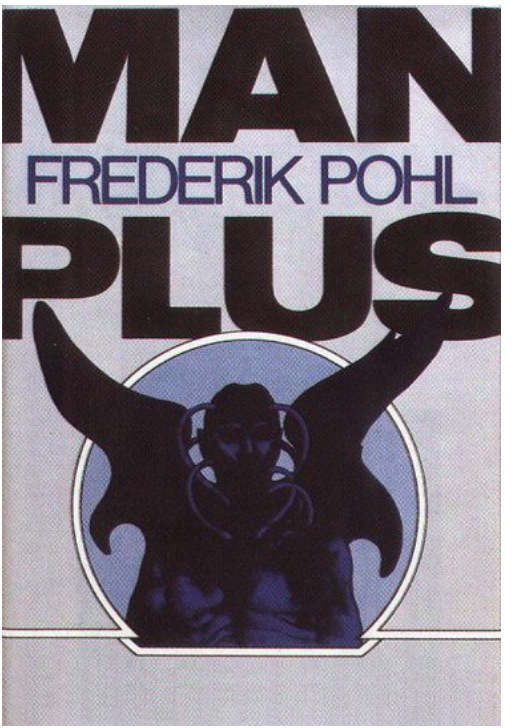
Аннотация

Frederik Pohl. Man Plus. 1976.

Перед вами — знаменитая дилогия Фредерика Пола «Человек Плюс. Марс Плюс», первый роман которой был удостоен премии «Ньюбела». История колонизации Марса, выполняемой при помощи «киборгизации» добровольцев — потому что гаков единственный способ «приспособить» новых обитателей Марса под условия жизни на «красной планете». История тех, что обязаны ОСТАВАТЬСЯ ЛЮДЬМИ — даже если по сути ЛЮДЬМИ уже не являются!

Фредерик Пол
ЧЕЛОВЕК ПЛЮС

Man Plus



Глава 1. АСТРОНАВТ И ЕГО МИР

Мы хотим рассказать вам о Роджере Торравэе. Коль скоро на Земле живет восемь миллиардов людей, один человек может показаться не таким уж важным. Не важнее, чем отдельная микросхема в блоке памяти, например. Однако эта микросхема может оказаться решающим фактором, если в ней хранится какой-нибудь очень важный бит, и именно в этом смысле Торравэй был важным человеком.

Он был симпатичным, по человеческим меркам. И прославленным. По крайней мере, в свое время.

В свое время Роджер Торравэй и еще пять астронавтов почти три месяца без перерыва мотались на орбите. Все как один грязные, стосковавшиеся по женам, и всем, как одному, это порядком надоело. Какая уж тут слава. В лучшем случае это могло заинтересовать какогонибудь газетчика, чтоб занять два пустующих абзаца в вечернем выпуске.

И все-таки он прославился. Про него узнали в Бечуаналенде, в Белуджистане и в Буффало.

«Тайм» поместил его на обложку. Не одного, конечно. Обложку пришлось делить с остальным экипажем орбитальной станции: именно они оказались теми счастливчиками, которые спасли русский экипаж, возвращавшийся на Землю с отказавшей ориентацией.

И именно они в один вечер стали знаменитыми. Когда это случилось, Торравэю было двадцать восемь лет, и он только что женился на зеленоглазой и черноволосой преподавательнице художественной керамики. Итак, он вздыхал на орбите, потому что Дори осталась на Земле, а она блистала на земле, потому что Роджер вращался на орбите. Стоит ли говорить, что она была от этого в восторге.

Чтобы жена астронавта оказалась на страницах печати, должно случиться что-то невероятное. Этих жен было так много, и таких похожих друг на друга. Среди журналистов ходило мнение, что НАСА выбирает астронавтам жен среди претенденток на звание «Мисс Джорджия». У них всех был такой вид, словно не успеют они снять купальник и переодеться, как тут же примутся маршировать, жонглируя жезлом, или декламировать «Продолжательницу Рода» Киплинга. Правда, Дороти Торравэй выглядела для этого

слишком интеллигентно, хотя и была для этого достаточно красива. Ей единственной — среди жен астронавтов — была посвящена заглавная статья и в журнале «Домашняя хозяйка» («Дюжина рождественских подарков из вашей духовки»), и в «Мисс» («Дети испортят мой брак!»).

Роджер обеими руками был за бездетный брак. Он был обеими руками за все, чего хотела Дори, потому что в первую очередь был обеими руками за Дори.

С этой точки зрения он уже не столь напоминал своих коллег, которые, как правило, не стеснялись извлекать из космической программы еще и побочную выгоду в виде вполне земных красавиц. А во всем остальном Роджер был таким же, как они. Умный, здоровый, симпатичный, с высшим техническим. Одно время журналисты считали, что астронавты тоже сходят с какой-нибудь сборочной линии. По росту они отличались друг от друга в пределах двадцати сантиметров, по возрасту — в пределах десяти лет, и выпускались четырех цветов на выбор — от кофе с молоком до белокурой бестии. Астронавты увлекались: шахматами, плаванием, охотой, полетами, прыжками с парашютом, рыбной ловлей и гольфом. Легко сходились с сенаторами и

послами. Покидая программу космических исследований, и становясь гражданскими людьми, астронавты находили работу в авиационнокосмических фирмах, или в проваленных делах, для которых требуется новое лицо. Эти занятия хорошо оплачивались, и астронавты представляли собой ценный товар. Их ценили не только средства информации или люди с улицы. Мы тоже ценили их весьма высоко.

Астронавты были воплощением мечты. Мечта очень важна для человека с улицы, особенно если это грязная, вонючая улица Калькутты, где целые семьи ночуют на тротуарах и поднимаются чуть свет, чтобы занять место в очереди за бесплатной миской супа. Это был грубый и тусклый мир, а космос вносил в него немного красоты и жизни. Не очень много, но это лучше, чем ничего.

Астронавты из Тонки, штат Оклахома, жили маленьким, замкнутым сообществом, как семьи бейсболистов. После первого полета мужчины переходили в высшую лигу. С этого момента все они становились соперниками и товарищами по команде. Они сражались друг с другом за то, кто выйдет на поле, а потом подсказывали счастливчикам, стоя за боковой. Дуализм профессионального спортсмена. Горькая зависть,

с которой экипаж дублеров межпланетного корабля наблюдал за «первыми номерами», надевающими скафандры, ничуть не уступала горечи, с какой стареющий ветеран глядит со скамейки запасных на полного сил молокососа.

Роджер и Дороти прекрасно вписывались в это сообщество. Они легко сближались с людьми, и были эксцентричны как раз настолько, чтобы выделяться среди других, но никого при этом не раздражать. И если сама Дороти не хотела детей, то она с любовью относилась к выводкам остальных жен. Когда Вик Самуэльсон на пять дней потерял связь с Землей, находясь по другую сторону Солнца, а у Верны начались преждевременные схватки, именно Дороти взяла троих детей Верны к себе. Самому старшему не исполнилось и пяти, двое остальных еще вовсю делали в пеленки, и Дори без единой жалобы меняла их; две других жены в это время занимались домом Верны, а Верна в госпитале НАСА занималась тем, что производила на свет четвертого. На рождественских вечеринках Роджер с Дори никогда не пили больше других и никогда не уходили первыми.

Они были милой парой.

Они жили в милом мире.

Они понимали, что в этом отношении им по-

везло. Окружающий мир был вовсе не таким уж приятным. Война за войной катилась по Азии, Африке и Латинской Америке. Западную Европу душили то забастовки, то всевозможные нехватки, а с наступлением зимы европейцы, как правило, дрожали от холода. Люди ходили голодные, часто — злые, и редко где можно было решиться выйти на улицу вечером. Однако городок Тонка держался поодаль от всего этого, недоступный и безопасный, а астронавты (космонавты и синонавты тоже) преспокойно посещали Меркурий, Марс и Луну, купались в хвостах комет и катались по орбитам вокруг газовых гигантов.

За спиной у Торравэя было пять длительных полетов. Первый — на шаттле, с грузами для станции «Спейслэб»; это было давно, еще в первые дни размораживания, когда космическая программа снова вставала на ноги.

Потом он провел восемьдесят один день на космической станции второго поколения. То был его звездный час, именно за тот полет он попал на обложку «Тайм». Русские отправили к Меркурию пилотируемый корабль, долетели и приземлились без происшествий, отправились в обратный путь, как и было положено; после этого все было не как положено. У русских все-

гда были проблемы с системами стабилизации — несколько первых космонавтов, закрутив свои корабли, так и не смогли остановиться, и только бессильно блевали по стенкам кабины. В этот раз тоже возникли неполадки, и они израсходовали весь резерв горючего на стабилизацию корабля.

Кое-как им удалось выйти на толстозадую эллиптическую орбиту вокруг Земли, но безопасно спуститься с этой орбиты они уже не могли. Долго на ней оставаться — тоже. Управления у них не было уже почти никакого, а перигей находился в земной ионосфере, и довольно низко, так что русских припекало не на шутку.

К счастью, неподалеку пролетали на своем космическом буксире Роджер и остальные пятеро американцев, и топлива у них еще хватало на несколько рейсов. Это не значит, что топлива было много, но они потратили его с умом: сравняли курс и скорость с «Авророй Два», состыковались и вызволили оттуда космонавтов. Что это была за картина: невесомость, медвежьи объятия и небритые поцелуи! На борту буксира немедленно был закачен банкет, из тех запасов, которые русские успели прихватить с собой. Звучали тосты, смородиновый сок сменялся мандариновым, а паштет — гамбургерами. А еще два оборота спустя

«Аврора» сгорела в атмосфере, как метеор. «Как вечерняя зарница», заметил космонавт Юлий Бронин, приехав в Оксфорд и расцеловав своих спасителей еще раз.

Возвращаясь на Землю, пристегнутые по двое в одном кресле, прижавшись друг к другу теснее, чем любовники, все они уже были героями, и все их обожали, даже Роджера, даже Дори.

Но все это было давным-давно.

С тех пор Роджер Торравэй дважды облетал Луну, пилотируя корабль, пока спецы по радиотелескопам проводили орбитальные испытания нового стокилометрового зеркала на обратной стороне. И наконец, он пережил аварию при посадке на Марс. Тогда им снова посчастливилось вернуться на Землю целыми и невредимыми, но в этот раз ореол славы и доблести рассеялся. Так, обычное невезение и технические неполадки, ничего особенного.

После этого Роджер в основном занимался, если можно так выразиться, политикой. Он играл в гольф с сенаторами из комиссии по космосу и курсировал между еврокосмическими центрами в Цюрихе, Мюнхене и Триесте. Его мемуары пользовались достаточным спросом, а время от времени он входил в экипаж дублеров для

какого-нибудь полета. По мере того, как космическая программа быстро скатывалась с позиции национального приоритета до позиции бедного родственника, настоящей работы у Роджера становилось все меньше.

Правда, он еще оставался в списке дублеров для одного полета, хотя помалкивал об этом, собирая голоса в поддержку космического агентства. Ему было запрещено говорить об этом. Этот пилотируемый полет, который, суда по всему, рано или поздно будет утвержден, впервые в космической программе нес гриф «совершенно секретно».

Мы возлагали на Роджера Торравэя большие ожидания, хотя он и не отличался от других астронавтов ничем особенным. Слегка перетренированный, соскучившийся по настоящему делу, порядком рассерженный происходящим с их работой и мысли не допускающий о том, чтобы променять эту работу на что-то другое, пока остается хоть один шанс снова прославиться. Они все были такие, даже тот, который был монстром.

Глава 2. ЧЕГО ХОТЕЛ ПРЕЗИДЕНТ

Торравэй часто думал о человеке, который был монстром. У него были на то свои причины.

Сейчас он сидел в кресле второго пилота, в двадцати четырех тысячах метров над Канзасом, и следил, как светлое пятнышко на радаре плавно ползет к краю экрана.

— Дерьмо, — заметил пилот.

Пятнышком был советский Конкордский III. Их СВ-5 старался угнаться за русским с того самого момента, как они засекли его над плотиной водохранилища Гаррисон.

Торравэй усмехнулся и еще немного сбросил мощность. С ростом относительной скорости точка-Конкордский поползла быстрее.

— Уходит, — мрачно заметил пилот. — Как по-твоему, куда он собрался? В Венесуэлу?

— И правильно сделает, — ответил Торравэй, — учитывая, сколько вы оба жрете топлива.

— Аа, ладно, — пожал плечами пилот, нимало не огорчаясь тем фактом, что они порядком превысили принятую согласно международным договоренностям границу в полтора Маха. — Что

там такое в Талсе? Обычно нам сразу дают посадку, с таким-то ВИПом,[1] как ты.

— Должно быть, садится ВИП поважнее, — покачал головой Роджер.

Это была не догадка — он знал, что это за ВИП. Важнее Президента Соединенных Штатов персоны не бывает.

— А ты неплохо ведешь эту тачку, — великодушно заметил пилот. — Хочешь сесть сам? То есть, когда дадут посадку.

— Нет, спасибо. Пойду лучше соберу шмотки.

Однако Роджер остался в кресле, поглядывая вниз. Самолет стал терять высоту, снижаясь над рваными кучевыми облаками. Чувствовалось, как машину кидает в восходящих потоках. Пилот взял управление на себя, и Торравэй убрал руки со штурвала. Скоро они минуют Тонку, справа по борту. Интересно, как дела у монстра?

Пилот все еще был настроен великодушно.

— Нечасто приходится летать, а?

— Только, когда дают порулить, кто-нибудь вроде тебя.

— Нет проблем. А можно поинтересоваться, чем ты вообще сейчас занят? Я имею в виду — кроме

---

[1] Примечания: 1

VIP, Very Important Person — Оччень важная персона (англ.) (прим. перев.)

ВИПендривания и тому подобного?

На это у Торравэя был заранее готовый ответ.

— Административная работа.

Он всегда отвечал так на вопрос, чем он занимается. Иногда у вопрошавшего был нужный допуск, не только от государственной службы безопасности, но и от внутреннего голоса, встроенного радарчика, подсказывающего, кому можно доверять, а кому — нет. Тогда Роджер говорил: «Делаю монстров». Если ответом были слова, подтверждавшие, что собеседник тоже входит в число посвященных, Роджер мог добавить еще одну-две фразы.

Программа внеземной медицины была вовсе не секретной. Все знали, что в Тонке работают над подготовкой астронавтов к жизни на Марсе. Секретом было то, как их готовят: сам монстр. Если бы Торравэй сболтнул лишнее, он рисковал бы и свободой, и работой. А свою работу Роджер любил. Работа позволяла ему содержать свою красавицу жену и ее фарфоровый магазинчик. Благодаря своей работе он был уверен, что сделанное им останется в памяти людей. Кроме того, работа давала ему возможность бывать в интересных местах. В бытность свою астронавтом Роджеру, правда, приходилось бывать в местах

еще более интересных, но увы, находившихся в космическом пространстве, а потому несколько безлюдных. Куда больше ему нравились такие местечки, куда приходилось добираться не ракетой, а частным самолетом, где его встречали льстивые дипломаты и потрясающие женщины в вечерних нарядах. Конечно, нужно было помнить и о монстре, но это не очень беспокоило Роджера. Не очень.

Они пролетели реку Симаррон, даже не реку, а ржавое русло, которое станет рекой, только когда пройдет дождь, отклонили сопла до вертикали, сбросили газ и мягко приземлились.

— Спасибо, — бросил пилоту Роджер и пошел в роскошный салон за своим багажом.

На этот раз, прежде чем вернуться в Оклахому, он заглянул в Бейрут, Рим, Севилью и Саскатун, одно жарче другого. Поскольку их ждали на торжественной встрече с президентом, Дори встретила его в мотеле аэропорта. Она принесла костюм, и он тут же принялся переодеваться. Роджер был рад вернуться домой, рад вернуться к сотворению монстров и к жене. Выходя из душа, он ощутил быстрый, могучий всплеск желания. В голове у Роджера тикал хронометр, отмеряющий минуты личного времени, и ему не требовалось

смотреть на часы, чтобы знать: время еще есть. Ничего страшного, если они опоздают на пару минут. Но в кресле, где он ее оставил, Дори не было. Телевизор работал, в пепельнице дотлевала сигарета, а ее не было. Опоясавшись полотенцем, Роджер уселся на кровать, и сидел так, пока хронометр не подсказал ему: оставшегося времени уже ни на что не хватит. Тогда он встал и начал одеваться. Дори постучала в дверь, когда он завязывал галстук.

— Извини, — улыбнулась она, когда он открыл. — Не могла найти автомат с кока-колой. Одна мне, другая тебе.

Дори была почти такой же высокой, как и Роджер, зеленоглазой от природы и брюнеткой по желанию. Она вытащила из сумочки щетку, обмахнула плечи и рукава его пиджака, потом чокнулась с ним банками и сделала глоток.

— Нам пора. Выглядишь, как под венец.

— А под одеяло? — ответил он, обняв ее за плечи.

— Я только что накрасилась, — увернулась она, подставив щеку. — Очень приятно, что сеньориты оставили кое-что и для меня.

Роджер добродушно усмехнулся. Это была их общая шутка — что он в каждом городе спит

с какой-нибудь девушкой. Ему нравились эти шутки. В жизни было не так. Пару раз он пытался испробовать свои силы в прелюбодеянии, и это принесло больше огорчений и хлопот, чем радости. Однако ему нравилось думать о себе, как о мужчине, жене которого приходится беспокоиться, что на ее мужа заглядываются другие женщины.

— Не станем заставлять президента ждать, — сказал он. — Выводи машину, а я рассчитаюсь за номер.

Действительно, ждать президента они не заставили: пришлось вытерпеть два часа с лишним, прежде чем они вообще его увидели.

Роджер был знаком с обычной процедурой проверки службы безопасности, ему уже приходилось с этим сталкиваться. Двести процентов всех мыслимых и немыслимых средств предосторожности перед возможными покушениями использовал не только президент Соединенных Штатов. Перед приемом у Папы Роджера просвечивали целый день, и то в течение всей краткой аудиенции у него за плечами стоял швейцарец с береттой в руках.

На встречу собралась половина шишек со всего института. Вылизанный до блеска ради такого

случая клуб ученых стал неузнаваем, приятная атмосфера кофейни улетучилась. Куда-то попрятали грифельные доски и салфетки, на которых чиркали все, кому не лень. По углам стояли ширмы, и шторы на соседних окнах были предусмотрительно задернуты. Для личного досмотра, понял Роджер. После этого их ждет беседа с психоаналитиками. И уж только потом, если пройдут все, и ни на чьей шляпной булавке не обнаружится смертоносного яда, а в чьих-нибудь мозгах — маниакальной страсти к убийству, их проведут в аудиторию, где к ним, наконец, присоединится сам президент.

В процессе обыскивания, ощупывания, металлоискания и проверки документов принимали участие четверо агентов службы безопасности, хотя непосредственно проверкой занимались лишь двое. Оставшиеся двое стояли рядом, вероятно, готовые в случае надобности открыть огонь. Женский персонал службы безопасности (так называемые секретарши, хотя было видно, что и они вооружены) обыскивал жену и Кэтлин Даути. Женщин обыскивали за ширмой. Ширма доходила только до плеч, и на лице своей жены Роджер читал каждое прикосновение нащупывающих, зондирующих ладоней. Дори не любила, когда к

ней прикасались посторонние. Кажется, иногда она вообще не любила, когда к ней прикасались, и уж в особенности посторонние.

Когда подошла его очередь, Роджер понял, почему у его жены в глазах была такая ледяная ярость. Они были невероятно дотошными. Ему заглянули подмышки. Расстегнули пояс и въехали пальцем в задницу. Покрутили яйца. Вынули все из карманов, вытряхнули носовой платок и молниеносно сложили его обратно, аккуратнее, чем был. Пряжку пояса и браслет часов изучили под лупой.

Каждый проходил такую же процедуру, даже директор, с добродушным смирением усмехавшийся, пока чужие пальцы старательно прочесывали густую растительность у него подмышками. Единственным исключением стал Дон Кайман, который, принимая во внимание официальный характер встречи, надел сутану. После короткого совещания шепотом его вывели раздеваться в соседнюю комнату.

— Прошу прощения, святой отец, — заметил один из телохранителей, — сами понимаете.

Дон пожал плечами, вышел с ними, и вскоре вернулся, заметно раздраженный. Роджер начинал разделять его чувства. Они поступили бы

гораздо умнее, отправляя людей к психачам сразу по окончании осмотра. В конце концов, психачи были первоклассные, и их время стоило кучи денег. Однако у службы безопасности была своя система. Только после того, как всех осмотрели, в комнатки машинисток, специально освобожденные для работы психоаналитиков, провели первую тройку.

Психоаналитик Роджера был негром (на самом деле его кожа была цвета кофе со сливками, причем сливки преобладали, так что негром его можно было назвать только из вежливости). Они уселись в кресла с прямыми спинками, почти что нос к носу — их колени разделяло не больше сорока сантиметров.

— Я постараюсь, чтобы было как можно короче и безболезненнее, — начал психоаналитик. — Ваши родители еще живы?

— Нет, оба умерли. Отец два года назад, а мать — еще когда я учился.

— Чем занимался ваш отец?

— Сдавал напрокат рыбацкие лодки во Флориде.

Половину сознания Роджера заняло отцовское предприятие по прокату в Ки Ларго; вторая половина, как обычно, была занята непрерывным

самоконтролем. Достаточно ли он проявляет раздражение этими расспросами? Достаточно ли свободно держится? Не слишком ли свободно?

— Я видел вашу жену, — продолжал психоаналитик. — Очень сексуальная женщина. Вы не возражаете, что я так говорю?

— Ничего, — ощетинился Роджер.

— Некоторым белым пришлось бы не по вкусу услышать такое от меня. Что вы об этом думаете?

— Я знаю, что она сексуальная, — отрезал Роджер. — Потому я на ней и женился.

— Вы не возражали бы, если бы я зашел немного дальше и спросил бы, как она в постели?

— Нет, конечно, нет… Да, черт побери. Да, возражал бы. — сердито ответил Роджер. — Думаю, так же, как и любая другая. После нескольких лет брака.

Психоаналитик откинулся, задумчиво глядя на него.

— В вашем случае, доктор Торравэй, — заметил он, — эта беседа вообще чистая формальность. Последние семь лет на каждом квартальном осмотре вы идеально укладываетесь в норму. У вас совершенно чистое досье, никакой повышенной возбудимости или неуравновешенности.

Позвольте задать вам последний вопрос — перед встречей с президентом вы не чувствуете себя несколько стесненно?

— Может быть, немного ошеломленно, — ответил Роджер, переключаясь на новую тему.

— Это вполне естественно. Вы голосовали за Дэша?

— Конечно… Эй, минуточку! Это не ваше дело!

— Согласен, доктор Торравэй. Можете вернуться в зал.

Ему не дали вернуться в тот же зал, а провели в другой конференцзал, поменьше. Почти сразу же к нему присоединилась Кэтлин Даути. Они работали вместе уже два с половиной года, но она все еще относилась к нему строго официально.

— Кажется, мы прошли, мистер доктор полковник Торравэй, — заметила она, как обычно, глядя куда-то мимо него, заслонив лицо сигаретой. — О, а вот и выпивка.

С этими словами она указала ему за спину.

Там стоял официант в ливрее — нет, поправил себя Роджер, агент службы безопасности, одетый официантом — и с подносом. Роджер взял виски с содой, а знаменитая протезистка — маленький стаканчик сухого шерри.

— Только непременно выпейте все, — пробур-

чала она себе под нос. — По-моему, они что-то туда подмешивают.

— Что именно?

— Успокоительное. Если не выпить до дна, за спиной поставят вооруженного охранника.

Роджер опрокинул виски залпом, чтобы успокоить ее. Как, интересно, такой человек, как она, с ее-то мнительностью и страхами, так быстро прошел психологическую проверку? Пять минут наедине с психиатром разбудили в Роджере склонность к самоанализу, и каким-то уголком мозга он анализировал вовсю. Почему в присутствии этой женщины он чувствует себя неловко? Вряд ли дело только в ее бесконечном ворчании. Уж не потому ли, что она так восхищается его храбростью? Как-то он попытался объяснить ей, что работа астронавта уже не требует особенной храбрости, не больше, чем пилотировать самолет, и уж наверное меньше, чем водить такси. Конечно, как дублеру Человека Плюс, ему грозила вполне реальная опасность. Но только, если все дублеры, стоящие перед ним, выйдут из очереди, а о такой ничтожной вероятности не стоит и беспокоиться. Тем не менее она продолжала относиться к нему с глубочайшим уважением, иногда смахивавшим на почитание, а иногда

— на жалость.

Прочими частями своего сознания Роджер, как обычно, ждал жену. Наконец она появилась, злющая и встрепанная — по ее меркам. Волосы, которые она старательно, в течение часа, укладывала, теперь были распущены и ниспадали до самой талии великолепным, жизнерадостным каскадом черни. Сейчас она походила на Алису с картинок Тенниеля, если бы Тенниель в то время работал для «Плейбоя». Роджер поспешил утешить ее, и так увлекся этим занятием, что был застигнут врасплох, когда вокруг неожиданно зашевелились, и чей-то голос не очень громко и не очень торжественно объявил:

— Леди и джентльмены. Президент Соединенных Штатов.

Фитц Джеймс Дешатен вошел в зал, расточая улыбки и дружелюбно кивая налево и направо. Он выглядел точь-в-точь, как по телевизору, правда, чуточку ниже. Сотрудники без команды выстроились полукругом, и президент начал обход. Шедший рядом директор представлял каждого, а президент пожимал руку. Информировали Дешатена отлично. Он пользовался старым наполеоновским фокусом — запоминал несколько фактов, связанных с каждой фами-

лией, и в нужный момент вставлял чтонибудь подходящее, словно близко знал этого человека. Для Кэтлин Даути это было: «Я рад, что здесь находится хоть один ирландец, доктор Даути», для Роджера — «Кажется, мы уже встречались, полковник Торравэй. После той знаменитой истории с русскими. Сейчас, сейчас, если не ошибаюсь, это было семь лет назад, когда я был председателем сенатской комиссии. Может быть, вы помните?». Конечно, Роджер помнил — и почувствовал себя польщенным, хоть и понимал, что президент вспомнил об этом специально, чтобы польстить ему. Дори президент выдал: «О Боже, миссис Торравэй, почему такая прелестная женщина губит свою молодость рядом с одним из этих сухарей-всезнаек?» Услышав это, Роджер слегка оцепенел. Дело даже не в том, что его так назвали, просто это был один из тех бессмысленных комплиментов, которых Дори терпеть не могла. Сейчас, однако, он не заметил и следа отвращения. Прозвучав из уст президента, этот комплимент зажег в ее глазах искорки.

— Какой приятный мужчина, — шепнула она, не сводя с президента глаз.

Добравшись до конца, президент вскочил на маленькую трибуну и начал:

— Ну что ж, друзья, я приехал сюда не болтать, а смотреть и слушать. И все же я хотел бы поблагодарить каждого из вас, за то, что вы вытерпели все эти безобразия, сквозь которые вам пришлось пройти, чтоб увидеть меня. Прошу у вас прощения. Не я это придумал. Они говорят, что это необходимо, пока вокруг крутится столько ненормальных. И пока у Свободного Мира остаются такие враги, какие они есть, а мы остаемся такими же открытыми и доверчивыми людьми, какими мы есть, — тут он улыбнулся Дори. — Ногти смыли, не обошлось?

Дори мелодично засмеялась, изумив своего мужа (Всего минуту назад она бушевала из-за того, что весь маникюр пошел прахом).

— Конечно, смыли, господин президент. Совсем, как в маникюрном салоне.

— Прошу прощения и за это. Говорят, это необходимо, чтобы убедиться, что у вас нет замаскированного био-хими-ческо-го яда, чтобы оцарапать меня при рукопожатии. Кажется, нам не остается ничего другого, как подчиниться. В любом случае, — усмехнулся он, — если дамам кажется, что это неприятная процедура, видели бы вы, что вытворяет моя старая кошка, когда они проделывают все это над ней. Хорошо, что

в последний раз у нее на когтях не было яда — прежде, чем они закончили, она исцарапала трех агентов службы безопасности, моего племянника и двух собственных котят.

И президент рассмеялся. Роджер с некоторым удивлением заметил, что он сам, и Дори, и все остальные тоже смеются.

— Так или иначе, — вернулся к прежней теме президент, — я благодарен вам за ваше терпение. Но в тысячу раз больше я благодарен вам за ваши успехи в выполнении программы Человек Плюс. Не стоит и говорить, что это означает для Свободного Мира. Там, наверху — Марс, единственный достойный внимания участок недвижимости в окрестностях, не считая того, на котором обитаем мы. К концу этого десятилетия он будет кому-то принадлежать. Есть только два варианта — им или нам. Я хочу, чтобы он принадлежал нам. И если это случится, то именно благодаря вам, потому что вы подарите нам Человека Плюс, который сможет жить на Марсе. От имени всех граждан всех демократических стран Свободного Мира, от всего сердца хочу выразить вам глубокую и сердечную благодарность за воплощение этой мечты в реальность.

— А теперь, — прервал он начавшиеся было

аплодисменты, — мне, кажется, пора прекратить рассуждать, и начать слушать. Я хочу знать, как дела у нашего Человека Плюс. Вам слово, генерал Скэньон.

— Слушаюсь, господин президент.

Верн Скэньон был директором исследовательского отделения Института Космической Медицины им. Гриссома. Кроме того, он был генералмайором в отставке и вел себя соответственно. Генерал посмотрел на часы, вопросительно взглянул на своего заместителя (которого иногда называл начальником штаба) и начал:

— У нас есть несколько минут, пока командор Хартнетт заканчивает разминку. Через минуту мы увидим его по внутренней телесети, и я введу вас в курс событий, господин президент.

Свет в зале погас.

За трибуной засветился экран телепроектора. Один из «официантов» со скрипом подсунул президенту кресло. Послышался шепот президента и кресло уехало обратно. Тень президента на призрачно мерцающем фоне кивнула и обернулась к экрану.

На экране был человек.

Он был не похож на человека. Его звали Вилли Хартнетт, он был астронавтом, демократом,

методистом, мужем и отцом, ударникомлюбителем, удивительно легконогим танцором. Внешне ничто об этом не напоминало. Внешне он был монстром.

Красные, светящиеся фасеточные полушария вместо глаз, ноздри, прячущиеся в складках кожи, наподобие кротовьего рыла со звездочкой носа. Искусственная кожа была цвета естественного, глубокого загара, но по виду напоминала кожу носорога. Внешне от того человека, каким он появился на свет, не осталось ничего. Глаза, уши, легкие, нос, рот, кровеносная система, органы чувств, сердце, кожа — все было заменено или усовершенствовано. Но перемены, бросавшиеся в глаза, были лишь верхушкой айсберга. То, что было сделано внутри, было намного более сложным, и намного важнее. По сути, он был создан заново, с единственной целью — жить на поверхности планеты Марс без внешних систем жизнеобеспечения.

Он был киборг — кибернетический организм. Наполовину человек, наполовину машина, и эти половинки срослись вместе так прочно, что даже сам Вилли Хартнетт, глядя на свое отражение в зеркале (в тех редких случаях, когда ему разрешали смотреть в зеркало), не мог сказать, что здесь

осталось от него самого, а что ему добавили.

Несмотря на то, что почти каждый из присутствующих играл существенную роль в создании киборга, несмотря на то, что все они были знакомы с его фотографиями, телеизображением, и с ним лично, в зале послышались сдавленные вздохи. Камера показывала, как он раз за разом играючи отжимается от пола. Камера стояла на расстоянии не более метра от его причудливой головы, и когда Хартнетт выпрямлял руки, его глаза поднимались вровень с объективом, поблескивая фасетками, складывавшими для него картину окружающего.

Он выглядел очень непривычно. Припомнив старые телефильмы из своего детства, Роджер подумал, что его старый приятель будет пострашнее всех этих оживших морковок или огромных жуков из фильмов ужасов. Сам Хартнетт был родом из Данбери, штат Коннектикут, а все его внешние составляющие были созданы в Калифорнии, Оклахоме, Алабаме или НьюЙорке. Но ни единой деталью он не был похож на человека, и вообще на земное создание. Он был похож на марсианина.

В том смысле, что функция определяет форму, Хартнетт и был марсианином. Он был создан для

Марса. В определенном смысле слова он уже был на Марсе. В институте Гриссома стояли самые совершенные в мире марсианские камеры, и Хартнетт делал свои отжимания на песке из окиси железа, в барокамере, давление газа в которой было снижено до десяти миллибар, всего один процент от наружного давления на двойные стеклянные стены. Температура окружавшего разреженного газа составляла сорок пять градусов ниже нуля по шкале Цельсия. Блоки ультрафиолетовых ламп заливали этот пейзаж светом, точно воспроизводящим по спектру солнечный свет зимнего марсианского дня.

Место обитания Хартнетта было, конечно, не настоящим Марсом, но по всем параметрам настолько приближалось к нему, что даже настоящий марсианин мог бы обмануться — если бы марсиане когда-нибудь существовали. По всем параметрам, кроме одного. Рас Тавас или моллюск Уэллса, восстав ото сна и оглядевшись по сторонам, решил бы, что и в самом деле находится на Марсе, в средних широтах, поздней осенью, ранним утром — если бы не один минус.

Этот единственный недостаток было просто невозможно исправить. На Хартнетта действовало нормальное земное притяжение, а не

пониженная гравитация, как положено на поверхности Марса. Чтобы имитировать настоящее марсианское притяжение, хотя бы в течение десяти — двадцати минут, инженеры дошли до того, что сделали смету проекта, по которому вся марсианская камера должна была летать в реактивном конвертоплане, опускающемся по специально рассчитанной параболической траектории. От этой идеи в конце концов отказались из-за стоимости и трудностей эксплуатации, а влияние единственной аномалии подвергли углубленному анализу, рассчитали, учли, и наконец, отбросили.

С новым телом Хартнетта могло случиться что угодно, но что он окажется слишком слабым, чтобы выдержать возможные физические нагрузки — этого не боялся никто. Уже сейчас он без труда поднимал пятисотфунтовую штангу. Когда же он в самом деле окажется на поверхности Марса, то сможет сдвинуть с места больше полутонны.

В определенном смысле на Земле Хартнетт выглядел даже более жутко, чем будет выглядеть на Марсе, потому что его телеметрические датчики выглядели так же чудовищно, как и он сам. Его с ног до головы облепили датчики пульса, температуры и сопротивления кожи. Под

жесткую искусственную кожу уходили зонды, измеряющие внутренние токи и сопротивления. За спиной, как метла, торчала антенна ранцевого передатчика. Все, что происходило в его системах, непрерывно измерялось, преобразовывалось и передавалось на скоростную широкополосную магнитную ленту.

Президент что-то прошептал. Роджер поймал себя на том, что старательно прислушивается.

— … он слышит, что мы здесь говорим?

— Нет, если только я не подключу нас к его системе связи, — ответил генерал Скэньон.

— Угу, — буркнул президент и замолчал, что бы он там ни собирался сказать в том случае, если киборг не слышит. Это вызвало у Роджера симпатию. Ему самому приходилось все время следить за своей речью, когда киборг мог его слышать, он выбирал слова даже тогда, когда бедняги Вилли не было рядом. Было просто противоестественно, что существо, которое когда-то уважало пиво и производило на свет детей, теперь выглядит так мерзко. Все остальные подходящие к случаю определения были непечатными.

Казалось, киборг мог продолжать свою размеренную тренировку бесконечно, но чей-то голос, задающий ритм: «И раз, и два, и раз, и два», умолк,

и киборг тоже остановился. Он встал, аккуратно и неторопливо, словно разучивая па нового танца, потом инстинктивным, уже не игравшим никакой роли жестом вытер тыльной стороной толстокожей ладони пластиковый, гладкий, безбровый лоб.

Роджер подвинулся в темноте, чтобы знаменитый орлиный профиль президента не заслонял ему экран. Даже глядя на силуэт, он заметил, что тот слегка сморщил лоб. Роджер обнял жену за талию и подумал о том, как должен себя чувствовать в этом беспокойном и коварном мире президент трехсот миллионов американцев. Сила, дремавшая в стоявшем перед ним в темноте человеке, могла за девяносто минут сбросить термоядерную бомбу в самом отдаленном уголке земного шара. Это была сила войны, сила возмездия, сила денег. Именно силой президента была вызвана к жизни программа Человек Плюс. Конгресс даже не обсуждал ее бюджет, лишь в самых общих чертах догадываясь, что происходит; соответствующий акт носил название «О выделении в распоряжение президента дополнительных средств на исследования космического пространства»

Заговорил генерал Скэньон.

— Господин президент, командор Хартнетт с удовольствием продемонстрирует вам некоторые возможности своего искусственного тела. Поднятие тяжестей, прыжки в высоту. Что пожелаете.

— По-моему, он уже наработался на сегодня, — усмехнулся президент.

— Хорошо. Тогда мы приступим к делу, сэр, — генерал тихо сказал что-то в микрофон, и снова обратился к президенту. — Сегодняшние испытания состоят в демонтаже телекоммуникационной аппаратуры и ликвидации короткого замыкания в полевых условиях. Оцениваемое время этой операции — семь минут. Группа наших институтских техников, работая в лаборатории и имея в своем распоряжении все необходимые инструменты, справляется с этим в среднем за пять минут, поэтому, если командор Хартнетт справится с задачей в установленный срок, это будет отличным свидетельством его локомоторных возможностей.

— Да, я понимаю, — ответил президент. — А что он делает сейчас?

— Ждет, господин президент. Мы поднимем давление до ста пятидесяти миллибар, чтобы он слышал и говорил немного лучше.

— Я думал, что вы можете разговаривать с ним даже в абсолютном вакууме, — быстро заметил президент.

— Ээээ…да, конечно, господин президент, можем. С этим были небольшие проблемы. В настоящее время наш основной метод связи в естественных марсианских условиях — визуальный, но в ближайшее время мы надеемся запустить и звуковую систему.

— Я разделяю вашу надежду.

На уровне камеры, в тридцати метрах под залом, в котором они находились, аспирант, исполнявший обязанности лаборанта, по сигналу открыл клапан резервуара с марсианской атмосферой. В редукторе уже ждала заготовленная газовая смесь. Давление постепенно стало расти, послышался свист, сначала высокий, потом все ниже и ниже. Повышение давления до уровня ста пятидесяти миллибар никак не влияло на функциональность Хартнетта. Его перестроенный организм не зависел от большинства факторов окружающей среды. Он одинаково хорошо переносил арктическую пургу, абсолютный вакуум, и душный земной день, на уровне моря, при давлении тысяча восемьдесят миллибар, в липком от влажности воздухе. Вернее, одинаково плохо:

Хартнетт постоянно жаловался, что его новое тело болит, ноет и чешется. С тем же успехом они могли бы открыть и клапаны наружного воздуха, только потом его придется снова откачивать.

Наконец свист умолк, и они услышали голос киборга, писклявый, как у заводной куклы.

— Спассииибо. Можжно закрывать.

Низкое давление играло с голосом Хартнетта странные штуки, тем более что у него уже не было ни настоящей гортани, ни трахеи. После месяца, проведенного в роли киборга, речь начинала казаться ему чуждой. Кроме того, он вообще отучался дышать.

— Знают ведь, его глаза не приспособлены к резким перепадам давления, — мрачно прошептал за спиной у Роджера специалист по системам зрения. — Они дождутся, что у него глаз лопнет.

Роджер вздрогнул, мгновенно вообразив, как у него в глазнице разлетается прозрачный фасеточный шарик глазного яблока. Жена негромко рассмеялась.

— Здесь есть место, Брэд, — сказала она, высвободившись из объятий Роджера. Роджер машинально подвинулся, не сводя глаз с экрана. Отсчитывающий секунды голос произнес:

— Начинаем. Пять. Четыре. Три. Два. Один.

Старт.

Киборг неуклюже присел над корпусом из оксидированного металла, не торопясь, вставил тонкую, как бритва, отвертку в почти невидимую щель, сделал точно четверть оборота, повторил это движение еще раз, в другом месте, и снял крышку. Толстые пальцы аккуратно перебрали разноцветное спагетти внутренних соединений, нашли сгоревший кабель, похожий на длинный леденец в красно-белую полоску, отключили его, сняли обугленную изоляцию, зачистили кабель (просто протянули его между ногтями) и приложили конец кабеля к контакту. Самым длительным этапом было ожидание, пока грелся паяльник, это заняло около минуты. Потом новое соединение было припаяно, спагетти уложено внутрь, а крышка закрыта. Киборг поднялся.

— Шесть минут, одиннадцать и четыре десятых секунды, — объявил голос, который отсчитывал время.

Директор программы зааплодировал первым. После этого он поднялся на трибуну и произнес краткую речь. Он рассказал президенту, что целью программы Человек Плюс является модификация человеческого тела таким образом, чтобы прогулка по поверхности Марса была для

него столь же естественной и безопасной, как по пшеничному полю где-нибудь в Канзасе. Потом директор напомнил об истории пилотируемых полетов, начиная с суборбитальных, и кончая космическими станциями и дальними зондами. Привел кое-какие основные данные о Марсе: хотя диаметр Марса меньше земного, площадь суши на Марсе больше, поскольку там нет морей. Температурный диапазон подходит для жизни, естественно, должным образом модифицированной. Потенциальные богатства — неисчислимы. Президент с вниманием слушал, хотя прекрасно знал все, о чем рассказывал генерал. Потом взял слово сам.

— Спасибо, генерал Скэньон. Разрешите мне сказать вам только одно, — он снова поднялся на подиум и задумчиво улыбнулся ученым. — Когда я был мальчишкой, мир был проще. Главная проблема состояла в том, чтобы помочь нарождающимся свободным народам войти в сообщество цивилизованных стран. То были времена Железного Занавеса. Были они, по ту сторону, под замком, на карантине. И мы, все остальные, по эту.

— Что ж… сейчас многое изменилось. Свободный Мир пережил тяжелые времена. Достаточно

выглянуть за пределы нашего родного североамериканского континента, и что мы увидим? Куда ни глянь, сплошные диктатуры коллективистов, кроме пары-тройки реликтов, вроде Швеции или Израиля. Но я здесь не для того, чтобы ворошить прошлое. Что было, того не воротишь, и нет смысла искать, кто виноват. Мы все знаем, кто потерял Китай и отдал Кубу. Мы все знаем, благодаря кому рассыпались Англия и Пакистан. Но нам незачем вспоминать об этом. Мы смотрим в будущее.

— И я говорю вам, леди и джентльмены, — вдохновенно продолжал он, — будущее свободного человечества — в ваших руках. Может быть, на нашей родной планете нам иногда приходилось отступать. Но что было, то прошло. Мы можем устремить наш взгляд в космос. Устремляем — и что мы видим? Видим вторую Землю. Планету Марс. Как сказал минуту назад заслуженный руководитель нашей программы генерал Скэньон, Марс больше той планеты, на которой родились мы, во многом — лучше. И он может принадлежать нам.

— Именно там лежит будущее нашей свободы, и вы можете подарить нам его. Я верю, что можете. И рассчитываю на каждого из вас.

Президент повел по сторонам задумчивым

взглядом, заглядывая в глаза каждому. Весь зал ощутил харизму старого Дэша.

— Спасибо вам, — неожиданно усмехнувшись, закончил он и отбыл, сопровождаемый оравой агентов службы безопасности.

Глава 3. ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ МАРСИАНИНОМ

В свое время планета Марс казалась почти что второй Землей. Астроном Скиапарелли, наблюдавший за Марсом во время знаменитого противостояния 1877 года, в свой миланский телескоп увидел нечто, напоминавшее русло реки, и назвал найденные образования «canali». Половина всего умеющего читать человечества поняла это буквально: «каналы». В том числе почти все астрономы, которые тут же повернули свои телескопы в этом направлении и увидели гораздо больше.

Каналы? Значит, они выкопаны с какой-то целью. С какой? Чтобы по ним текла вода. По-другому объяснить этот факт было невозможно.

Силлогизм оказался весьма привлекательным, и к концу столетия неверующих почти не осталось. Существование на Марсе цивилизации, более зрелой и мудрой, чем наша, считалось прописной истиной. Какие чудеса открылись бы, сумей мы к ним обратиться! Персиваль Лоувелл взял в руки блокнот, призадумался, и выступил

с первым предложением. Нарисуем в пустынях Сахары огромные геометрические фигуры, сказал он. Выложим из хвороста, или выкопаем рвы и наполним их нефтью. А потом, в безлунную ночь, когда на африканском небе взойдет Марс, подожжем их. Чужие глаза марсиан, по Лоувеллу, постоянно прикованные к марсианским телескопам, тут же увидят огненные фигуры, различат квадраты и треугольники, догадаются, что с ними хотят вступить в контакт, и в своей освященной веками мудрости найдут способ ответить.

Не все верили так твердо и безоглядно, как Лоувелл. Некоторые считали, что Марс слишком мал и слишком холоден, чтобы стать колыбелью могучей разумной расы. Рыть каналы? Это сможет любой крестьянин; раса, умирающая от жажды, прогрызет в земле любую канаву, даже заметную с межпланетных расстояний, только бы остаться в живых. Но для чего-то большего природные условия были чересчур суровыми. Обитающая там раса, скорее всего, будет напоминать эскимосов, и по сей день обреченных жить за порогом цивилизации: мир за стенами ледяных хижин слишком жесток, чтобы у них нашлось время забавляться абстрактными идеями. Если бы разрешающая способность наших

телескопов была достаточно высокой, чтобы разглядеть лицо марсианина, то, вне всяких сомнений, мы увидели бы глупую и бестолковую рожу, тупое, как осел, создание, способное, может быть, пахать или сеять, но никак не раздумывать над высокими материями.

И все-таки — разумные или первобытные, но марсиане на Марсе были. По крайней мере, согласно тогдашнему общепринятому мнению.

Потом были построены телескопы сильнее, открыты лучшие методы интерпретации увиденного. К линзам и зеркалам присоединились спектроскоп и фотокамера. В глазах и в понимании астрономов Марс с каждым днем становился все ближе. И с каждым шагом, по мере того, как картина чужой планеты становилась более четкой и понятной, образ ее воображаемых обитателей становился все туманнее и нереальнее. Там было слишком мало воздуха, слишком мало воды, слишком холодно. При большем увеличении каналы распались на цепочки неправильных пятен, украшающих поверхность Марса. Городов, которые должны были находиться на пересечениях каналов, там не было.

С первыми полетами «Маринеров» марсиане, никогда не существовавшие иначе, как в челове-

ческом воображении, умерли окончательно.

Все еще считалось, что там могут существовать какие-то формы жизни, низшие растения или даже примитивные амфибии. Но люди — нет. На поверхности Марса существо, дышащее воздухом, как человек, и созданное в основном из воды, как человек, не протянуло бы и четверти часа.

В первую очередь его убьет отсутствие воздуха. Даже не удушье, до этого он просто не доживет. При давлении, равном на поверхности Марса десяти миллибарам, кровь вскипит и наступит мучительная смерть от газовой закупорки сосудов, как при кессонной болезни. И только потом, если жертва как-то пережила это, она умрет от удушья. Если она спасется и от удушья — в маске, с кислородным аппаратом на спине, подающим безазотную смесь под пониженным давлением, то все равно умрет. Умрет от ничем не ослабленного солнечного излучения. Умрет от перепада марсианских температур — максимальная, как в теплый весенний день, а минимальная ниже, чем в полярную ночь. Умрет от жажды. И даже если это существо каким-то чудом ухитрилось все это выдержать — оно все равно умрет, медленно, но неизбежно. На этот раз от голода, потому что на поверхности Марса не найдется ни единого

кусочка, съедобного для человека.

Против выводов, сделанных из объективных фактов, существуют, однако, возражения несколько другого порядка. Объективные факты не ограничивают человека. Если факты ему не подходят, он изменяет или обходит их.

Человек не может жить на Марсе. Но он не может жить и в Антарктиде — и все-таки живет.

Человек живет в тех местах, где должен бы умереть, потому что создает себе привычную среду обитания. Он носит с собой все, что ему нужно. Первым изобретением человека в этом направлении была одежда. Вторым — долго хранящаяся еда, вроде вяленого мяса или толченого зерна. Третьим — огонь. Последними — множество систем и механизмов, позволивших человеку шагнуть на дно морей и в космическое пространство.

Первой чужой планетой, на которую ступил человек, была Луна. Луна еще менее пригодна для жизни, чем Марс: элементов, необходимых для жизни, которых на Марсе очень мало — воздуха, воды и пищи — здесь нет вообще. Несмотря на это, уже в 1960-х люди побывали на Луне, захватив с собой воздух, воду и все остальное — в системах жизнеобеспечения, установленных

в скафандрах и в посадочных модулях. Отсюда — прямая дорога к более крупным конструкциям. Из-за вступающих в игру величин их создание было более сложной задачей, и все же это было простое и бесхитростное увеличение масштаба, до границы полупостоянных, приближенных к автономным, колоний с замкнутым циклом. Основной проблемой этих первых колоний была проблема снабжения. На каждого человека требуется столько-то тонн оборудования, на каждый килограмм запущенного в космическое пространство груза расходуется столько-то топлива и железа стоимостью столько-то миллионов долларов. Но это могло быть сделано.

Марс на несколько порядков дальше. Луна обращается вокруг Земли на расстоянии около четверти миллиона миль. В наибольшем приближении (случающемся лишь несколько раз в столетие) Марс более чем в сто раз дальше.

Марс не только далеко от Земли, он дальше и от Солнца. В то время как Луна получает на квадратный сантиметр столько же солнечной энергии, что и Земля, Марс, согласно правилу обратных квадратов, получает едва ли половину этого.

Ракету с Земли на Луну можно запустить в любой день и в любой час. Но Марс и Земля не

кружат друг вокруг друга, они обращаются вокруг Солнца, и поскольку у них разные орбитальные скорости, иногда они находятся не очень близко, а иногда — очень далеко. Лишь тогда, когда они находятся на наименьшем расстоянии, можно запустить на Марс ракету с разумными затратами. Такая оказия случается раз в два года и длится полтора месяца.

Даже строение Марса, благодаря которому он больше похож на Землю, работает против создания марсианской колонии. Марс больше Луны, а значит, его притяжение ближе к земному. Если притяжение больше, значит, ракете потребуется больше топлива для посадки и больше топлива для последующего взлета.

Из всего этого вытекает, что колонию на Луне можно снабжать с Земли. Колонию на Марсе снабжать с Земли нельзя.

По крайней мере, человеческую колонию.

А если изменить человека?

Допустим, мы возьмем типичный человеческий организм и выборочно изменим любую его часть. На Марсе нечем дышать? Заменим легкие миниатюрной системой регенерации кислорода с катализным разложением. Для этого нужна энергия, но энергия поступает от далекого Солнца.

В типичном человеческом организме закипит кровь? Ладно, избавимся от крови, во всяком случае, в конечностях и поверхностном слое, пусть руки и ноги будут двигаться с помощью механических двигателей, а не мускулов. Доступ крови сохраним только к хорошо защищенному мозгу. Нормальный человеческий организм требует еды, значит, если заменить основную мускулатуру механизмами, потребность в еде отпадет. Только мозг должен постоянно получать питание, каждую минуту, двадцать четыре часа в сутки. К счастью, по потреблению энергии мозг — наименее требовательный из аксессуаров человека. Ему хватит и кусочка хлеба в день.

Вода? И она уже не обязательна, за исключением эксплуатационных расходов, вроде пополнения гидравлической жидкости в тормозах автомобиля через каждые десять тысяч километров. Когда тело превратится в систему с замкнутым циклом, его вообще не нужно будет промывать водой в виде питья, кровообращения и выделения.

Излучение? Палка о двух концах. Вспышки на Солнце происходят непредсказуемо, и тогда даже на Марсе излучение слишком опасно для здоровья; значит, все тело необходимо спрятать под

искусственной кожей. В остальное время остается обычное видимое и ультрафиолетовое излучение солнца. Этого слишком мало, чтобы согревать, недостаточно даже для того, чтобы просто видеть, следовательно, придется побеспокоиться о большей площади поглощения тепла — отсюда у киборга большие, как у летучей мыши, уши рецепторов — и заменить глаза на механические, чтобы обеспечить наилучшую видимость.

Если проделать все это над человеческим организмом, то, что получится, будет уже не совсем человеком. Это будет человек плюс множество механического и электронного оборудования.

Человек превратится в кибернетический организм: киборг.

Первым человеком, превращенным в киборга, был, вероятно, Вилли Хартнетт. Здесь нет полной уверенности. Ходили упорные слухи о китайском эксперименте, прошедшем даже начальную фазу, а потом прекращенном. Но не было ни малейших сомнений, что Хартнетт — единственный киборг, живущий и существующий в данный момент. Он был рожден типичным для человека способом, и в течение тридцати семи лет обладал типичной для людей внешностью. Только в последние восемнадцать месяцев он начал изменяться.

Сначала перемены были небольшими и кратковременными.

Сначала ему не удаляли сердце. Время от времени оно просто работало бок о бок с бесшумным ротативным насосом из мягкого пластика, который на неделю прикрепляли к плечу.

Глаза тоже не удаляли… пока. Пока он учился распознавать размытые образы, которые показывала противно зудящая видеокамера, хирургически соединенная со зрительными нервами, глаза плотно заклеивали чем-то вроде лейкопластыря.

Одна за другой на нем испытывались все системы, которые должны были превратить его в марсианина. И только после того, как каждый элемент был испытан, настроен и признан работающим нормально, были сделаны первые постоянные изменения.

На самом деле не постоянные. Хартнетт судорожно цеплялся за это обещание. Хирурги обещали это Хартнетту, а Хартнетт — своей жене. Все эти изменения можно будет восстановить, и они будут восстановлены. После выполнения задания и удачного возвращения вся электроника будет удалена, ее место вновь займет мягкая, человеческая плоть, и он вновь примет нормаль-

ный человеческий вид.

Хартнетт понимал — этот вид будет не совсем такой, как раньше. Они не смогут сохранить его собственные органы и ткани, они смогут всего лишь заменить их на равноценные. Мастера по пересадке органов и пластической хирургии приложат все усилия, чтобы он снова был похож на себя, однако вряд ли стоило рассчитывать, что он сможет путешествовать со старой фотографией в паспорте.

Это не особенно огорчало Хартнетта. Он никогда не считал себя красавцем. Его удовлетворяло сознание того, что у него снова будут человеческие глаза. Не свои собственные, конечно. Но доктора обещали, что они будут голубыми, их будут закрывать веки с ресницами, и если повезет, то эти глаза даже смогут плакать (как предполагалось, от счастья). Его сердцем снова станет мышца с кулак размером, и она будет гнать красную человеческую кровь по всем уголкам и закоулкам его тела. Грудные мышцы будут всасывать воздух в легкие, где настоящие, человеческие альвеолы будут поглощать кислород и выделять углекислый газ. Большие, как у нетопыря, уширецепторы (кстати, они доставляли массу хлопот, их конструкция была рассчитана на марсианскую, а

не земную силу тяжести, поэтому они все время отваливались, и с ними приходилось без конца бегать в лабораторию) будут демонтированы и исчезнут. С такими страданиями созданную и пересаженную искусственную кожу с не меньшими страданиями снимут и заменят человеческой, потеющей и волосатой. (Его собственная кожа все еще находилась под облегающим искусственным покрытием, но Хартнетт и не рассчитывал, что она перенесет эксперимент. На то время, что ей придется провести под искусственной кожей, ее естественные функции необходимо было остановить. Кожа почти наверняка утратит эти функции безвозвратно, и ее придется менять).

Жена Хартнетта поставила ему еще одно условие. Она заставила его поклясться, что пока он носит карнавальный костюм киборга, он не покажется детям на глаза. К счастью, дети были еще в том возрасте, что слушались, а соучастие учителей, друзей, соседей, родственников одноклассников и всех остальных было обеспечено туманными намеками о тропическом некрозе и прочих заболеваниях кожи, поразивших Хартнетта. Людям, конечно, было любопытно, но намеки сработали, и никто не настаивал, чтобы отец Терри пришел на родительское собрание,

или чтобы муж Бренды появился вместе с ней на пикнике.

Сама Бренда Хартнетт пыталась не видеть мужа, но с течением времени любопытство пересилило ужас. Однажды она украдкой пробралась в «предбанник» камеры, где Вилли тренировался перед испытаниями на координацию, катаясь по красным пескам на велосипеде и балансируя тарелкой воды, поставленной на руль. Дон Кайман остался с ней, в твердой уверенности, что она упадет в обморок, или завизжит, или ее вырвет. Однако она обманула его ожидания, удивив себя ничуть не меньше, чем священника. Киборг слишком напоминал чудовище из японского фильма ужасов, чтобы принимать его всерьез. Только к вечеру она, наконец, связала большеухое и хрустальноглазое создание на велосипеде с отцом своих детей. А на следующий день пришла к медицинскому директору программы и заявила, что Вилли к этому времени, должно быть, уже помирает без хорошего траха, и она не видит, почему бы ей не угодить своему муженьку. Доктору пришлось объяснить ей то, чего не смог выговорить сам Вилли — при нынешнем состоянии знаний сохранение этих функций организма сочли излишним и невозможным, а потому их

временно, эээ, отключили.

Тем временем киборг отрабатывал свои испытания и ожидал новых переделок и новой боли.

Его мир состоял из трех частей. Первой было двухкомнатное помещение, с давлением, соответствующим высоте около двух тысяч пятисот метров над уровнем моря, чтобы персонал программы мог без особых трудностей входить и выходить. Здесь он спал, когда мог, здесь он ел то немногое, что ему давали. Он всегда был голоден, всегда. Чувство голода пробовали отключить, но ничего не вышло.

Вторую часть составляла марсианская камера, в которой он упражнялся и проходил испытания, чтобы архитекторы его нового тела могли увидеть свое творение в действии. Третьей частью была камера низкого давления на колесиках, перевозившая его из личного помещения на арену для публичных выступлений, или — изредка — куда-нибудь еще.

Марсианская камера напоминала клетку в зоопарке, где его постоянно выставляли напоказ. В камере на колесиках не было ничего, кроме ожидания, пока его везут с места на место.

Он мог хоть как-то расслабиться и отдохнуть лишь в двух маленьких комнатках, официально

считавшихся его домом. Там у него был свой телевизор, свое стерео, свой телефон, свои книжки. Туда время от времени забегал кто-нибудь из аспирантов или друзей-астронавтов, сыграть в шахматы или просто непринужденно поболтать, изнемогая от одышки в разреженном воздухе. Таких посещений он ждал и старался растянуть их подольше. Когда рядом не было никого, он оставался предоставленным самому себе. Изредка читал. Иногда сидел у телевизора, неважно, что бы там ни показывали. А чаще всего просто «отдыхал». Так он объяснял это своим опекунам, имея в виду сидение или лежание с переключенной в пассивное состояние зрительной системой. Словно прилег отдохнуть, и прикрыл глаза. Яркий свет все равно проникал в его мозг, как проникает сквозь закрытые веки спящего, любые звуки проникали тоже. В такие минуты его мозг взрывался мыслями о сексе, еде, ревности, сексе, ярости, детях, ностальгии, любви… пока он не взмолился о помощи. Тогда с ним провели курс аутогипноза, позволявший начисто выбрасывать все из головы. С тех пор в состоянии «отдыха» он не делал почти ничего осознанного. За это время его нервная система успокаивалась и готовилась к новым вспышкам боли, а мозг отсчитывал

секунды, отделявшие его от того момента, когда полет будет позади, и ему вернут нормальное человеческое тело.

Этих секунд было много. Он часто подсчитывал: семь месяцев до орбиты Марса, семь месяцев обратно. Несколько недель до и после — на приготовления к старту и на отчет о выполненном задании, и только потом начнется процесс возвращения его тела. Два, три месяца — никто не знал точно, сколько — на хирургические операции и заживление пересаженных органов.

По наиболее точным оценкам количество секунд составляло около сорока пяти миллионов. Плюс-минус каких-нибудь десять миллионов. Он чувствовал каждую из них, ощущал, как она наступает, как длится, и как неторопливо уходит.

Психологи пытались избавить его от этого, планируя каждую его секунду. Он отмахивался от этих планов. Они пытались понять, что с ним происходит, с помощью изощренных тестов и ассоциативных игр. Он позволил им копаться в его душе, но оставил в глубине неприступную крепость, в стены которой они так и не вторглись. У Хартнетта никогда не было тяги к интроспекции, он знал, что душа у него, как лужа, широкая, но мелкая, и что всю жизнь он обходился без всякого

анализа. И его это вполне устраивало. Но сейчас, когда у него уже не осталось ничего своего, кроме этой самой глубины души, он берег ее.

Временами он жалел, что не умеет анализировать свою жизнь. Он сожалел, что не может понять побуждений, толкнувших его на это.

Почему он вызвался добровольцем? Несколько раз он пытался вспомнить, почему, и в конце концов пришел к выводу, что не имеет ни малейшего понятия. Может быть, потому, что Свободному Миру требуется марсианское жизненное пространство? Ради славы первого марсианина? Ради денег? Ради стипендий и привилегий, которые будут гарантированы его детям? Чтобы завоевать любовь Бренды?

Скорее всего, по одной из этих причин. Он только не помнил, какой. Если вообще когда-нибудь знал это.

Так или иначе, он был обречен. Уж если он и был в чем-то уверен, так это в том, что назад у него пути уже нет.

Он разрешит им подвергнуть свое тело самым садистским, самым диким пыткам, какие только придут им в голову. Он сядет в космический корабль, который понесет его на Марс. Он вытерпит эти семь бесконечных месяцев в полете,

приземлится, откроет, присоединит к владениям, возьмет пробы, сфотографирует, исследует, потом взлетит, неизвестно как вынесет еще семь месяцев обратного пути, и привезет им всю информацию, какую хотят. Потом он как-нибудь стерпит медали, аплодисменты, поездки с лекциями, телевизионные интервью и контракты на книги.

И уж только потом отдастся в руки хирургов, которые сложат его обратно, таким, какой он был.

Он смирился со всем этим, и был уверен, что выдержит.

В своих раздумьях он не находил ответа только на один вопрос. Вопрос, связанный с вероятностью, к которой Хартнетт был не готов. Когда он впервые вызвался участвовать в программе, ему весьма откровенно и честно объяснили, что медицинские проблемы сложны и до конца не исследованы. Как решать некоторые из этих проблем, придется изучать прямо на нем. Возможно, некоторые ответы будут так и не найдены, или найдены, но неверно. Возможно, что возвращение его собственного тела несколько… затянется. Ему объяснили все это в самом начале, очень недвусмысленно, и никогда больше к этому не возвращались.

Но он запомнил. Вопрос, на который он не находил ответа, был такой: как он поступит, если по окончании миссии его не смогут сложить обратно? Он еще не решил, покончит ли он только с собой, или постарается прихватить как можно больше друзей, начальства и коллег.

Глава 4. КАНДИДАТЫ В ПОХОРОННУЮ КОМАНДУ

Полковник в отставке ВВС США, почетн. др. техн. наук, др. гум. наук Роджер Торравэй.

Утром, когда он проснулся, ночная смена как раз заканчивала стендовый прогон фоторецепторов киборга. Когда киборг в последний раз пользовался рецепторами, на мониторах возник не идентифицированный провал напряжения. Но проверка на стенде ничего не показала, и когда их разобрали, тоже ничего не нашли. Рецепторы признали пригодными к работе.

Спал Роджер плохо. Какая страшная ответственность — быть хранителем последней, отчаянной надежды человечества на свободу и достойную жизнь. Как раз с этой мыслью в голове он и проснулся. Какая-то часть Роджера Торравэя — чаще всего дававшая о себе знать именно во сне — так и не выросла из своих девяти лет. И эта частичка принимала все слова президента за чистую монету, хотя сам Роджер, побывав в шкурах командира экипажа и дипломата, поездив по

миру и повидав с дюжину стран, уже не верил в существование Свободного Мира всерьез.

Одеваясь, он по привычке думал об двух сторонах медали. Допустим, что Дэш играет по правилам, и завоевание Марса означает спасение человечества. А что по другую сторону? Вилли Хартнетт, симпатичный (пока за него не взялись врачи) парень. Дружелюбный, золотые руки. Если присмотреться, немного взбалмошный. По субботам в клубе он может принять лишнего, а на вечеринке его лучше не оставлять на кухне с чужой женой.

Как ни крути, размышлял Роджер, героем его не назовешь. А кого назовешь? Про себя он перечислил всех дублеров. Номер один: Вик Фрейбарт, в настоящее время находящийся в официальной поездке с вице-президентом, а потому временно снятый с очереди. Номер два: Карл Маццини, освобожден по болезни, пока не срастется сломанная на Маунт-Сноу нога. Номер три: он сам.

Ни в одном из них не видно духа Вэлли-Форж.

Он не стал будить Дори, сам сделал завтрак, вывел из гаража АВП, мягко пыхтевший полунадутым фартуком, достал из ящика утреннюю газету, швырнул ее в гараж и запер двери. Сосед, направлявшийся на стоянку, окликнул его:

— Не смотрели утренние новости? Оказывается, Дэш вчера приезжал в город. Какая-то встреча на высоком уровне.

— Нет, — машинально ответил Роджер, — сегодня я еще не включал телевизор.

Зато я видел Дэша собственными глазами, подумал он, и мог бы заткнуть тебе рот. Досадно, что нельзя этого сказать. Секретность, его больная мозоль. Он был уверен, что последняя ссора с Дори случилась наполовину потому, что ежеутренне болтая с соседками, или за кофе с друзьями, ей разрешалось говорить о своем муже, только как о бывшем астронавте, а ныне государственном служащем. Даже его поездки за границу приходилось маскировать: «выехал из города», «деловая поездка», что угодно, лишь бы не «Ах, на этой неделе муж улетел на переговоры с командованием военно-воздушных сил Басутуленда». Сначала она бунтовала. Она и до сих пор бунтовала, по крайней мере — довольно часто жаловалась на это Роджеру. Но насколько он знал, она ни разу не нарушила служебной тайны. А уж об этом он узнал бы сразу, потому что минимум трое соседок регулярно бегали с докладами в институт, к офицеру службы безопасности.

Усаживаясь в машину, Роджер вспомнил, что

не поцеловал Дори на прощанье.

Не имеет значения, подумал он. Все равно она не проснется, а значит, и не узнает. А если случайно и проснется, то рассердится — за то, что он ее разбудил. Все равно, Роджер не любил отступать от ритуала. Он еще колебался, а руки уже сами переключили АВП в ходовой режим и ввели код института. АВП тронулся. Вздохнув, Роджер включил телевизор, и всю дорогу до работы смотрел свежие новости.

Преп. Донелли С. Кайман, др. философии, др. гум. наук, член Общества Иисуса.

Пока преподобный служил мессу в часовне Святой Девы Марии и Св. Иуды, в трех милях от него, на другой стороне Тонки, киборг с жадностью поглощал завтрак — единственное, что ему полагалось на сегодня. Пережевывать было трудно, с непривычки он ранил себе десны, да и слюна выделялась уже не так обильно. Однако ел киборг с энтузиазмом, даже не вспоминая о сегодняшней программе испытаний. Доев, он с тоской уставился в пустую тарелку.

Дону Кайману было тридцать один год, и он был крупнейшим в мире ареологом (другими словами, специалистом по планете Марс), по крайней мере, в Свободном Мире. (Кайман, прав-

да, признал бы, что старый Парнов из Института Шкловского в Новосибирске тоже кое-что в этом соображает). Кроме того, он был иезуитом. Он не задумывался над тем, кто же он в первую очередь; Марс был его делом, а служение Богу — призванием. С благоговением и радостью он поднял гостию, выпил вино, произнес последнее «redempit», бросил взгляд на часы и присвистнул. Опаздываем. Сутану он сбросил в рекордное время, хлопнул по плечу мексиканского мальчишку-служку, тот оскалил зубы в улыбке и открыл перед ним двери. Они любили друг друга; Кайман считал даже, что этот мальчик, может быть, сам когда-нибудь станет и священником, и ученым.

Уже в спортивной рубашке и брюках, Кайман прыгнул в свой кабриолет. Старомодный, на колесах вместо воздушной подушки, на нем можно было даже свернуть с автоматической автострады. Только вот куда сворачивать? Он набрал номер института, включил основную батарею и развернул газету. Маленький автомобильчик сам выполз на автостраду, дождался свободного места в потоке машин, втиснулся в ряд и со скоростью восемьдесят миль в час понес его на работу.

Новости в газете были, как обычно, плохие.

В Париже МИД метнул очередную молнию в адрес мирных переговоров в Чандригаре. Израиль отказался вывести войска из Каира и Дамаска. Пятнадцатый месяц военного положения в Нью-Йорке не спас от засады конвой десятой горнострелковой дивизии, прорывавшейся через мост Бронкс-Уайтстоун на помощь гарнизону Ши-Стэдиум, пятнадцать солдат погибло, конвой вернулся в Бронкс.

Кайман со вздохом отложил газету, повернул к себе зеркальце заднего вида, поднял боковые окна, чтобы укрыться от ветра, и принялся причесывать длинные, до плеч, волосы. Двадцать пять раз с каждой стороны — для него это был такой же ритуал, как и месса. Сегодня причесываться придется еще раз, потому что он обедает с сестрой Клотильдой. Сестра была уже наполовину убеждена, что должна испросить разрешения от некоторых обетов, а отец Кайман был готов обсуждать с ней эту тему так часто и так долго, как позволяют приличия.

Он въехал на территорию института сразу вслед за Роджером Торравэем, потому что добираться ему было ближе. Они вместе вышли, отправили машины на автоматическую парковку, и одним лифтом поехали наверх, на совещание.

Заместитель директора Т. Геймбл де Белл.

Пока он готовился накручивать хвосты на утреннем совещании, киборг лежал на животе в тридцати метрах от него, голый, с разведенными в стороны ногами. На Марсе ему придется питаться исключительно безшлаковой пищей и в мизерных количествах, а пока выделительную систему решили сохранить хотя бы на минимальном уровне, несмотря на трудности, возникшие из-за изменений в строении кожи и метаболизме. Хартнетт с радостью ел, но терпеть не мог клизму.

Директором программы был генерал. Научным директором — известный биофизик, работавший еще с Уилкинсом и Полингом; двадцать лет назад он бросил науку и начал работать важной шишкой, потому что именно здесь лежали большие деньги. И тот, и другой имели весьма отдаленное отношение к работе самого Института, и выступали, как связующее звено между его работниками и стоящими в тени хозяевами с золотым ключиком.

А для повседневной, рутинной работы существовал заместитель директора. Сегодня с утра на его столе уже скопилась целая стопка записок и отчетов, и он уже успел их просмотреть.

— Зашифруйте изображение, — бросил он, не поднимая глаз.

Гротескный профиль Вилли Хартнетта на экране у него над головой рассыпался на строчки, превратился в снег, и наконец, снова приобрел свои привычные очертания. (Видно было только его голову. Собравшиеся в кабинете не видели, какое унижение приходилось переносить Вилли, хотя большинство и так знало. Эта процедура стояла в ежедневном распорядке дня). Теперь изображение стало черно-белым, менее четким и подрагивало. Зато теперь оно надежно защищено от чужих глаз (на случай, если какой-нибудь шпион подключится к внутренней телесети). Когда показывали лицо Хартнетта, качество изображения все равно не имело никакого значения.

— Начнем, — бесцеремонным тоном начал заместитель директора. — Дэша вчера слышали все. Он прилетал не ради ваших голосов. Ему нужно дело. Мне тоже. Чтобы я больше не видел никаких проколов, как с этими сраными фоторецепторами.

Он перевернул листок.

— Текущее положение дел, — прочитал он. — Все системы командора Хартнетта работают нормально, за исключением трех. Во первых,

искусственное сердце не очень хорошо реагирует на продолжительные упражнения при низких температурах. Во-вторых, зрительная система слабо реагирует на высокие частоты, начиная с темно-голубого. Я разочарован, Брэд.

Тут он поднял взгляд на Александра Брэдли, специалиста по системам восприятия глаза.

— Ты знаешь, что это ограничивает нас по ультрафиолету. В-третьих, системы связи. Вчера нам пришлось в этом признаться в присутствии президента. Он был не в восторге, и я — тоже. Ларингофон не работает. У нас фактически нет естественной голосовой связи при нормальном марсианском давлении, и если мы не найдем какого-нибудь решения, придется возвратиться к обычным визуальным сигналам. Восемнадцать месяцев псу под хвост.

Он обвел собравшихся взглядом, остановившись на кардиологе.

— Ну хорошо. Что у нас с кровообращением?

— Все дело в повышении температуры, — оправдывающимся тоном ответил Файнмэн. — Сердце работает идеально. Вы хотите, чтобы я приспособил его к абсурдным условиям? Я могу, но он будет восьми футов ростом. Наведите порядок с тепловым балансом. При низких температу-

рах кожа закрывается и перестает проводить, уровень кислорода в крови падает, и сердце, естественно, бьется быстрее. Так и должно быть. Чего же вы еще хотите? Иначе он просто в обморок упадет, или случится кислородное голодание мозга. И что тогда?

Со стены на них смотрело бесстрастное лицо киборга. Теперь он сидел (клизма закончилась и судно унесли). Роджер Торравэй не очень прислушивался к спору, никоим образом его не касавшемуся, зато задумчиво всматривался в киборга. Интересно, о чем думает старик Вилли, слушая, как о нем тут говорят? В свое время Роджер не поленился заглянуть в служебные психологические тесты Хартнетта, но почерпнул оттуда не очень много. Было совершенно ясно, почему. Всех их уже столько раз тестировали и перетестировали, что они достигли больших высот в искусстве отвечать на вопросы именно так, как хотели бы экзаменаторы. Пожалуй, все в институте уже научились этому, кто сознательно, кто инстинктивно. Из них получились бы чудные игроки в покер, подумал он с усмешкой, вспомнив партию в покер с Вилли. Он украдкой подмигнул киборгу и показал ему большой палец. Хартнетт не отреагировал. По фасетчатым

рубиновым глазам было невозможно определить, куда он смотрит.

— … нельзя еще раз менять кожу, — упирался дерматолог. — У нас и так превышение по весу. Если мы добавим еще рецепторов, он постоянно будет чувствовать себя, как в водолазном скафандре.

Неожиданно в динамике телевизора затрещало.

— А как, по-вашшиему, я сиичас себя чувствую, чеерт побериии? — вмешался киборг.

Все на мгновение притихли, вспомнив, что говорят о живом человеке.

— Тем более, — настойчиво повторил дерматолог. — Мы хотим утончить ее, упростить, облегчить. А не усложнять.

Заместитель директора поднял руку.

— Договоритесь между собой, — приказал он спорщикам. — И не говорите мне, чего вы не можете — я вам сказал, что мы должны сделать. Теперь ты, Брэд. Что с этим ограничением диапазона?

— Никаких проблем, — беззаботно ответил Алекс Брэдли. — Исправим. Только… Вилли, мне очень жаль, но это означает новую пересадку. Мы знаем, что происходит. Что-то в передающих

схемах сетчатки, она фильтрует высокие частоты. Сама схема в порядке, просто…

— Значит, сделайте так, чтобы она работала, — прервал его замдиректора, поглядев на часы. — Что со связью, халтурщики?

— Это к легочникам, — отозвался электроник. — Если они дадут нам чуть больше воздуха, мы дадим Хартнетту голос. Вся электроника в порядке, ей просто нечего проводить.

— Исключено! — взвился пульмонолог. — Вы оставили нам чуть больше пятисот миллилитров объема! Он расходует это за десять минут. Я ему сто раз показывал, как нужно экономить…

— Вы не могли бы говорить шепотом? — спросил замдиректора, а когда связист стал вытаскивать графики частотных характеристик, добавил: — Ладно, решите это между собой! Если говорить о всех остальных, пока все хорошо. Только не вздумайте почить на лаврах.

Он сложил бумаги в пластиковую папку и передал ее своему помощнику.

— С этим мы закончили. А теперь, с вашего разрешения, я перейду к серьезным вопросам.

Он подождал, пока шум утихнет.

— Президент приезжал потому, что принято окончательное решение о запуске. Итак, друзья,

отсчет начался.

— Когда? — поинтересовался кто-то.

— Чем скорее, тем лучше. Мы должны завершить нашу работу, и я имею в виду, друзья мои, действительно завершить работу. То есть довести Хартнетта до оптимальных параметров, чтобы он мог в полном смысле слова жить на Марсе, а не бегать в лабораторию, если что-то пойдет не так — и сделать это к стартовому окну, в следующем месяце. Старт назначен на восемь ноль ноль двенадцатого ноября. Что дает нам сорок три дня, двадцать два часа и еще пару минут. Не больше.

После секундной паузы зал взорвался. Даже выражение лица киборга заметно изменилось, хотя никто не смог бы сказать, в какую сторону. Замдиректора продолжал:

— Это еще не все. Дата назначена, изменить ее нельзя, и мы обязаны уложиться. Теперь я хочу объяснить вам, почему. Слайд, пожалуйста.

Свет погас, и заместитель директора, не дожидаясь знака, включил проектор, направленный на экран в дальнем конце зала, где было видно всем, даже киборгу из своей камеры. На экране появилась координатная сетка с толстой черной кривой, круто поднимавшейся вверх к красной линии. Заголовком служили ярко-оранжевые

буквы «Строго секретно. Вслух не читать.».

— Я объясню, что вы видите, — сказал замдиректора. — Черная кривая — это функция двадцати двух показателей, начиная от баланса международных займов, и заканчивая уровнем плохого отношения к американским туристам со стороны иностранных официальных лиц. Результат — вероятность возникновения войны. Красная линия наверху обозначена ВД, сокращение от «Военные Действия». Полной гарантии нет, но статистики утверждают, что за этой границе вероятность возникновения войны в ближайшие шесть часов составляет девять десятых. Как видите, мы приближаемся к этому.

Шепот утих. Наступила гробовая тишина. Наконец кто-то спросил:

— А какова шкала времени?

— Здесь данные за тридцать пять лет.

Напряжение немного упало. Пробел вверху означал по крайней мере пару месяцев, а не минут. Раздался голос Кэтлин Даути:

— А где видно, с кем будет война?

Замдиректора поколебался, потом осторожно ответил:

— Ну, этого на графике нет, но думаю, что каждый из вас сам может догадаться. Я могу вы-

сказать несколько своих предположений. Если вы читаете газеты, то знаете, что китайцы давно обещают превратить австралийские пустыни во всемирную житницу, дайте им только применить их синьцзяньскую агрономию. До чего бы там ни дорешалась эта банда квислингов из Канберры, я твердо уверен, что наше правительство не пустит туда узкоглазых. Во всяком случае, если они хотят получить мой голос на следующих выборах.

— Но это только мое личное мнение, — добавил он, немного помолчав, — только для вашего сведения, и прошу вас не упоминать об этом. Я не знаю официальной точки зрения на этот счет, и даже если бы знал, все равно не сказал бы. Все, что знаю я, теперь знаете и вы. Тенденция весьма печальная, сейчас все указывает на быстро растущую вероятность эскалации ядерного конфликта. Экстраполяция дает нам вероятность девять десятых в течение ближайших семи лет.

— Это значит, что если к тому времени у нас не будет жизнеспособной марсианской колонии, то мы можем вообще не дожить до этого времени.

Инженер-электроник, др. медицины, др. ест. наук, подполковник в отставке резерва морской пехоты США Александр Брэдли.

Выходя из конференц-зала, Брэдли сменил озабоченную мину для совещаний на открытую и добродушную улыбку, с какой обычно глядел на окружающих. В это время киборг шлюзовался в марсианской камере. Наблюдавшие за ним немного беспокоились. Хотя на лице киборга невозможно было прочесть никаких эмоций, эти эмоции можно было обнаружить по биению сердца, дыханию и другим жизненным проявлениям, непрерывно регистрируемым телеметрией. Из телеметрии выходило, что киборг находится в состоянии некоторого нервного напряжения. Ему предложили перенести испытания, но он отказался.

— Вы шшто, не ззнаете, что у нас воййна на носссу? — визгливо огрызнулся он и больше с ними не разговаривал. Испытания решено было провести, а по окончании — еще раз проверить психопрофиль Вилли.

В десять лет Александр Брэдли потерял отца и левый глаз. В воскресенье после дня Благодарения они всей семьей возвращались на автомобиле из церкви. Ударил заморозок. Утренняя роса замерзла, покрыв дорогу прозрачной, тонкой пленкой льда. Отец Брэда вел очень осторожно, но машины ехали впереди и сзади, машины неслись

по встречной полосе; ему приходилось держать скорость не ниже положенного, он не сводил глаз с дороги, а на вопросы жены и сына отвечал односложно. Вел он внимательно, но этого оказалось мало; когда надвинулась катастрофа, он уже никак не мог ее избежать. Сидевшему на переднем сидении рядом с отцом Брэду показалось, что кативший им навстречу в сотне ярдов впереди фургончик медленно, неторопливо съезжает влево, словно собираясь повернуть. Вот только поворачивать было некуда. Отец Брэда нажал на тормоза и не отпускал ногу, их автомобиль замедлил ход и пошел юзом. В течение двух секунд мальчик смотрел, как встречная машина боком ползет к ним, а они сами медленно, но неотвратимо двигаются прямо на нее, величаво и неотвратимо. Никто не сказал ни слова — ни Брэд, ни отец, ни мать Брэда на заднем сидении. Никто даже не пошевелился, все застыли, словно актеры в живой картине, иллюстрирующей правила дорожного движения. Отец, выпрямившись, молча сидел за рулем, пристально глядя на чужую машину, а ее водитель с немым вопросом в широко распахнутых глазах выглядывал через плечо в их сторону. Ни один из них до столкновения так и не пошевелился. Даже на льду

трение тормозило машины, и их относительная скорость не превышала двадцати пяти миль в час. Этого оказалось вполне достаточно. Оба водителя погибли: отца Брэда проткнула рулевая колонка, встречному водителю снесло голову. Брэд с матерью, несмотря на застегнутые ремни, получили переломы, ушибы и травмы, в том числе и внутренние. Мать до конца жизни не могла пошевелить левой кистью, а сын потерял глаз.

Двадцать три года спустя авария все еще снилась ему, будто это было только вчера. Когда такое случалось, сердце выпрыгивало из груди от ужаса, он просыпался с криком, весь потный, еле переводя дух.

Но нет худа без добра. Оказалось, что ценой потерянного глаза он приобрел немало. Во-первых, страховую премию за жизнь отца и увечья каждого из пострадавших. Во-вторых, освобождение от военной службы (а позднее, когда ему потребовалась практика по специальности, он смог добровольцем вступить в морскую пехоту, в медицинскую службу). В-третьих, у него появился удобный повод избегать опасных игр и прочих обременительных обязанностей отрочества. Ему ни разу не приходилось доказывать свою храбрость в драке, и конечно, он всегда мог

отвертеться от любых уроков физкультуры.

А в-четвертых (и это самое главное) — он бесплатно получил образование. В соответствии с постановлениями о помощи детяминвалидам система социального обеспечения его родного штата оплатила обучение Брэда в школе, в колледже и в аспирантуре. Брэд получил четыре научных степени, сделавшись одним из самых крупных мировых специалистов по глазной нервной системе. В конечном итоге обмен оказался выгодным. Даже если учесть мучения матери, которая оставшиеся десять лет жизни страдала болями, стала очень вспыльчивой и раздражительной.

Брэд попал в программу Человек Плюс, потому что лучшего специалиста не нашлось бы. В свое время он выбрал себе работу в морской пехоте, потому что нигде не нашел бы лучших объектов для исследования, заботливо препарированных осколком снаряда, противопехотной миной или ножом. Его работа не осталась без внимания у военного командования. Брэда не просто приняли — его попросили принять участие в программе.

Самому Брэду иногда казалось, что он мог найти и что-нибудь получше Человека Плюс. Других к космической программе притягивал размах

или чувство долга. С Брэдли дело обстояло совершенно по-другому. Как только он сообразил, к чему клонит человек из Вашингтона, перед ним открылись совершенно новые перспективы и возможности. Это был новый путь. Путь, означавший отказ от одних планов, отсрочку других. Но он видел, куда ведет этот путь: скажем… три года работы над зрительными системами киборга. Репутация специалиста мирового уровня. После этого он бросает программу и выходит на бескрайние, плодородные просторы частной практики. На сто тысяч американцев приходится сто восемь человек с врожденными нарушениями функций одного или обоих глаз. В сумме получается более трехсот тысяч потенциальных пациентов, и все, как один, захотят лечиться у самого лучшего специалиста.

Работа в программе Человек Плюс автоматически сделает Брэда этим лучшим специалистом. Еще до сорока у него будет своя частная клиника. Небольшая, как раз такая, чтобы он лично мог следить за каждой мелочью. Работать там будут молодые врачи, лично им обученные, и под его личным руководством. Они смогут принимать, скажем… пятьсот, может быть, даже шестьсот пациентов в год — малая доля процента всех

потенциальных пациентов. Но что это будет за доля? По крайней мере половина — с самыми толстыми кошельками. Конечно, не будем забывать и о благотворительности. Минимум для ста пациентов в год — все бесплатно, даже телефон у кровати. Зато несколько сотен тех, которые могут заплатить, заплатят сполна. Клиника Брэдли (это уже звучало почти так же весомо и заслуженно, как «клиника Меннинджера») будет образцом для учреждений здравоохранения во всем мире и принесет ему огромную кучу денег.

Не вина Брэдли, что три года растянулись в пять с лишним. Эти задержки происходили даже не из-за его отдела. Большинство, во всяком случае. Он все еще молод. Когда он уйдет из программы, у него в запасе будет еще добрых три десятка лет работы, разве что он решит уйти на покой пораньше, возможно, оставив за собой должность консультанта и контрольный пакет акций клиники Брэдли. Кроме того, работа в космической программе имела и другие преимущества — большинство его товарищей по работе было женато на очень привлекательных женщинах. Брэдли не очень интересовал брак, зато интересовали жены.

Вернувшись в семикомнатное царство своей

лаборатории, Брэд гонял подчиненных, пока не убедился, что новые элементы сетчатки будут готовы к пересадке в течение недели. Потом он посмотрел на часы. Одиннадцати еще не было. Он набрал номер Торравэя и дождался, пока тот ответит.

— Ты идешь обедать, Родж? Я хотел поговорить с тобой насчет нового имплантата.

— Ох. Не получится, Брэд. Очень жаль. Минимум три следующих часа я буду сидеть в камере, с Вилли. Может быть, завтра.

— Тогда поговорим завтра, — весело ответил Брэд и положил трубку. Он заранее проверил график работы Торравэя, так что отказ его вовсе не удивил. Напротив, он был доволен. Секретарше он сказал, что едет на совещание в город, потом — ленч, вернется к двум, и вызвал машину. В машине Брэд ввел индекс перекрестка, расположенного всего в квартале от дома, в котором жил Роджер Торравэй. И Дори Торравэй.

Глава 5. МОНСТР СТАНОВИТСЯ СМЕРТНЫМ

Когда Брэд, насвистывая, садился в машину, радиоприемник внутри неутомимо вещал о последних новостях. Десятая горнострелковая дивизия отступила на укрепленные позиции в Ривердейл. Тайфун уничтожил урожаи риса в Юго-Восточной Азии. Президент Дешатен приказал делегации Соединенных Штатов покинуть заседание Объединенных Наций по проблемам совместного использования дефицитных природных ресурсов.

Впрочем, многие новости на радио не попали. То ли комментаторы о них просто не знали, то ли не сочли достаточно важными. Так, например, не было сказано ни слова о двух китайских джентльменах, находящихся в Австралии с правительственным заданием. Не было упомянуто о результатах некоторых конфиденциальных опросов общественного мнения, хранившихся в сейфе у президента, а также и об испытаниях, проводимых над Вилли Хартнеттом. Потому Брэд ничего о них не услышал. Если бы только он

услышал эти новости и понял их важность, он бы принял их всерьез. Он был вовсе не таким уж безразличным. И не таким уж плохим. Он был просто не очень хорошим человеком.

Время от времени Брэду об этом напоминали: когда, например, нужно было избавиться от подружки или бросить товарища, в свое время подставившего плечо по пути наверх. Иногда его даже обвиняли в этом. Тогда он усмехался, пожимал плечами и замечал, что этот мир — не самый справедливый. Ланселот побеждал не на всех турнирах — время от времени черный рыцарь сбрасывал его наземь. И Бобби Фишер был далеко не самым симпатичным шахматистом мира, а только самым сильным. И так далее.

Да, Брэд признал бы, что по нормам общества он не самый идеальный человек. Так оно и было. Что-то в нем испортилось еще в детстве. Бугорок эгоизма на его черепе вырос до таких размеров, что Брэдли даже на целый мир смотрел, соображая, что он с этого будет иметь. Война с китайцами? Сейчас посмотрим, прикидывал Брэд, наверняка потребуется уйма хирургов, возможно, мне даже предложат возглавить госпиталь. Мировой кризис? Его деньги были вложены в сельскохозяйственные угодья — есть людям надо

всегда.

Бред был далеко не идеальным человеком. Тем не менее он был лучшим специалистом для того, что было нужно киборгу — а именно, чтобы оснастить Вилли Хартнетта промежуточным звеном между возбудителем и интерпретатором. Проще говоря, между изображением предмета, которое видит киборг, и выводами, которые делает мозг, должна находиться промежуточная ступень, где будет отфильтрована излишняя информация. Иначе киборг просто сойдет с ума.

Чтобы понять, в чем дело, возьмем обыкновенную лягушку.

Представим себе лягушку, как машину, предназначенную для производства лягушат. Это дарвиновская точка зрения, и вся теория эволюции в конечном счете сводится к этому. Чтобы достичь своей цели, лягушка должна как можно дольше оставаться в живых, достичь зрелости и забеременеть, или оплодотворить какую-нибудь самку. А для этого лягушка должна делать две вещи: лягушка должна есть, и не дать съесть себя.

Для позвоночного лягушка на редкость тупое и примитивное создание. У нее есть мозг, но несложный и маленький, слишком маленький, чтобы расходовать его по пустякам. Эволюция

всегда скупа. Самец лягушки не пишет сонетов, и не ломает себе голову над тем, изменяет ли ему самка. Его не тянет раздумывать над вещами, не имеющими непосредственного отношения к выживанию.

Глаз лягушки тоже очень прост. По сравнению с лягушачьим глаз человека сложен настолько, что лягушке даже не снилось. Допустим, человек входит в комнату, в которой стоит стол, на столе блюдо, а на блюде бифштекс с жареным картофелем. Даже если этот человек утратил слух, вкус и обоняние, его все равно потянет попробовать. Его глаза остановятся на бифштексе. В человеческом глазе есть такое место, называемое «желтое пятно», фрагмент сетчатки, которым человек видит лучше всего, и именно это место наведет его на цель. У лягушки этого нет, каждый фрагмент ее сетчатки видит так же хорошо, как и любой другой. Или так же плохо. Самое интересное в том, как лягушка видит лягушачий аналог бифштекса — а именно, живность, достаточно большую, чтобы ее стоило проглотить, и достаточно маленькую, чтобы она сама не проглотила лягушку — так вот, самое интересное здесь вот что: лягушка не видит еду, если еда ведет себя, не как еда. Мы можем осыпать лягушку питатель-

нейшим паштетом из перетертых насекомых — а она умрет с голоду, разве что наткнется на божью коровку.

Это странное поведение станет понятным, если вспомнить, что ест лягушка. Лягушка занимает свою, вполне определенную, экологическую нишу. В естественных условиях никто не заполняет эту нишу паштетами из рубленых насекомых. Лягушка питается насекомыми, а значит, то, что видит лягушка, есть насекомое. Если в поле ее зрения попадает нечто размером с насекомое, движущееся с насекомой скоростью, то лягушка не задается вопросом, голодна ли она, или, допустим, какое насекомое вкуснее. Она просто пожирает насекомое, а потом принимается ждать следующего.

Если лягушка попала в лабораторию, это свойство может стать для нее гибельным. Ее можно обмануть кусочком тряпки, щепочкой на ниточке, чем угодно, лишь бы оно имело нужный размер и двигалось соответственно. Лягушка все это слопает и умрет с голоду (или от несварения желудка). Но в природе таких фокусов не существует. В природе только муха ползет, как муха, а каждая муха — лягушачий обед.

Этот принцип нетрудно понять. Скажите об

этом наивному приятелю, и он ответит: «Ну конечно, все понятно. Лягушка игнорирует все, что не похоже на муху». Неправильно! Ничего подобного. Лягушка не игнорирует немухообразный объект. Она его просто не видит. Подключимся к глазному нерву лягушки и медленно протянем перед ней камушек — слишком большой и слишком медленно. Ни один прибор не зарегистрирует нервного импульса, потому что его не будет. Глаз не утруждает себя «разглядыванием» того, что лягушке не интересно. Но махните перед ней дохлой мухой — стрелки измерителей задрожат, нерв передаст информацию, язык лягушки выстрелит и изловит пищу.

И вот здесь мы подходим к киборгу. Роль Брэдли заключалась в том, что он ввел между сложнейшими рубиновыми глазами и замороченным человеческим мозгом Вилли Хартнетта промежуточные цепи — медиаторы, которые фильтровали, интерпретировали и упорядочивали все сигналы, поступающие с глаз киборга. «Глаза» видели все, даже в ультрафиолетовой и инфракрасной частях спектра. Мозг не мог справиться с таким потоком импульсов, а промежуточные цепи Брэдли удаляли излишние биты информации.

Конструкция медиационной системы была высочайшим достижением, потому что Брэдли и в самом деле был очень хорош в той единственной области, в которой он был хорош. Однако в то утро его не было на месте, чтобы установить медиатор самому. Итак: потому, что у Брэдли было свидание, потому, что президенту Соединенных Штатов очень хотелось в клозет, и потому, что двум китайцам, по имени Синь и Сунь, не терпелось попробовать пиццу, история человечества покатилась в другом направлении.

Джерри Вейднер, главный ассистент Брэдли, руководил медленным и кропотливым процессом запуска зрительных схем киборга. Работа была на редкость канительная. Как все, через что приходилось проходить Вилли Хартнетту, она доставляла ему максимум неприятностей. Чувствительные нервы глазных век были давно удалены, иначе его и днем и ночью пронизывала бы мучительная боль. Он все равно чувствовал, что с ним делают, если не в форме боли, то как раздражающее сознание: кто-то ковыряется острыми инструментами в очень чувствительных частях его тела. В таких случаях его зрение переключали в пассивное состояние, и потому видел он только туманные тени. Этого было вполне

достаточно. Он ненавидел это.

Он лежал так уже больше часа. Вейднер и компания колдовали над регуляторами, записывали показания приборов и общались между собой на языке технарей, то есть цифрами. Когда поле зрения наконец было признано удовлетворительным, и ему разрешили встать, Вилли чуть не грохнулся.

— Гаавно, — рявкнул он. — Ссснова голова кружжится.

— Ладно, давай еще раз проверим равновесие, — ответил Вейднер, сбитый с толку и обеспокоенный.

И еще одна получасовая задержка, пока вестибулярная команда исследовала его рефлексы. В конце концов Хартнетт взорвался.

— О Госсссподи, да отвяжжитесь выы! Я могу прооссстоять на одной ножжжке сследующщщие ссссутки, ну и шшто иззз этого?

Ему все равно пришлось отстоять свое на одной ноге, пока ассистенты измеряли, на сколько он сможет свести кончики пальцев с выключенной зрительной системой.

Результаты удовлетворили вестибулярную команду, но не Вейднера. Такое головокружение уже случалось и раньше, но точной причины

так и не удалось выяснить. То ли нужно было искать во встроенном автогоризонте, то ли в примитивных, естественных косточках стремечка и наковальни в ухе. У Вейднера было подозрение, что дело в медиаторе, за который отвечал конкретно он, но с другой стороны, может быть, дело и не в этом… Скорее бы Брэд вернулся с этого чертовски длинного обеда, взмолился он.

В это же время на другой стороне земного шара находились два китайца, по имени Синь и Сунь. Это имена не из анекдота, их и на самом деле так звали. Прадед Синя погиб на стволе русской пушки после неудавшегося восстания боксеров. Увы, «Кулак Справедливости и Согласия» не смог изгнать белых дьяволов из Китая. Отец произвел Синя на свет во время Великого Похода, а сам погиб еще до его рождения, в бою с солдатами союзного с Чан Кай-ши генерала. Самому Синю было уже девяносто. Он пожимал руку товарищу Мао и поворачивал Желтую реку для его преемников, а теперь руководил крупнейшим в своей карьере гидротехническим проектом в австралийском городе Фицрой Кроссинг. Это была его первая длительная поездка за пределы Новой Народной Азии, и он связывал с ней три желания: посмотреть настоящий порнофильм,

выпить бутылку шотландского виски родом из Шотландии, а не из народной провинции Хонсю, и попробовать пиццу. Для начала он со своим товарищем Сунем неплохо приложились к виски, потом узнали, где можно посмотреть кино для взрослых, а теперь вот приценивались к пицце.

Сунь был намного моложе, ему еще не исполнилось сорока. Этот страдал от чрезмерного уважения к возрасту своего товарища. Вдобавок Сунь стоял на несколько ступеней ниже в общественной иерархии, хотя безусловно считался восходящей звездой промышленно-технического крыла партии. Сунь целый год провел в картографической экспедиции, в Большой Песчаной Пустыне, и только что вернулся. Там был не просто песок. Там была почва — добрая, плодородная почва. Ей не хватало лишь небольших добавок кое-каких микроэлементов — и воды. Сунь как раз и нанес на карту химический состав почвы на площади трех миллионов квадратных километров. Карта, составленная Сунем, и огромный акведук Синя с четырнадцатью мощными ядерными насосными станциями по пути равнялись новой жизни для этих миллионов квадратных километров пустыни. Химические добавки + вода далекого океана, опресненная с помощью сол-

нечной энергии = десять урожаев ежегодно для ста миллионов новоавстралийцев китайского происхождения.

Проект был тщательно изучен, и в нем было только одно слабое место. Старые новоавстралийцы, продукт послевоенного смешения народов, не хотели видеть на этой земле новых новоавстралийцев. Они считали эту землю своей. Итак, входя в пиццерию Дэнни, что на главной улице Фицрой Кроссинг, Сунь с Синем наткнулись на выходивших оттуда двух старых новоавстралийцев, некоего Костянко и некоего Градечека, которые на свою беду узнали Синя по фотографии из газеты. Прозвучало несколько непечатных выражений. Китайцы почуяли пивной перегар, и решив, что хулиганы всего лишь перебрали лишнего, попытались войти. Но в Костянко и Градечеке взыграл боевой дух старых новоавстралийцев, они выбросили их обратно за двери и — череп девяностолетнего Синь Си-Цина раскололся о тротуар.

Тут Сунь выхватил пистолет, на который у него не было разрешения, и застрелил обоих нападавших.

Обычная пьяная драка. Полиция Фицрой Кроссинг справлялась с тысячами гораздо худших

преступлений, и справилась бы и с этим, если бы ей дали такую возможность. Но на этом дело не кончилось, потому что одна из официанток, новая новоавстралийка родом из Юнаня, узнала Суня, выяснила, кем был Синь, подняла трубку и позвонила в прессагентство Нового Китая при консулате в Лагранже, на побережье, сообщив, что зверски убит один из крупнейших китайских ученых.

Десятью минутами позже спутниковая сеть разнесла эту не совсем точную, но зато весьма колоритную версию происшедшего по всему миру.

Не прошло и часа, как посольство Новой Народной Азии в Канберре потребовало встречи с министром иностранных дел, с целью вручения ему ноты протеста. В Шанхае, Сайгоне, Хиросиме и нескольких других городах разразились спонтанные демонстрации. С полдюжины разведспутников маневрировало на орбитах, передвигаясь к северозападному побережью Австралии и Зондским островам. В двух милях от порта Мельбурн на поверхности моря всплыла огромный серая туша; двадцать минут она тихо покачивалась на волнах, не отвечая ни на какие сигналы. Потом туша представилась, как подводная атомная лодка ННА «Багряный Во-

сток», направляющаяся с официальным визитом вежливости в дружественный порт. Известие пришло как раз вовремя, чтобы приказ атаковать неопознанный корабль, отданный королевским ВВС Австралии, отозвали, но до атаки оставалось совсем немного.

Под Пуэбло, штат Колорадо, президента Соединенных Штатов вырвали из послеобеденной дремоты. Он сидел на краю кровати, с отвращением прихлебывая черный кофе, когда вошел помощник по связям с министерством обороны, с донесением о ситуации и известием, что объявлено состояние боевой готовности. Ответные меры давным-давно были запрограммированы в сети командования обороной Северной Америки НАДКОМ. У офицера были снимки со спутников, рапорт с места происшествия от военного представителя в Фицрой Кроссинг, он уже знал о появлении подводной лодки «Багряный Восток», но еще не знал, что атака с воздуха отозвана. Суммировав эту информацию, он добавил:

— Теперь только стрелять, или не стрелять, сэр. НАДКОМ готов к атаке с возможностью отбоя в течение пятидесяти минут.

— Я неважно себя чувствую, — буркнул президент. — Чего они намешали в этот чертов суп?

В этот момент Дэшу было вовсе не до Китая; ему как раз снился негласный опрос общественного мнения, который показал падение его популярности до семнадцати процентов, включая как оценки «отлично», так и «удовлетворительно», при шестидесяти одном проценте считающих его администрацию «слабой» или «в высшей степени неудовлетворительной». Увы, это был не сон. Именно этому вопросу было посвящено утреннее политическое совещание.

Президент отпихнул в сторону чашку и мрачно задумался над решением, которое теперь зависело только от него, единственно от него одного. Запустить ракеты по крупнейшим городам Народной Азии? Теоретически это было обратимое решение: полет боеголовок можно в любой момент (до входа в атмосферу) прервать, отключить взрыватели, позволить головкам безвредно упасть в море. Но на практике станции ННА обнаружат запуск ракет, и черт его знает, что тогда устроят эти свихнувшиеся сукины дети? В животе у него бурчало так, будто он вотвот родит двойню, и все шло к тому, что его сейчас стошнит. Первый секретарь укоризненно заметил:

— Доктор Стассен советовал вам не есть капусты, сэр. Мы дадим указание повару, чтобы он

больше не готовил капустный суп.

— Хватит меня учить. Ладно, слушайте. Оставаться в состоянии боевой готовности и ждать моих дальнейших указаний. Никакого запуска. Никаких ответных мер. Понятно?

— Да, сэр, — с сожалением ответил представитель министерства обороны. — Сэр? У меня несколько конкретных вопросов, от НАДКОМ, от программы Человек Плюс, от главнокомандующего флотом в юго-западной части Тихого океана…

— Ты слышал, что я сказал? Никаких ответов. Все остальное — в действие.

Первый секретарь разъяснил этот вопрос за президента.

— Наша официальная точка зрения такова: инцидент в Австралии — внутреннее дело, не затрагивающее национальных интересов Соединенных Штатов. Наши планы не претерпят никаких изменений. Мы задействуем все наши системы, но не предпримем никаких действий. Я правильно вас понял, господин президент?

— Да, — хрипло ответил Дэш. — А теперь постарайтесь десять минут обойтись без меня. Мне нужно в сортир.

Брэду даже не пришло в голову, что неплохо

бы позвонить и проверить, как идет операция «Око за око». Душ вдвоем доставлял ему огромное наслаждение: самое интересное начинается, когда намыливаешь друг друга. Тем более, что арсенал ванной в отеле «Шеро-Стрип» включал в себя банное масло, пенные ванны и волшебные пушистые полотенца. Только к трем часам он наконец решился вспомнить о том, что пора бы и к работе вернуться.

Увы, было уже слишком поздно. Вейднер попытался получить у директора разрешение на перенос испытаний, тот не стал брать этого под свою ответственность и спихнул вопрос в Вашингтон, а там связались с секретариатом президента и получили ответ: «Нет, вы не можете, повторяю, не можете переносить эти, а также и любые другие испытания». Человек, давший этот ответ, был первый секретарь президента, который как раз в этот момент, сидя в кабинете президента, смотрел на экран с графиком вероятности военных действий. Пока он говорил в трубку, широкая черная кривая все ближе подползала к красной черте.

Поэтому Вейднер, нервно поджав губы и нахмурившись, все-таки начал испытания. Все шло очень хорошо, пока не пошло очень плохо. Род-

жер Торравэй пребывал мыслями где-то далеко, когда услышал крик киборга. Он прошел сквозь шлюз, одетый в высотный компенсационный скафандр, в кислородной маске, и ступил на рыжий песок.

— Что случилось, Вилли?

Большие рубиновые глаза повернулись к нему.

— Я… Я тебя не вижжжжу, Роджжжер! — запищал киборг. — Я… я…

Он покачнулся и упал на песок. Просто упал. Прежде чем Роджер успел сделать хоть шаг в его сторону, он почувствовал, как в спину с ревом ударил воздушный молот, и спотыкаясь, полетел на распростертое уродливое тело.

Дон Кайман вбежал из комнаты с давлением, соответствующим двум с половиной километрам, прямо в марсианскую камеру, не дожидаясь шлюзования. Он оставил обе двери открытыми. Сейчас он был уже не ученым. Над скорченными останками того, что было Вилли Хартнеттом, склонился священник.

Роджер, не отрываясь, смотрел, как Дон Кайман касается рубиновых глаз, чертит знак креста на синтетическом челе, шепчет что-то неслышное. Он не желал знать, что шепчет Кайман. Но он знал, что.

У него на глазах происходит соборование первого кандидата на роль киборга.

Основным дублером был Вик Фрайберт. Вычеркнут из списка по указанию президента.

Вторым — Карл Маццини. Исключен из-за поломанной ноги.

Третий дублер и новый герой — он сам.

Глава 6. СМЕРТНЫЙ В СМЕРТЕЛЬНОЙ ТРЕВОГЕ

Живому человеку из плоти и крови нелегко смириться с сознанием того, что часть этой плоти будет содрана и заменена — сталью, медью, серебром, алюминием, пластмассой и стеклом. Мы видели, что Роджер ведет себя иррационально. Он бросился прочь от марсианской камеры. Он метался по коридорам, словно торопясь по неотложному делу. У него не было никаких дел, кроме одного: поскорее удрать отсюда. Коридор казался ловушкой. Если кто-нибудь подойдет к нему и скажет несколько сочувственных слов о Вилли Хартнетте, или о новом положении самого Роджера, он не выдержит. Проходя мимо мужского туалета, он остановился, огляделся по сторонам — никто не обращал на него внимания. Войдя внутрь, он застыл над писсуаром, вперив остекленевший взгляд в сияющую хромом раковину. Когда кто-то толкнул дверь, Торравэй устроил целый цирк с застегиванием ширинки и спуском воды, но это оказался всего лишь парень

из машбюро, который равнодушно скользнул по нему взглядом и направился в кабинку.

За дверями туалета Роджера поймал заместитель директора.

— Чертовски неприятная история, — начал он. — Ты, наверное, знаешь, что ты…

— Знаю, — ответил Торравэй, приятно удивленный своим спокойным голосом.

— Нам нужно выяснить, что случилось, и как можно быстрее. Собираемся у меня в кабинете через девяносто минут. К тому времени мы получим результаты аутопсии. Я хочу, чтобы ты тоже был.

Роджер кивнул, посмотрел на часы и ловко скользнул мимо. Самое главное — не стоять на месте, подумал он, сделать занятой вид, чтобы никто его не останавливал. К несчастью, ему никак не приходило в голову, чем же заняться, или хотя бы притвориться, что занят, чтобы избавиться от расспросов. Нет — поправил он себя — не от расспросов. Он хотел избавиться от мыслей, от мыслей о себе. Он не боялся и не проклинал судьбу. Он просто был не готов взглянуть в лицо последствиям, вытекающим из смерти Вилли Хартнетта лично для него, пока еще не готов…

Он поднял голову: кто-то звал его по имени.

Джон Фрилинг, ассистент Брэда по системам восприятия, в поисках своего шефа.

— Нет, нет, — ответил Торравэй, обрадовавшись, что может говорить о чем-то другом, а не о смерти Вилли или своем собственном будущем. — Я не знаю, где он. Должно быть, вышел пообедать.

— Два часа назад. Если я не найду его до совещания у замдиректора, ему дадут прикурить. Не знаю, смогу ли я ответить на все их вопросы, а идти искать его тоже не могу, потому что киборга как раз переносят ко мне в лабораторию и я должен…

— Я его найду, — поспешил ответить Торравэй. — Я позвоню ему домой.

— Я уже пробовал. Пустой номер. Он не оставил даже телефона, где его искать.

Торравэй почувствовал неожиданное облегчение: наконец-то он нашел себе занятие. Он подмигнул Фрилингу:

— Ты же знаешь Брэда. Бабник еще тот. Уж я-то его найду.

Он вызвал лифт, поднялся на административный этаж, прошел два поворота по коридору и постучал в дверь с табличкой «Отдел статистики».

Люди, работавшие за этими дверьми, имели весьма отдаленное отношение к статистике. Дверь открылась не сразу, сначала прошуршала заслонка дверного глазка.

— Полковник Торравэй по неотложному делу.

— Минуточку, — ответил девичий голос. Что-то звякнуло, заскрежетало, дверь отворилась, и девушка впустила его. В комнате сидели еще четыре сотрудника, все в штатском, и все — весьма неприметного вида, как им и положено. У каждого был старомодный письменный стол со шторками, закрывающей столешницу; весьма неожиданный выбор мебели для современного космического института. Шторки можно было мгновенно задернуть, спрятав от чужих глаз все, что лежит на столе, и все они как раз были задернуты.

— Я насчет доктора Александра Брэдли, — начал Роджер. — Он срочно потребуется буквально через час, а его сотрудники не могут его найти. Командор Хартнетт умер и…

— Мы знаем о командоре Хартнетте, — ответила девушка. — Вы хотите, чтобы мы отыскали доктора Брэдли?

— Нет, я сам этим займусь. Я надеялся, что вы подскажете мне, откуда начать. Насколько

я знаю, вы ведь присматриваете за каждым из нас, чем мы занимаемся после работы и тому подобное…

На этот раз он не стал подмигивать и строить глазки, но эти глазки были прекрасно слышны в его голосе.

Девушка внимательно посмотрела на него.

— Сейчас он скорее всего…

— Постой, — неожиданно резко скомандовал мужчина, сидевший за столом у нее за спиной.

Девушка мотнула головой, даже не обернувшись.

— Проверьте в отеле Шеро-Стрип, — продолжала она. — Обычно он регистрируется под именем Беквит. Попробуйте позвонить туда. Может быть, лучше мы сами позвоним, учитывая…

— Нет, нет, — беззаботным тоном ответил Торравэй, решительно настроенный не принимать ничьей помощи. — Я сам должен с ним поговорить.

— Доктор Торравэй, позвольте нам самим… — настойчиво повторил молодой мужчина за столом.

Но он уже пятился за двери, кивая головой и не слушая. Он решил, что не станет возиться с телефоном, а сам поедет в этот мотель — по крайней

мере это был повод вырваться из института и собраться с мыслями.

За стенами кондиционируемых зданий института становилось все жарче и жарче. Солнце палило даже сквозь затемненное лобовое стекло машины, несмотря на отчаянные усилия встроенного кондиционера. Торравэй вел вручную, так неумело, что на поворотах рулевые колеса шли юзом. Мотель — пятнадцатиэтажная стеклянная башня — целил сфокусированным лучом солнечного света прямо в него, словно один из воинов Архимеда, защищающий Сиракузы. Выбравшись из машины на подземной стоянке, Роджер с облегчением вздохнул и поднялся на эскалаторе в фойе.

Фойе оказалось той же высоты, что и все здание. Номера ярусами висели вдоль стен, в паутине переходов и галерей. Дежурный клерк даже не слышал о докторе Александре Брэдли.

— Проверьте имя Беквит, — посоветовал Торравэй, подсовывая банкноту. — Он иногда забывает собственную фамилию.

Все напрасно, клерк либо не мог найти Брэдли, либо не хотел. Роджер выехал с автостоянки, притормозил на самом солнцепеке и задумался, что делать дальше. Невидящими глазами он

уставился на зеркало бассейна, служившего еще и теплопоглотителем в системе кондиционирования отеля. Наверное, надо ловить Брэда по телефону в его квартире. Нужно было позвонить, пока я был в отеле. Снова возвращаться в отель не очень хотелось. Звонить из машины — тоже. Телефон в машине — радиопередатчик, нет, лучше, чтобы они поговорили с глазу на глаз. Можно поехать домой и позвонить оттуда, прикидывал он, это не больше, чем пять минут езды…

Тут Роджер впервые подумал, что надо бы рассказать о случившемся своей жене.

Эта мысль не вызывала особого энтузиазма. Если рассказывать Дори, неизбежно придется изложить все это и самому себе. Впрочем, Роджер знал, как надо относиться к неизбежным (пусть и неприятным) вещам, а потому направил машину к дому и Дори, по пути стараясь думать о пустяках.

К несчастью, дома Дори не оказалось.

Он окликнул ее еще в прихожей, заглянул в столовую, потом в бассейн за домом, проверил обе ванные. Дори не было. Должно быть, пошла по магазинам. Досадно, но ничего не поделаешь. Он уже собрался было оставить ей записку и соображал, что же написать, когда увидел в окно,

как она подъезжает в своем двухместном мини.

Не успела она подняться на крыльцо, как он открыл дверь.

Роджер ожидал, что она будет удивлена. Но он не думал, что она замрет, как вкопанная, что ее красивые брови взметнутся вверх и застынут, а лицо превратится в неподвижную маску, лишенную всякого выражения. Сейчас, застыв в полушаге, она напоминала собственное фото.

— Я хотел с тобой поговорить, — начал он. — Я только что приехал из Шеро-Стрип, потому что речь идет о Брэде, но…

Дори ожила и вежливо перебила его:

— Может быть, ты разрешишь мне войти и сесть?

Все с тем же лишенным выражения лицом она остановилась в прихожей, глянула в зеркальце, смахнула какую-то соринку со щеки, поправила волосы, вошла в гостиную и уселась, не снимая шляпки.

— Жуткая жара, правда? — заметила она.

Роджер тоже уселся, пытаясь собраться с мыслями. Самое главное — не перепугать ее. Когда-то он смотрел телепрограмму о том, как сообщать плохие вести. Выступал какой-то психоаналитик, с умным видом несший полную ерунду в надежде

хоть кого-то залучить в свою пустую приемную (судя по всему, банальных зазывал с плакатами на спине он нанимать боялся, опасаясь упреков в нарушении профессиональной этики). Никогда не бейте прямо в лоб, советовал он. Дайте человеку приготовиться. Сообщайте ему постепенно, понемногу. Тогда это показалось Роджеру забавным. Он вспомнил, как смешил Дори: «Милая, у тебя с собой кредитная карточка?… Отлично, тебе понадобится черное платье… Черное платье на похороны… Мы должны идти на похороны, и тебе нужно выглядеть, как положено, учитывая, кем тебе приходилась покойная… В конце концов, она была уже не молода… Полицейский сказал, что когда пикап вмазался в стену, она ничего даже не почувствовала… Твой отец держится молодцом…» Тогда они оба страшно смеялись.

— Ну, я слушаю, — посмотрела на него Дори, потянувшись за сигаретой. Когда она прикуривала, Роджер увидел, как пляшет газовый огонек, и с удивлением понял, что у Дори дрожат руки. Он был и поражен и немного обрадован: она явно готовилась к каким-то плохим новостям. Она всегда была очень наблюдательна, подумал он с уважением. Раз уж она уже приготовилась, Роджер решил пойти напролом.

— Речь идет о Вилли Хартнетте, дорогая. Сегодня утром с ним что-то стряслось и…

Он помолчал, давая ей возможность осмыслить его слова. Она почемуто показалась ему не столько озабоченной, сколько озадаченной.

— Он умер, — коротко добавил Роджер.

Дори задумчиво кивнула головой. Она не понимает, с болью подумал Роджер. Она еще не понимает. Вилли был славным парнем, но она не плачет, не кричит, вообще не проявляет никаких чувств.

Махнув рукой на деликатность, он довел свою мысль до конца.

— Это значит, что теперь моя очередь, — он старался не торопиться. — Остальные вышли из игры, помнишь, я говорил тебе. Так что… ммм… готовить к полету на Марс теперь будут меня.

Выражение ее лица снова поразило его. Несмелое, испуганное, словно она ожидала чего-то худшего и все еще не могла поверить в то, что это худшее прошло стороной.

— Ты понимаешь, о чем я, радость моя? — спросил он нетерпеливо.

— Понимаю, понимаю… Это значит, что ты… это трудно сразу вот так воспринять…

Роджер с удовлетворением кивнул головой, а

Дори продолжала:

— Я запуталась. Сначала ты что-то говорил о Брэде, о Шеро-Стрип?

— Ох, извини, я сразу вывалил тебе все вместе. Да. Я был в этом мотеле, искал Бреда. Видишь ли, кажется, Вилли погиб именно из-за того, что отказала зрительная система. А эта система — детище Брэда. И как назло, именно сегодня у него получился такой затянувшийся обед… нет, наверное, не стоит говорить о Брэде. Он, должно быть, закатился куда-нибудь с одной из медсестер. Но не хотел бы я оказаться на его месте, если он не успеет на совещание.

Он глянул на часы.

— Ого, мне тоже пора ехать. Я просто очень хотел сам рассказать тебе обо всем.

— Спасибо, милый, — машинально ответила Дори, отвлеченная какой-то мыслью. — А не проще ли будет ему позвонить?

— Кому?

— Брэду, конечно.

— А. Да, конечно, только это конфиденциально. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь нас подслушал. Мне и так пришлось зайти в Безопасность, выяснить, где он может находиться.

Неожиданно у него промелькнула мысль: До-

ри нравится Брэд. Он знал это, и с полсекунды думал, уж не расстроена ли она его аморальным поведением. Впрочем, эта мысль тут же исчезла, и Роджер с восхищением заметил:

— Любовь моя, должен сказать, что ты прекрасно приняла это. С любой другой женщиной уже случилась бы истерика.

Она пожала плечами.

— Что ж теперь рвать на себе волосы. Мы оба были готовы к этому.

— Теперь я буду выглядеть не очень красиво, Дори, — забросил он удочку. — И еще, физическая сторона нашего брака… ээ… на некоторое время об этом придется позабыть. Не говоря уже о том, что меня полтора года не будет на Земле.

Кажется, Дори собралась что-то сказать, но передумала, посмотрела ему в глаза и улыбнулась. Потом поднялась и крепко обняла.

— Я буду гордиться тобой, — прошептала она. — А когда ты вернешься, мы будем жить вместе долго и счастливо.

Однако от ответного поцелуя увернулась, шутливо добавив:

— Никаких, никаких, тебе пора возвращаться. А что ты собираешься делать с Брэдом?

— Ну, я могу вернуться в мотель…

— Не надо, — решительно перебила Дори. — Пусть сам выпутывается. Раз уж он сам влез в эту историю, это его проблемы. Возвращайся на твое совещание и… Ой, слушай! Конечно! Мне еще нужно кое-куда съездить, и я буду проезжать мимо мотеля. Если увижу там машину Брэда, оставлю ему записку.

— Мне это даже и в голову не приходило, — ответил Роджер, глядя на нее влюбленными глазами.

— Значит, ни о чем не волнуйся. Я не хочу, чтобы ты думал о Брэде. Когда впереди такое, мы должны думать о тебе!

Джонатан Фрилинг, доктор медицины, член Американского Общества Хирургов и Американской Академии Космической Медицины.

Джонни Фрилинг занимался авиакосмической медициной так давно, что отвык от покойников. И уж особенно непривычно было вскрывать останки товарища. Умирая, астронавты вообще не оставляли после себя тел. Если они гибли при исполнении служебного долга, о вскрытии, как правило, не могло быть и речи: те, что погибали в космическом пространстве, там и оставались, а те, что умирали поближе к дому, испарялись в кислородно-водородном пламени. В любом слу-

чае на операционный стол класть было нечего.

Трудно было представить, что перед ним на столе лежит Вилли Хартнетт. Это больше походило, скажем, на разборку винтовки, чем на вскрытие. Он сам помогал собирать его: здесь платиновые электроды, там микросхемы в черной коробочке. Теперь пришло время разобрать все это. Если бы не кровь. Несмотря на все изменения, внутри покойного Вилли Хартнетта было полно обыкновенной, мокрой человеческой крови.

— Заморозить и препарировать, — он протянул ошметок на предметном стекле санитарке. Она приняла стекло и кивнула головой. Санитарку звали Клара Блай. На ее симпатичном черном личике было написано огорчение, хотя трудно сказать, думал Фрилинг, трудно сказать, что ее огорчало больше — смерть киборга или то, что пришлось прервать свой девишник. Он приподнял и вытянул окровавленную металлическую струну, деталь зрительных цепей. Завтра Клара собиралась выйти замуж, и палата реанимации за стеной была все еще украшена бумажными цветами. У Фрилинга еще спросили, наводить там порядок или нет. Конечно, это было ни к чему, в той палате никого не будут реанимировать.

Он поднял глаза на вторую ассистентку, стояв-

шую там, где во время обычной операции должен стоять анестезиолог, и прорычал:

— Брэд нашелся?

— Он уже тут.

Тогда какого черта он до сих пор не здесь, подумал Фрилинг, но говорить этого не стал. По крайней мере Брэд нашелся. Что бы из всего этого не вышло, Фрилингу уже не придется отдуваться одному.

Чем дальше он продвигался, прощупывал и извлекал, тем больше ничего не понимал. В чем ошибка? Что убило Хартнетта? Электроника, кажется, была в полном порядке. Каждую извлеченную деталь он тут же отправлял спецам в лаборатории, где ее немедленно проверяли. Все было в порядке. Общая структура мозга тоже пока ничего не объясняла…

Но ведь не может быть, чтобы киборг умер совершенно без причины?

Фрилинг выпрямился, чувствуя, как под жарким светом рефлекторов по лбу стекает пот, и стал ждать, пока подоспеет операционная сестра с салфеткой. Потом сообразил, что операционной сестры здесь нет, и сам вытер лоб рукавом. Снова склонился над столом, старательно отделяя систему зрительных нервов, вернее, то, что от

нее осталось: большинство элементов были удалены вместе с глазными яблоками и заменены электроникой.

И тогда он увидел.

Сначала сгусток крови под мозолистым телом. Потом, когда аккуратно раздвинул и приподнял ткани — бледно-серую, скользкую артерию, вздутую и разорванную. Лопнувшую. Обычный сердечно-сосудистый приступ. Инсульт.

На этом Фрилинг и остановился. Остальное можно сделать потом, или вообще не делать. Может быть, даже лучше оставить то, что осталось от Вилли Хартнетта, в непотревоженном виде. И пора было переодеваться на совещание.

Конференц-зал служил еще и читальным залом медицинской библиотеки, а потому, когда собирались совещания, сидевших над справочниками выгоняли. Четырнадцать мягких кресел за длинным столом были уже заняты, остальным пришлось устраиваться на складных стульчиках, где придется. Два пустых кресла ждали Брэда и Джона Фрилинга, которые в последний момент удрали в лабораторию, как они сказали — за последними результатами анализов. На самом деле Фрилингу пришлось вводить шефа в курс событий, случившихся после того, как Брэд ушел

«обедать». Все остальные были уже на месте. Дон Кайман и Вик Самуэльсон (произведенный в дублеры Роджера и не особенно довольный этим), старший психоаналитик Телли Рамес, вся сердечно-сосудистая команда, тихо шепчущаяся между собой, шишки из административного отдела — ну, и две звезды. Первой был Роджер Торравэй, беспокойно ворочавшийся рядом с местом замдиректора, и с приклеенной улыбкой прислушивавшийся к разговорам, а второй — Джед Гриффин, президентский человек номер один по преодолению препятствий. Формально он был всего лишь старшим советником президента по административным вопросам, но даже заместитель директора смотрел на него, как на папу римского.

— Мы можем начинать, господин Гриффин, — обратился к нему заместитель директора.

Гриффин судорожно усмехнулся и покачал головой:

— Мы не начнем, пока не появятся эти двое.

С появлением Брэда и Фрилинга все разговоры оборвались, словно обрезало.

— Вот теперь мы можем начинать, — процедил Гриффин с явным раздражением в голосе. Остальные вполне понимали и разделяли это чувство.

Мы тоже нервничали, конечно. Гриффин и не думал скрывать своего раздражения, тут же излив его на присутствующих:

— Вы даже понятия не имеете, — начал он, — как мы близки к завершению всей программы. Не через год или через месяц, не к переносу сроков, не к сокращению, а к полной и немедленной отмене.

Роджер Торравэй оторвал глаза от Брэда и уставился на Гриффина.

— Полной отмене, — повторил Гриффин. — Ликвидации.

Кажется, он получает от этих слов удовольствие, подумал Роджер.

— И единственное, что спасло программу, — продолжал Гриффин, — это вот эти бумажки.

И он грохнул о стол зеленым рулоном компьютерных распечаток.

— Американское общественное мнение требует продолжения программы.

Внутри у Торравэя что-то сжалось. Только в это мгновение он понял, каким неожиданной и настойчивой была надежда, которую он только что ощущал. Словно помилование перед казнью.

Заместитель директора откашлялся.

— Мне казалось, — начал он, — что эти опросы

показывают значительное… ээ, равнодушие к нашей работе.

— Первоначальные результаты — да, — кивнул Гриффин. — Однако если все просуммировать и пропустить через компьютер, то получается мощная общенародная поддержка. Вполне вещественная. С точностью в квадрате, так, кажется, у вас говорят. Американцы хотят, чтобы гражданин Америки жил на Марсе.

— Однако так было до сегодняшнего фиаско. Одному Богу известно, что будет, если это выплывет наружу. Правительству не нужен очередной тупик, за который им придется оправдываться. Правительству нужен успех. У меня нет слов, чтобы выразить, как много от этого зависит.

Зам. директора обернулся к Фрилингу.

— Доктор Фрилинг?

Фрилинг встал.

— Вилли Хартнетт умер от инсульта. Результаты вскрытия еще не отпечатали, но все сводится к этому. Нет никаких явлений общей сосудистой недостаточности, в его возрасте и состоянии их и не могло быть. Следовательно, это травматический случай. Слишком большое напряжение, превышающее возможности кровеносных сосудов мозга.

Он задумчиво посмотрел на собственные ногти.

— То, что я скажу сейчас, всего лишь предположение, но это максимум, на что я способен. Конечно, я обращусь за консультацией к Реплинджеру из медицинской академии в Йеле и к Энфорду…

— К черту консультации, — оборвал Гриффин.

— Простите? — Фрилинг был сбит с толку.

— Я говорю, никаких консультаций. Для этого нужно «добро» от службы безопасности, а нам нельзя терять ни минуты, доктор Фрилинг.

— Ну, в таком случае… в таком случае я возьму эту ответственность на себя. Причиной инсульта стал переизбыток зрительных импульсов. Он был перегружен и не выдержал.

— В первый раз слышу, чтобы что-то подобное привело к инсульту, — возразил Гриффин.

— Да, для этого нужно очень сильное напряжение. Но такое случается. Мы имеем здесь дело с новыми видами стресса, мистер Гриффин. Это, как будто… я воспользуюсь аналогией. Если родился ребенок с врожденной катарактой обеих глаз, вы ведете его к врачу, и тот удаляет катаракту. Но это необходимо сделать, прежде чем ребенок достигнет пубертатного возраста — то

есть пока не остановится его развитие, как наружное, так и внутреннее. Если вы не сделали операцию к этому времени, лучше будет оставить ребенка слепым. У детей, которым такая катаракта была прооперирована в возрасте после тринадцати или четырнадцати лет, согласно статистике наступает интересный феномен. До двадцати лет все они, как правило, кончают жизнь самоубийством.

Торравэй пытался следить за нитью разговора, но без особых успехов. Он с облегчением вздохнул, когда вмешался зам. директора.

— Я что-то не совсем понимаю, Джон, какое это имеет отношение к Вилли Хартнетту.

— Тот же переизбыток поступающей информации. После удаления катаракты у детей наступает некоторая дезориентация. Они получают множество новой информации, но система ее обработки у них совершенно не развита. Если человек зрячий с детства, в коре мозга формируются цепи обработки, передачи и интерпретации зрительных образов. Если же такие цепи не успели образоваться вовремя, то они уже никогда не смогут образоваться.

— На мой взгляд, проблема Вилли была в том, что мы вводили в него информацию, для обработ-

ки которой у него не было никаких механизмов. А для формирования таких механизмов было уже слишком поздно. Поток новых данных буквально захлестнул его, и не выдержав перенапряжения, кровеносные сосуды лопнули. По моему мнению, если мы сделаем с Роджером что-нибудь подобное, то его будет ждать то же самое.

Гриффин бросил на Роджера краткий, оценивающий взгляд. Торравэй откашлялся, но промолчал. Казалось, ему нечего сказать.

— Ну и что вы хотите этим сказать, Фрилинг? — снова посмотрел на врача Гриффин.

— Только то, что уже сказал. Я объяснил вам, что здесь не в порядке, а как это исправить, спросите у кого-нибудь другого. Не думаю, чтобы это можно было исправить. Во всяком случае, медицинскими средствами. Мы берем мозг — Вилли или Роджера, мозг, сформированный, как радиоприемник. И подключаем ко входу телевизионный сигнал. Этот мозг просто не знает, как с ним справиться.

Все это время Брэд что-то черкал на колене, время от времени поднимая голову с видом живейшей заинтересованности. Теперь он снова заглянул в свой блокнот, добавил что-то еще, задумчиво перечитал, исправил и снова написал.

Всеобщее внимание тем временем обратилось к нему. Наконец зам. директора не выдержал:

— Брэд? Кажется, мяч на твоей стороне.

Брэд поднял голову и улыбнулся.

— Я как раз думаю над этим.

— Ты что, согласен с доктором Фрилингом?

— Никаких возражений. Он прав. Мы не можем вводить необработанные сигналы в нервную систему, не оснащенную средствами для их преобразования и интерпретации. В мозге не существует таких механизмов, разве что переделать в киборга новорожденного, чтобы растущий мозг смог выработать нужные системы.

— Уж не предлагаете ли вы подождать, пока вырастет новое поколение астронавтов?

— Нет. Я предлагаю встроить Роджеру систему преобразования. Не просто входные датчики. Фильтры, трансляторы — методы интерпретации сигналов, изображения в различных диапазонах спектра, кинестетическое ощущение новых мышц — абсолютно все.

— Позвольте, с вашего разрешения я немного углублюсь в историю. Кто-нибудь из вас слышал об опытах Маккаллока и Леттвина с лягушачьим глазом?

И Брэд огляделся вокруг.

— Конечно, ты знаешь, Джонни, может быть, еще двое-трое. Я вкратце напомню вам об этом. Органы восприятия лягушки — не только глаза, но и все остальные части зрительной системы — опускают несущественное. Когда перед глазами лягушки движется муха, глаз воспринимает ее, нервы передают информацию в мозг, мозг реагирует соответственно, и лягушка съедает муху. Если же перед лягушкой падает, скажем, какой-нибудь листик, лягушка его не трогает. Она даже не думает, съесть его или нет. Она его просто не видит. Глаз все так же формирует изображение, но информация отфильтровывается, прежде чем достичь мозга. Мозг вообще не знает, что именно видят глаза, потому что ему это не нужно. Для лягушки не имеет никакого значения, лежит у нее под носом листок или нет.

Роджер слушал с огромным интересом, но из сказанного понимал едва ли половину.

— Минуточку, — перебил он. — Я устроен несколько сложнее… то есть, человек устроен гораздо сложнее лягушки. Откуда ты можешь знать, что мне «нужно» видеть?

— То, что жизненно важно, Родж. После Вилли осталось очень много данных. Я думаю, что мы справимся.

— Спасибо. Хотелось бы, чтобы у тебя было больше уверенности.

— Господи, да я абсолютно уверен, — широко усмехнулся Брэд. — Эта проблема была для меня вовсе не такой уж неожиданностью.

У Роджера перехватило дыхание.

— Ты хочешь сказать, что отправил Вилли прямо… — начал он срывающимся голосом.

— Да нет же, Роджер! Слушай, Вилли был и моим другом! Просто запас прочности казался мне достаточно большим, и я был уверен, что он, по крайней мере, останется в живых. Да, я ошибся, и мне жаль его ничуть не меньше, чем тебе. Но все мы понимали, что рискуем, что системы, возможно, будут функционировать неверно, и что их придется дорабатывать.

— В ваших отчетах о ходе работ, — мрачно заметил Гриффин, — вы не упоминали об этом так недвусмысленно.

Заместитель директора открыл было рот, но Гриффин мотнул головой:

— Мы еще вернемся к этому. Что дальше, Брэдли? Вы собираетесь отфильтровать часть информации?

— Не просто отфильтровать. Помочь в ее обработке. Перевести ее в форму, приемлемую для

Роджера.

— А как насчет замечания Торравэя, что человек несколько сложнее лягушки? Вы когда-нибудь проделывали такое с людьми?

К его удивлению, Брэд усмехнулся; он был готов к этому.

— Грубо говоря, да. Еще когда был аспирантом, за шесть лет до того, как пришел сюда. Мы проводили над четверкой добровольцев опыты, вырабатывали у них павловские условные рефлексы. Им в глаза светили направленным лучом света, и одновременно включали звонок с частотой тридцать ударов в секунду. Конечно, если в глаза светит яркий свет, то зрачки сужаются. Это бессознательная реакция, ее невозможно имитировать. Это реакция на свет, ничто иное, как обычная, возникшая в ходе эволюции защита глаз от прямых лучей солнца.

— Такой рефлекс, связанный с автономной нервной системой, у людей очень трудно сделать условным. Но у нас получилось. И если уж это получается один раз, то считайте, что закрепилось как следует. После… если не ошибаюсь, после трехсот проб на человека, у нас был твердый условный рефлекс. Достаточно было включить звонок, и зрачки у этих людей сужались до

размеров булавочной головки. Пока я говорю понятно?

— Я еще не совсем забыл, чему меня учили в колледже, и помню о таких азбучных истинах, как опыты Павлова, — ответил Гриффин.

— На этом азбучные истины кончаются. Дальше мы подсоединялись к слуховому нерву, и измеряли реальный сигнал, поступающий в мозг: дзынь-дзынь, тридцать импульсов в секунду, можно было даже увидеть это на осциллографе. А потом мы поменяли звонок. Взяли новый, с частотой двадцать четыре удара в секунду. Попробуйте угадать, что произошло?

Ответа не было. Брэд снова улыбнулся.

— Осциллограф по прежнему регистрировал тридцать ударов в секунду. Мозг слышал то, чего в действительности не существовало.

— Таким образом, вы видите, что подобное промежуточное звено существует не только у лягушек. Человек познает этот мир заранее определенным образом. Уже сами органы чувств фильтруют и группируют информацию.

— Так вот, Роджер, что я собираюсь сделать, — добродушно усмехнулся Брэд, — это немного помочь тебе в интерпретации. С твоим мозгу мы вряд ли сможем что-то сделать. Плохой он или

хороший, нам придется на него положиться. Это всего лишь масса серого вещества, со структурой, ограничивающей емкость, и мы не можем бесконечно накачивать его сенсорной информацией. Единственный участок, на котором мы можем работать — это интерфейс. Пока информация еще не поступила в мозг.

— В окно уложимся? — грозно хлопнул ладонью по столу Гриффин.

— Попробуем, — добродушно усмехнулся Брэд.

— Попробуем?! Если мы клюнем на твою идею, и она не сработает, ты у меня попробуешь, юноша.

Веселье с Брэда как рукой сняло.

— А что прикажете вам сказать?

— Скажи мне, какие у нас шансы! — рявкнул Гриффин.

— Не хуже, чем один к одному. — поколебавшись, ответил Брэд.

— Вот это другое дело, — наконец-то улыбнулся Гриффин.

Один к одному, думал Роджер по дороге к своему кабинету, ставить один к одному — в общем-то не так уж и плохо. Конечно, все зависит от ставок.

Он замедлил шаги, подождав, пока Брэд нагонит его.

— Брэд, — спросил он, — ты уверен в том, что ты там наговорил?

Брэд хлопнул его по спине.

— Сказать по правде, больше чем уверен. Просто не хотелось высовываться при старике Гриффине. И вот что еще, Роджер… спасибо.

— За что?

— За то, что хотел меня предупредить, сегодня днем. Я очень тебе благодарен.

— Не за что, — кивнул Роджер.

Он провожал взглядом удаляющегося Брэда и ломал голову над тем, откуда Брэд может знать о том, что он сказал только своей жене.

Мы могли бы объяснить ему. Мы могли бы объяснить очень многое, включая и то, почему опросы общественного мнения показывали именно такие результаты, какие они показывали. Но ему были не нужны ничьи объяснения. Он сам легко бы мог это выяснить… если бы в самом деле хотел знать.

Глава 7. СМЕРТНЫЙ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В МОНСТРА

Дон Кайман был очень серьезным человеком и никогда не бросал начатого на полпути. За это мы и выбрали его ареологом программы. Увы, это же свойство распространялось и на религиозную сторону его жизни. Каймана тревожил религиозный вопрос, прятавшийся где-то на границах сознания.

Правда, это не мешало ему посвистывать перед зеркалом, старательно подбривая бородку а-ля Диззи Джиллспай, или укладывая волосы в аккуратное каре. Но все-таки тревожило. Кайман уставился в зеркало, пытаясь сообразить, в чем же все-таки дело. Как минимум, в футболке, тут же догадался он. Футболка была не к месту. Он поменял ее на четырехцветный полугольф двойной вязки. Ворот свитера чем-то смахивал на пасторский воротничок. Весьма кстати, с усмешкой подумал Кайман.

Зазвонил интерком.

— Донни? Ты уже готов? Или еще минуту?

— Еще минуту, — ответил он, оглядываясь по сторонам. Так, что еще? Спортивная куртка висит на стуле у дверей. Ботинки сияют. Ширинка застегнута. Становлюсь рассеянным, подумал он. Что-то его грызло, что-то тесно связанное с Роджером Торравэем. В эту минуту он очень жалел его.

В конце концов Кайман пожал плечами, перебросил куртку через плечо, прошел по коридору и постучал в двери женской половины.

— Доброе утро, святой отец, — улыбнулась новенькая, впустив его. — Присядьте. Сейчас я ее позову.

— Спасибо, Джесс.

Она заспешила по коридору. Кайман проводил ее оценивающим взглядом. Облегающий комбинезон только подчеркивал фигуру, и Кайман позволил себе насладиться легким, почти забытым чувством вины за грешные мысли. Невинный грех, вроде мяса по пятницам. Ему вспомнилось, как каждую пятницу вечером родители чуть ли не украдкой жевали мороженые устрицы во фритюре, хотя церковные правила на этот счет были уже отменены. Не то, чтобы они считали грехом есть мясо, просто уже так привыкли к рыбе по пятницам, что не могли перестроиться. Отношение Каймана к сексу бы-

ло очень похожим. Снятие целибата не стерло генетической памяти духовенства, две тысячи лет притворявшегося, что не знает, зачем ему половые органы.

Сестра Клотильда весело впорхнула в комнату, поцеловала его в гладко выбритую щеку, и взяла под руку.

— Ты приятно пахнешь.

— Зайдем куда-нибудь, выпьем кофе? — спросил он, открывая наружную дверь.

— Не стоит, Донни. Лучше поскорее закончить с этим делом.

Припекало осеннее солнце, со стороны Техаса дул горячий ветер.

— Сложить крышу?

Она покачала головой.

— Растреплет волосы. И потом, слишком жарко, — она повернулась в кресле и посмотрела на него. — Что-то случилось?

Дон пожал плечами и включил двигатель, выводя машину на автоматическую трассу.

— Я… я сам не знаю. Будто забыл в чем-то исповедаться.

— Дело во мне? — понимающе кивнула Клотильда.

— О нет, Тилли. Что-то другое… сам не пойму,

что.

Рассеянно взяв ее за руку, он выглянул в боковое окно. Когда они въехали на виадук, далеко на горизонте стал виден огромный белый куб института.

Он был вполне уверен, что его тревожит вовсе не привязанность к сестре Клотильде. Хотя кое-какие невинные грешки и вызывали в нем трепет наслаждения, он вовсе не собирался нарушать ни законов своей церкви, ни законов своего Бога. Я мог бы нанять хорошего адвоката и сразиться в суде, думал он, но нарушать закон… Даже свои ухаживания за сестрой Клотильдой Кайман считал достаточно рискованным занятием, а уж что из этого получится, будет зависеть от того, что разрешит ей орден… если он вообще решится и они подадут прошение о снятии обетов. Воинствующие раскольники, наподобие клерикальных коммун или возрожденных катаров, его не интересовали.

— Роджер Торравэй? — догадалась она.

— Не удивлюсь, — кивнул он. — Верно, мне не очень-то нравится это манипулирование его чувствами. Его восприятием мира.

Сестра Клотильда крепче сжала его ладонь. Как социальному психологу, ей разрешалось знать,

что происходит в рамках программы. Кроме того, она знала Дона Каймана.

— Чувства лгут, Донни. Так гласит Святое Писание.

— Да, конечно. Но имеет ли Брэд право диктовать, как должны лгать чувства Роджера?

Клотильда прикурила, и больше не отрывала его от раздумий. Заговорила она, только когда они подъезжали к торговому центру.

— Следующий поворот, да?

— Правильно, — ответил он, взялся за руль и переключил машину на ручное управление. На стоянку он въезжал, все еще поглощенный Роджером. Прежде всего — проблема с его женой. Уже с этим было достаточно хлопот. А дальше возникала проблема куда важнее: как Роджеру разрешить важнейший из человеческих вопросов — что есть Добро, а что есть Зло? — если информация, на которую ему придется опираться, будет профильтрована медиатором Брэда?

Вывеска над витриной магазина гласила *«Милые мелочи»*. Магазин был небольшой, во всяком случае, по меркам торгового центра с магазином готовой одежды площадью более четверти миллиона квадратных футов, и супермаркетом почти таких же размеров, но достаточно круп-

ный, чтобы обходиться хозяевам в копеечку. Если считать аренду, коммунальные услуги, страховку, зарплату трех продавцов (двое с неполным днем), и щедрую директорскую ставку для Дори, магазин приносил в месяц около двух тысяч долларов убытка. Роджер покрывал убыток без возражений, хотя наши бухгалтерские системы несколько раз подсказывали ему, что выгоднее будет просто выдавать Дори две тысячи в месяц на карманные расходы.

Дори как раз выставляла на прилавок фарфор с табличкой *«Распродажа — За полцены»*. Гостей она встретила достаточно вежливо.

— Привет, Дон. Здравствуйте, сестра Клотильда. Не хотите ли пару этих красных чашечек? Почти даром!

— Выглядят симпатично, — заметила Клотильда.

— Да, они симпатичные. Только для монастыря не берите. Комиссия по контролю за продуктами питания приказала изъять их из продажи. Будто бы в глазури содержится яд — при условии, что из такой чашки в течение двадцати лет будут пить по сорок чашек чая в день.

— Ой, какая жалость. Но… вы их все-таки продаете?

— Постановление вступает в силу только через тридцать дней, — лучезарно улыбнулась Дори. — Кажется, я не должна была бы рассказывать о таких вещах священнику и монашке, правда? Но честное слово, я продаю такие чашки уже много лет, и еще ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь от них умер.

— Может быть, выйдешь с нами на чашечку кофе? — спросил Кайман. — Конечно, пить будем из других чашек.

Дори поправила чашечку и вздохнула.

— Нет, мы можем поговорить и просто так. Пойдемте в мой кабинет. Я все равно знаю, из-за чего вы приехали, — добавила она через плечо.

— Вот как?

— Вы хотите, чтобы я навестила Роджера. Правильно?

Кайман устроился в широком кресле напротив ее стола.

— А почему бы и нет, Дори?

— Господи, Дон, а толку? Он в полной отключке. Он даже не поймет, приходила я или нет.

— Да, его постоянно пичкают седативами. Но иногда он приходит в себя.

— Он просил об этом?

— Он спрашивал о тебе. Что, по твоему, он дол-

жен умолять?

Дори пожала плечами, перебирая в пальцах фарфоровую шахматную фигурку.

— Дон, ты когда-нибудь пробовал не совать нос в чужие дела?

Кайман не стал обижаться.

— Это — не чужое дело. Сейчас Роджер у нас единственный и незаменимый. Ты понимаешь, что с ним происходит? Он двадцать восемь раз был на операционном столе. За тринадцать дней! У него уже нет глаз. Легких, сердца, ушей и носа. У него даже кожи не осталось, даже кожи, ее всю сняли по кусочку, заменили синтетикой. С него живьем содрали кожу — за такое людей объявляли святыми, а тут человек должен ждать, пока его собственная жена…

— Ко всем чертям, Дон! — взорвалась Дори. — Ты сам не знаешь, о чем говоришь. Роджер просил меня не приходить, когда начнутся операции. Он думает, что я не выдержу… Он просто не хочет, чтобы я видела его в таком состоянии!

— На мой взгляд, Дори, — тихо ответил священник, — ты слеплена из другого теста. Так ты сможешь выдержать это?

Дори презрительно сморщилась. Симпатичное личико показалось вовсе не таким уж симпа-

тичным.

— Дело не в том, выдержу я или нет, — ответила она. — Послушай, Дон. Ты знаешь, каково это — быть женой такого мужчины, как Роджер?

— Хм, на мой взгляд, неплохо, — удивленно ответил Кайман. — Роджер славный парень.

— Славный, еще бы. Уж я-то знаю об этом не хуже тебя, Дон Кайман. И по уши влюбленный в меня.

Пауза.

— Я что-то не совсем понимаю, — нарушила тишину сестра Клотильда. — Ты что, недовольна этим?

Дори покосилась на монашку, что-то взвешивая.

— Недовольна. Можно и так сказать, — тут она отложила в сторону шахматную фигурку и перегнулась через стол. — Мечта каждой девушки, правда? Найти настоящего героя, чтобы он был красивый, умный, знаменитый, да еще и почти богатый, и чтобы влюблен был в нее без памяти, так что никого, кроме нее, не замечает? Потому я и вышла за Роджера. И не верила в свое счастье.

Ее голос поднялся на полтона.

— По-моему, вы понятия не имеете, что это такое — жить с человеком, который от вас без

ума. Что толку от мужика без ума? Когда я лежу рядом с ним в постели и стараюсь уснуть, я слышу, что он тоже не спит, и пока не усну, так перднуть боится, вот какой он у нас деликатный! Вы знаете, что когда мы вместе куда-нибудь едем, он посрать не сходит, пока сорок раз не проверит, что я сплю или вышла? Не успеет продрать глаза, уже бреется — не хочет, чтобы я его видела заросшим. Под мышками бреет, трижды в день дезодорантом прыскается. Он… он смотрит на меня, как на Деву Марию, Дон! У него сдвиг на этой почве! И это продолжается уже девять лет.

Она умоляюще посмотрела на священника и монашку. Тем уже было немного не по себе.

— И вот теперь являетесь вы, — продолжала Дори, — и говорите: «Пойди, посмотри, какого из него сделали урода!». Вы и все остальные тоже. Вчера принесло Кэтлин Даути. По уши загруженную виски. Она, видите ли, коротала вечерок с бутылкой, думала, думала и надумала явиться ко мне, поведать об откровении со дна стакана. Я, видите ли, заставляю Роджера страдать. Да, она права. Вы тоже правы. Я заставляю Роджера страдать. Вы ошибаетесь только, если думаете, что своим посещением я его осчастливлю… Ох, ну его все к черту.

Зазвонил телефон. Дори подняла трубку, нервно глянула на Каймана и сестру Клотильду. Выражение ее лица, до этого момента почти умоляющее, вдруг застыло, чем-то напоминая фарфоровые фигурки на кофейном столике.

— Прошу прощения, — сказала она, разворачивая вокруг микрофона тонкие пластиковые лепестки. Превратив телефон в шептофон, она повернулась в кресле к ним спиной, около минуты неслышно с кем-то разговаривала, потом положила трубку и снова обернулась.

— Мне, конечно, будет о чем подумать, Дори, — начал Кайман. — И все-таки…

— И все-таки ты хочешь указывать, как мне жить, — сверкнула фарфоровой улыбкой Дори. — Не получится. Вы оба сказали все, что хотели сказать. Спасибо, что зашли. А теперь — я буду очень вам благодарна, если вы уйдете. Больше нам говорить не о чем.

Внутри огромного белого куба института, распростертый на жидкостной кровати, лежал Роджер. Он лежал так уже тринадцать дней, большую часть времени либо просто без сознания, либо не в силах понять, в сознании он или нет. Иногда он видел сны. Мы знали, когда он видит сны, сначала по быстрым движениям глаз, потом,

когда глаза удалили, по сокращениям мышечных окончаний. Кое-что из этих снов было явью, но он не понимал этого.

Мы ни на секунду не спускали с Роджера Торравэя глаз. Пожалуй, не было такого сокращения мышцы или нервного импульса, который не регистрировался бы на каком-нибудь мониторе, а мы преданно записывали эти данные и непрерывно наблюдали за его жизненными функциями.

Это было только начало. За тринадцать дней операций с Роджером было сделано почти то же, что проделали над Вилли Хартнеттом. Но этого было недостаточно.

После этого протезисты и хирурги принялись за такие вещи, которые никогда еще не проделывались над человеком. Вся его нервная система была перестроена, а основные цепи — подключены к огромному компьютеру этажом ниже. Это была машина универсального назначения Ай-Би-Эм 3070. Она занимала полкомнаты, и все равно была недостаточно мощной для наших целей. Этот компьютер был лишь временной подменой. В двух тысячах миль отсюда, на севере штата НьюЙорк, в лабораториях Ай-Би-Эм собирался специализированный компьютер, который должен был поместиться в ранце. Создание та-

кого компьютера составляло, пожалуй, самую сложную часть всей программы; мы непрерывно проверяли и отлаживали все его схемы, даже во время монтажа. Его масса не должна была превышать восьмидесяти фунтов земного веса, наибольший габарит — девятнадцать дюймов. И он должен был работать от аккумуляторов, непрерывно подзаряжаемых солнечными батареями.

С солнечными батареями тоже вначале были немало проблем, но с этим мы справились, и довольно изящно. Минимальная площадь батарей должна была составлять около девяти квадратных метров, и площадь поверхности Роджера (даже после множества модификаций) была для этого слишком маленькой, даже если бы он смог впитывать тусклый свет марсианского солнца всей поверхностью своего тела. Мы разрешили эту проблему, создав пару больших, тонких, как паутинка, крыльев, похожих на крылышки эльфа.

— Он будет выглядеть, как Оберон,[2] - довольно усмехнулся Брэд, увидев чертежи.

— Или как нетопырь, — буркнула Кэтлин Да-

---

[2] Примечания: 2
Спутник Урана

ути.

Они и в самом деле напоминали крылья летучей мыши, тем более, что были угольно-черными. Правда, летать на них было бы невозможно даже в достаточно плотной атмосфере (если бы на Марсе была такая атмосфера): они были сделаны из тончайшей пленки с ничтожной конструкционной прочностью. Но от них не требовалось ни летать, ни переносить значительные нагрузки; единственное, для чего они предназначались, это автоматически раскрываться и принимать те слабые солнечные лучи, которые дойдут до Марса. Задним числом в конструкцию были внесены еще поправки, позволившие Роджеру в некоторой степени управлять крыльями, чтобы пользоваться ими для поддержания равновесия, как канатоходец пользуется шестом. Учитывая все вместе взятое, это был огромный шаг вперед по сравнению с «ушами», которые мы прилепили Хартнетту.

Солнечные крылья были спроектированы и изготовлены за восемь дней; к тому времени, когда лопатки Роджера подготовили к их установке, крылья были готовы к монтажу. Искусственную кожу запустили чуть ли не в массовое производство. Ее столько ушло еще на Хартнетта, на

основную «обтяжку», и в резерв, на случай повреждений или конструкционных изменений в ходе проекта, что сейчас новые трансплантаты росли и принимали очертания тела Роджера с той же скоростью, с какой хирурги обдирали остатки кожи, в которой он появился на свет.

Время от времени Роджер приподнимался и осмысленно оглядывался по сторонам, словно понимал все, происходящее вокруг. Трудно сказать, так ли это было на самом деле. Гости — а гости его посещали беспрерывно — иногда обращались к нему, иногда говорили о нем, как о занятном лабораторном образце, наделенном личностью не больше, чем титровальная колба. Почти ежедневно заходил Верн Скэньон, все с большим отвращением глядя на возникающее существо.

— Он как из пекла родом, — заметил он однажды. — Налогоплательщики прыгали бы от радости.

— Полегче, генерал, — одернула его Кэтлин Даути, разместив свою могучую фигуру между директором и предметом его внимания. — Откуда вы знаете, что он вас не слышит?

Скэньон пожал плечами и ушел, готовить доклад для аппарата президента. Сразу же вслед за ним вошел Дон Кайман.

— Благословенна будь, о святая дева, — серьезно сказал он. — Ибо я благодарен тебе за заботу о Роджере, друге моем.

— Ааа, — раздраженно ответила она. — Никаких сантиментов. У бедняги должно остаться хоть немного веры в себя, она ему еще понадобится. Ты слышал, сколько параплегиков и постампутационных прошло через мои руки. А знаешь, сколько из них были совершенно безнадежными обрубками? Которые никогда уже не смогли бы ходить, да что ходить — хотя бы рукой или ногой пошевелить, даже судно себе не смогли бы подставить? Сила воли творит чудеса, Дон, но для этого нужно верить в себя.

Кайман нахмурился: состояние духа Роджера по-прежнему не выходило у него из головы.

— Ты что, не согласен? — резко спросила Кэтлин, неверно истолковав озабоченно сдвинутые брови.

— Что ты! Я имею в виду… Кэтлин, сама подумай — я что, похож на человека, оспаривающего превосходство духа над телом? Я тебе только благодарен. Ты славная женщина, Кэтлин.

— Черта с два я славная, — хмыкнула она из-за сигареты. — Мне за это платят. И насколько я понимаю, ты еще не заходил к себе в кабинет? Там

тебя ждет вдохновляющая записочка от Его Звездного Всемогущества генерала, напоминающая, что дело, которое мы делаем — дело чрезвычайной важности… и с прозрачным намеком: если мы провалим старт, нас ждет концлагерь.

— Словно нам нужно об этом напоминать, — вздохнул отец Кайман, не сводя глаз с гротескной, неподвижной фигуры Роджера. — Скэньон тоже славный парень, только у него склонность считать все, что он делает, пупом вселенной. Хотя… может быть, на этот раз он и прав.

Это высказывание было ни в коей мере не преувеличенным. Для нас не было никаких сомнений: самый важный элемент во всех этих сложнейших взаимозависимостях разума и материи, которые прошлые поколения ученых называли Гея, находился именно здесь — возлежащий на жидкостном ложе, похожий на главного героя из японского фильма ужасов. Без Роджера Торравэя марсианская экспедиция не могла начаться вовремя. Миллиарды людей могли бы усомниться в важности этого. Мы — нет.

Роджер был центром всего. Внутри массивного здания института именно он был точкой приложения всех сил, равнодействующая которых превращала его в то, чем он должен был стать. В

операционной за соседними дверями Фрилинг, Вейднер и Брэдли монтировали в него новые части. Ниже, в марсианской камере, той самой, в которой умер Вилли Хартнетт, проверялась безотказность работы этих новых частей в марсианских условиях. Иногда время безаварийной работы было опасно коротким, тогда их конструкция модифицировалась, насколько это было возможно, или добавлялись резервные схемы — или деталь просто шла в дело, с молитвой и скрещенными пальцами.

И весь остальной мир тоже складывался вокруг Роджера, как лепестки луковицы. Чуть дальше внутри здания гудел и урчал гигантский 3070, поглощавший все новые и новые программы, по мере того, как в Роджера блок за блоком встраивались цепи промежуточной обработки информации. За стенами института лежал город Тонка, жизнь которого зависела от успеха программы — она была здесь главным работодателем и основным смыслом жизни. Город был окружен штатом Оклахома и остальными пятидесятью четырьмя штатами, простирающимися на все четыре стороны, а эти штаты окружал усталый и сердитый мир, перебрасывавшийся из столицы в столицу не совсем дипломатическими

нотами на высшем уровне, и цеплявшийся за существование мириадами отдельных существ.

Люди, связанные с программой, постепенно отгораживались от всего остального мира. Когда могли, они избегали телевизионных новостей, не читали в газетах ничего, кроме спортивной колонки. Они работали, что было сил, так что на чтение, в общем, просто не хватало времени. Но дело было не в этом. Они просто не хотели знать. Мир сходил с ума, и чужеродная начинка огромного белого куба института казалась им вполне рациональной и разумной действительностью, а столкновения в Нью-Йорке, тактические ядерные ракеты над Персидским заливом, или повсеместный голод в странах, некогда известных, как «развивающиеся» — бессмысленной галлюцинацией.

Это и в самом деле были галлюцинации. И бессмысленные, по крайней мере для будущего нашего рода.

Итак, Роджер жил и изменялся. Кайман проводил рядом с ним все больше времени, почти каждую минуту, когда не был занят в марсианской камере. Он с благодарностью смотрел на Кэтлин Даути, шастающую по палате, засыпая пеплом от сигарет все, кроме Роджера. И все рав-

но, что-то его тревожило.

Ему пришлось смириться с тем, что Роджеру нужны промежуточные системы для обработки избыточной информации. Но он не мог найти ответа на главный вопрос: если Роджер не знает, что видит, как же он увидит Истину?

Глава 8. НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ СВОИМ

Погода портилась быстро и надолго. Мы видели, как надвигалась перемена, как клин арктического воздуха двигался от Альберты на юг, дойдя до самого Техаса. Штормовое предупреждение приковало машины на воздушной подушке к земле. Тем сотрудникам программы, у которых не было колесных машин, приходилось добираться общественным транспортом, и стоянки были почти пустыми, если не считать бесформенных комков перекати-поле, скачущих на ветру.

Не все приняли предупреждение всерьез, и первый же в этом году заморозок принес с собой простуду и грипп. Брэд слег, Вейднер болел амбулаторно, но ему запретили даже приближаться к Роджеру, опасаясь, что он заразит его банальным легким недомоганием, против которого Роджер был сейчас бессилен. Почти вся работа по созданию Роджера легла на Джонатана Фрилинга, здоровье которого теперь охранялось так же ревностно, как и здоровье Роджера. Только железную старуху Кэтлин Даути не брала никакая зараза, и она ежечасно заглядывала в палату к Роджеру,

осыпая санитарок пеплом и советами.

— Относитесь к нему, как к живому существу, — строго наставляла она. — И оденьтесь, как следует, когда пойдете домой. Сверкать своими симпатичными жопами будете потом, а сейчас главное, чтобы вы не подхватили простуду, до тех пор, пока без вас можно будет обойтись.

Санитарки не обижались. Они и так выкладывались до последнего, даже Клара Блай, которую вызвали из медового месяца, подменять заболевших подруг. И они заботились о нем не меньше, чем Кэтлин Даути, хотя глядя на это гротескное создание, которое все еще звалось Роджером Торравэем, трудно было представить, что он — действительно живое существо, у которого, как и у них, есть свои радости и свои печали.

Роджер стал все чаще приходить в себя. Двадцать часов в сутки, а то и больше, он проводил в спячке, или в полусне, оглушенный обезболивающими, но иногда узнавал людей, находившихся в палате, и даже вразумительно говорил с ними. Потом мы снова отключали его.

— Интересно, что он чувствует, — сказала както Клара Блай своей сменщице.

Та посмотрела на маску, в которую превратилось его лицо, на большие искусственные глаза.

— Может быть, лучше и не знать этого, — ответила она. — Иди домой, Клара.

Роджер слышал это: записи осциллографа показывали, что он слушал. Анализируя телеметрию, мы могли составить некоторое понятие о том, что происходит в его сознании. Он часто ощущал боль, это было очевидно. Но это была не боль-предостережение, не импульс к действию. Это была часть его жизни. Он научился ждать боль и терпеть, когда она приходила. Пока он не чувствовал почти ничего, связанного с его телом, кроме боли. Его внутренние рецепторы еще не свыклись со своим новым телом. Он не знал, когда ему заменили глаза, легкие, сердце, уши, нос и кожу. Он не знал, как узнавать ощущения, и какие из них делать выводы. Вкус крови и рвоты в горле: откуда ему было знать, что у него удалены легкие? Темнота и скрытая в глубине черепа боль, так непохожая на привычную головную: откуда ему было знать, что это значит, как ему было отличить удаление всей зрительной системы от выключенного света?

В какой-то миг он неясно сообразил, что уже давно не слышит знакомых больничных запахов, ароматизированного дезодоранта и дезинфектора. Когда это случилось? Он не знал. Знал только,

что в окружающем его мире больше нет никаких запахов.

Зато он слышал. Невероятно четко различая звуки, и на таком уровне чувствительности, как никогда прежде. Он слышал каждое сказанное в палате слово, даже самым тихим шепотом, и почти все, что происходило в соседних комнатах. Когда он приходил в себя настолько, чтобы слышать, он слышал, как разговаривают люди. Он понимал слова. Он чувствовал заботу в голосах Кэтлин Даути и Джона Фрилинга, понимал беспокойство и раздражение в голосах генерала и его заместителя.

Но прежде всего он чувствовал боль.

Как много было разной боли! В каждом уголке тела. Заживление послеоперационных ран и яростное пульсирование тканей, нечаянно поврежденных по дороге к главной цели. Мириады иголочек боли: это Фрилинг или санитарки втыкают зонды в тысячи больных мест на поверхности его тела, снимая какие-то показания.

А еще была глубинная, внутренняя боль, временами почти переходившая в физическую — когда он вспоминал о Дори. Когда он находился в сознании, он иногда вспоминал и спрашивал, не приходила ли она, не звонила? Он не помнил

только, чтобы ему отвечали.

А однажды он ощутил новую, пылающую боль в голове… и понял, что это свет.

К нему возвратилось зрение.

Когда санитарки заметили, что он их видит, они тут же доложили об этом Джону Фрилингу. Тот схватил трубку и позвонил Брэду.

— Сейчас буду, — ответил Брэд. — Не включайте ему свет, пока не приеду.

Брэд добирался до института больше часа, а когда появился, было видно, что он все еще еле держится на ногах. Его засунули под душ с антисептиком, побрызгали антисептиком в рот, надели хирургическую маску, и только тогда он осторожно отворил дверь и вошел в палату Роджера.

— Кто там? — спросил голос с постели.

— Это я, Брэд, — пошарив рукой по стене, он отыскал выключатель. — Я включу немного света, Роджер. Скажи, когда увидишь меня.

— Уже вижу, — вздохнул голос. — По крайней мере, мне кажется, что это ты.

Ладонь Брэда остановилась.

— Как ты можешь… — начал он и осекся. — Ты что, хочешь сказать, что видишь меня? Что ты видишь?

— Ну, — прошептал голос, — лица я не различаю. Только какое-то свечение. Зато я вижу твои руки и твою голову. Они яркие. Неплохо различаю плечи и туловище. Хотя хуже… ага, ноги тоже вижу. Рожа у тебя презабавная. Посередине большая клякса.

Сообразив, Брэд потрогал защитную маску.

— Инфракрасное излучение. Ты видишь тепло, Роджер. Что еще?

Кровать немного помолчала.

— Еще вижу светлый прямоугольник. Наверное, это дверь. Видно только очертания. Что-то довольно ярко светится с другой стороны, у стены, и я оттуда все время что-то слышу… это мониторы телеметрии? Вижу свое собственное тело, то есть простыню, а под ней силуэт своего тела.

Брэд огляделся вокруг. Хотя у него было время привыкнуть к темноте, он почти ничего не видел. Только узоры светящихся точек на панелях мониторов, подсвеченные индикаторы, и тонкую полоску света, просачивающуюся из-за двери.

— Отлично, Родж. Что еще?

— Еще много, но я не знаю, что это. Какой-то свет внизу, у самого пола, рядом с тобой. Очень слабый.

— Отопление, должно быть. Ты молодец, па-

рень. Ладно, теперь держись. Я включу немного света. Тебе, может быть, это и не нужно, но не забывай обо мне и санитарках. Говори, что чувствуешь.

Он понемногу начал проворачивать регулятор яркости, медленно, очень медленно, восьмая часть оборота, еще чуть-чуть… Под потолком ожили спрятанные за карнизом лампы — сначала тускло, потом чуточку сильнее. Теперь Брэд уже различал фигуру на кровати, сначала блеск раскрытых, вывернутых вперед крыльев, потом само тело Роджера, до пояса укрытое простыней.

— Теперь я тебя вижу, — вздохнул слабый голос Роджера. — Только немного по-другому, теперь я вижу цвет и ты не светишься так сильно.

Брэд снял ладонь с выключателя.

— На первый раз хватит, — его качнуло, и он оперся плечами о стену. — Извини. Я простыл, что-то вроде этого… Так как, ты что-то чувствуешь? То есть какую-нибудь боль, что-нибудь такое?

— О Господи, Брэд!

— Нет, нет, я имею в виду — из-за зрения. Свет не слепит твои… твои глаза?

— Глаза, пожалуй, единственное, что у меня не болит, — вздохнул Роджер.

— Прекрасно. Я дам еще чуть-чуть света… вот так, хорошо? Нормально?

— Да.

Еле передвигая ноги, Брэд подошел к кровати.

— Отлично, теперь попробуй кое-что сделать. Ты можешь, ну… закрыть глаза? То есть можешь выключить зрительные рецепторы?

Молчание.

— Наверное… наверное, нет.

— Так вот, ты можешь это, Родж. В тебя встроена такая способность, ты только должен ее найти. У Вилли в начале тоже были с этим небольшие проблемы, но он научился. Он говорил, что просто тыкался вокруг, а потом это получилось.

— …пока не получается.

Брэд немного помолчал. В голове мутилось, он чувствовал, как силы по капле покидают его.

— Давай попробуем так. У тебя когда-нибудь были проблемы с пазухами?

— …да. Иногда.

— Ты помнишь, где болело?

Тело на кровати беспокойно пошевелилось, не сводя с Брэда огромных глаз.

— Кажется… кажется, да.

— Поищи в том районе, — посоветовал Брэд. — Проверь, сможешь ли ты найти эти мышцы и

пошевелить ими. Самих мышц нет, но остались управлявшие ими нервные окончания.

— …не получается. Какую я должен искать мышцу?

— О ччерт, Роджер! Она называется rectus lateralis, и много тебе от этого толку? Просто поищи там.

— …ничего не выходит.

— Ну ладно, — вздохнул Брэд. — Не волнуйся. Но не забывай про это и пробуй как можно чаще. Ты сообразишь, как это делается.

— Утешил, — обиженно прошептал голос с кровати. — Эй, Брэд? Ты просветлел.

— Просветлел? Что ты имеешь в виду? — недоуменно спросил Брэд.

— Ярче светишься. Лицо сильнее светится.

— Аааа, — протянул Брэд, чувствуя, что у него снова начинает кружиться голова. — Наверное, у меня температура. Лучше я пойду. Эта марля для того, чтобы я тебя не заразил, но ее хватает всего на пятнадцать минут.

— Перед тем, как выйдешь, — шепнул голос, — сделай мне одолжение. Прикрути на минуточку свет.

Брэд пожал плечами и прикрутил.

— Ну?

Тело на кровати неуклюже заворочалось.

— Я просто поворачиваюсь, чтобы лучше тебя видеть, — сообщил Роджер. — Послушай, Брэд, я хотел спросить, как наши дела? Я справлюсь?

Брэд помолчал, собираясь с мыслями.

— Думаю, что да, — ответил он прямо. — Пока все идет, как по маслу. Тебе я врать не стану, Роджер, это уникальная работа, и наперекосяк может пойти что угодно. Но пока ничего такого не случилось.

— Спасибо. Еще одно. Ты видел Дори?

Молчание.

— Нет, Роджер. Я не был у нее почти неделю. Я порядком приболел, а когда не болел, был чертовски занят.

— Понятно. Слушай, наверное, можно оставить свет так, как было, пусть санитарки не плутают на ощупь.

Брэд снова повернул регулятор.

— Я зайду к тебе, как только смогу. Учись закрывать глаза, ладно? Потом, у тебя есть телефон, звони мне, когда захочешь. То есть не когда что-то случится, я и так узнаю, если случится какая-нибудь неприятность, я теперь в туалет не выхожу, не оставив телефона, по которому меня можно найти. Просто звони, когда захочешь

поговорить.

— Спасибо, Брэд. Пока.

По крайней мере, все операции были позади. Во всяком случае, самые тяжелые. Когда Роджер понял это, он ощутил определенное облегчение, очень дорогое для него, потому что причин для беспокойства до сих пор было больше, чем хотелось бы.

Клара Блай пришла умывать его и, вопреки недвусмысленным запретам, принесла букет, чтобы поднять ему дух.

— Ты славная девушка, — прошептал Роджер, поворачиваясь, чтобы посмотреть на цветы.

— На что они похожи?

— Это розы, но они не красные. Светло-желтые? Приблизительно тот же цвет, что у твоего браслета.

— Апельсиновый, — она укрыла ему ноги свежей простыней. Поверхность жидкостной кровати под простыней слегка заколебалась. — Хочешь судно?

— Зачем? — буркнул он.

Сейчас он находился на третьей неделе безшлаковой диеты и на десятом дне ограниченного приема жидкостей. Как выразилась Клара, его выделительные органы теперь стали чисто де-

кативными.

— Мне все равно разрешено вставать, — продолжал он. — Если уж припечет, я и сам смогу справиться.

— Какой взрослый, — улыбнулась Клара, собрала грязное белье и вышла.

Роджер сел и приступил к исследованиям окружающего. Одобрительно посмотрел на розы. Большие фасеточные глаза принимали почти на октаву больше частот, чем простые, то есть почти дюжину новых, невиданных цветов, от инфракрасных до ультрафиолетовых. Он не мог назвать их, но привычная радуга спектра сейчас вмещала в себя и новые цвета. Он знал: то, что похоже на темно-красный — тепло низкой интенсивности. Причем слова «похоже на темно-красный» тоже не вполне отвечали истине, это был просто свет, но другой, вызывавший ощущение тепла и уюта.

Все равно, в этих розах было что-то очень необычное — и дело вовсе не в цвете.

Роджер откинул простыню и посмотрел вниз. У новой кожи не было ни пор, ни волос, ни складок. Она напоминала скорее водолазный скафандр, чем знакомую ему с рождения плоть. Он знал, что под ней находятся новые, механические мышцы, но внешне ничто не выдавало этого.

Скоро он встанет и пойдет на собственных ногах. Пока он был не совсем готов к этому. Включил телевизор. Экран расцвел ослепительной мозаикой пурпурных, синих и зеленых точек. Потребовалось усилие воли, чтобы различить трех поющих и пританцовывающих девушек; новые глаза упорно раскладывали изображение на составные элементы. Роджер переключил программу и попал на новости. Новая Народная Азия послала в Австралию с «дружественным визитом» еще три подводных лодки. Пресс-секретарь президента Дешатена сделал жесткое заявление: наши союзники в Свободном Мире могут на нас рассчитывать. Все футбольные команды Оклахомы проиграли. Роджер выключил телевизор, от него только разболелась голова. При каждом движении линии разъезжались по диагонали, а сзади телевизора светило загадочное зарево. Когда он выключил ток, экран еще какое-то время светился, а потом стал потухать, и зарево сзади тоже стало темнеть и гаснуть. Это тепло, вспомнил он.

Сейчас, сейчас, как это говорил Брэд? «Поищи там, где у тебя пазухи».

Он чувствовал себя очень непривычно. Во-первых, в незнакомом теле, а во-вторых, попробуй

отыщи в нем какой-то нерв, который толком никто назвать не может. И все это только для того, чтобы закрыть глаза! Впрочем, Брэд уверял его, что он сможет это. Роджер питал к Брэду смешанные чувства, но одной из составляющих была гордость. Если Брэд сказал, что это может каждый, то уж наверное, это сможет и Роджер.

Только у него не получалось. Он перепробовал все мыслимые сочетания сокращений мышц и силы воли, но ничего не получалось.

Неожиданно в памяти всплыла картинка из прошлого, из тех времен, когда они с Дори только что поженились. Нет, еще даже не поженились, просто жили вместе, припомнил он, чтобы проверить, не пропадет ли у них желание официально связать свои жизни. Это был период увлечения трансцендентальным массажем, когда они постигали друг друга всеми способами, какие только приходили им в головы. Роджеру вспомнился и запах детского масла, в которое было добавлено немного мускуса, и то, как они хохотали над пояснениями ко второй чакре: «Сделайте глубокий вздох до селезенки и задержите дыхание; потом медленно выдыхайте, одновременно гладя партнера ладонями по обоим сторонам туловища». Они так и не смогли найти селезенку, и Дори так

смешно пускалась в исследования по интимным местечкам их тел. «Здесь? А может, здесь? Родж, послушай, ты несерьезно относишься к…»

Он почувствовал резкую, острую боль, хлынувшую откуда-то из глубины, и провалился в бездонную пустоту. Дори!

Дверь с треском распахнулась.

Ошеломленно сверкнув глазами, влетела Клара Блай.

— Роджер! Что ты вытворяешь?

Прежде чем ответить, он сделал глубокий, медленный вдох.

— Что случилось?

Он слышал, как монотонно звучит его голос. После того, что с ним сделали, в голосе почти не осталось красок.

— У тебя все датчики подскочили! Я думала… я даже не знаю, что подумала, Роджер. Что бы тут не случилось, тебе было больно, Роджер.

— Извини, Клара.

Клара шмыгнула к мониторам у стены, торопливо проверяя показатели. Он проводил ее взглядом.

— Сейчас уже лучше, — укоризненно сказала она. — Кажется, все в порядке. Что ты за фокусы здесь выкидывал?

— Я думал.

— О чем?

— Я не знаю, где находится селезенка. А ты?

Она недоуменно посмотрела на него:

— Под нижними ребрами, с левой стороны. Там, где ты думаешь, что у тебя сердце. Ты что, разыгрываешь меня, Роджер?

— Вроде того. Кажется, я вспомнил о том, о чем мне не стоило вспоминать, Клара.

— Прошу тебя, больше этого не делай!

— Постараюсь.

Но мысли о Дори и Брэде все еще рыскали где-то там, в подсознании. Он сменил тему:

— И вот еще что: я стараюсь закрыть глаза и не могу.

Она подошла поближе и с ласковым сочувствием погладила его по плечу.

— У тебя получится, милый.

— Угу.

— Правда-правда. Я присматривала за Вилли, где-то в это же время, и его это тоже страшно расстраивало. Но он справился. А сейчас, — продолжала она, отойдя к стене, — я это сделаю за тебя. Спокойной ночи, гасим свет. Утром ты должен быть свежим, как яблочко.

— Это еще зачем? — подозрительно спросил

он.

— Нет, нет, больше резать тебя не будут. С этим пока все. Разве Брэд тебе не говорил? Завтра тебя подключают к компьютеру, чтобы начать со всеми этими медиаторами. У тебя будет куча работы, Родж, так что поспи немного.

Она погасила свет, и Роджер увидел, как ее темное личико разгорается мягким свечением, напомнившим ему персик.

Тут ему кое-что пришло в голову.

— Клара? Сделай мне одолжение?

Та остановилась, уже коснувшись рукой двери.

— Что такое, милый?

— Я хочу тебя кое о чем спросить.

— Ну, спрашивай.

Он поколебался, не зная, с какой стороны подступиться к задуманному.

— Я хотел бы выяснить, — начал он, на ходу подбирая слова, — как бы это… ага, вот. Я хотел бы спросить, Клара, вот вы с мужем, в каких позах вы занимаетесь любовью?

— Роджер!!!

Яркость ее лица подскочила на полдецибела, сквозь кожу было видно, как набухает горячей кровью сеточка жилок.

— Извини меня, Клара, — робко сказал он. —

Наверное… наверное, от этого бесконечного лежания в голову лезет черт знает что… Пожалуйста, забудь, что я ляпнул, ладно?

Клара помолчала. Когда она ответила, ее голос снова был накрахмаленным голосом образцовой медсестры, вовсе не голосом друга.

— Конечно, Роджер. Все в порядке. Ты просто… застал меня врасплох. Просто… нет, нет, все в порядке, ты просто никогда не задавал таких вопросов.

— Я знаю. Извини. Мне очень жаль.

Но ему было не жаль, вернее, не совсем жаль.

Он проводил ее взглядом. Дверь закрылась, и он принялся изучать прямоугольную каемку света, пробивавшегося из коридора. Он благоразумно старался сохранять спокойствие. Не хотелось, чтобы мониторы снова подняли тревогу.

Однако его мысли упорно возвращались на самую границу опасной зоны. Как получилось, что вспыхнувший на щеках у Клары после его выходки смущенный румянец был так похож на резкое повышение яркости лица у Брэда, когда Роджер спросил, не заходил ли тот к Дори?

На следующее утро мы находились в состоянии полной готовности. Системы были проверены, резервные цепи подключены, автоматические

предохранители отрегулированы так, чтобы сработать при малейшем признаке неисправности. Брэд прибыл в 6.00, еще слабый, но с ясной головой и готовый к работе. Тут же вслед за ним появились Вейднер и Джон Фрилинг. Хотя основная работа сегодня ложилась исключительно на Брэда, они все равно не выдержали и пришли. Конечно, явилась и Кэтлин Даути, она приходила на каждую операцию, не потому, что того требовали ее обязанности, а потому, что так диктовало сердце.

— Смотрите, не замучайте моего мальчика, — проворчала она из-за сигареты. — На будущую неделю, когда я возьмусь за него, ему потребуются все силы.

— Кэтлин, — ответил Брэд, отчетливо выговаривая каждый слог. — Черт бы меня побрал, если я не сделаю все, что в моих силах.

— Да, да. Я знаю, — она погасила сигарету и тут же прикурила другую. — Просто у меня никогда не было детей, так что Роджер и Вилли в некотором роде… заменяют их, что ли.

— Угу, — кивнул Брэд, уже не слушая.

У него не было ни квалификации, ни допуска на работу с 3070-м и со вспомогательными системами. Оставалось только смотреть и ждать,

пока техники и программисты закончат свою работу. Когда третья проверка прошла без сучка и задоринки, он наконец вышел из компьютерного зала и поднялся лифтом на три этажа выше, в палату Роджера.

Перед дверью он приостановился, пару раз глубоко вздохнул, а потом с улыбкой на губах вошел.

— Все почти готово к подключению, парень. Как ты себя чувствуешь, справишься?

Стрекозиные глаза повернулись к нему.

— Я не знаю, как я должен себя чувствовать, — ответил бесцветный голос Роджера. — Честно говоря, что я чувствую, так это страх.

— Ну, ну, тут нечего бояться, — усмехнулся Брэд и торопливо добавил:

— Сегодня мы только испытаем промежуточную обработку, и все.

Черные крылья затрепетали и пошевелились.

— Это убьет меня? — спросил ужасающе монотонный голос.

— Ну хватит, Роджер! — внезапно вспылил Брэд.

— Это только вопрос, — все так же монотонно протикал голос.

— Это дерьмовый вопрос! Я прекрасно знаю,

каково тебе сейчас…

— Сомневаюсь.

Брэд осекся, уставившись на непроницаемое лицо Роджера. Наконец он заговорил снова:

— Повторю еще раз. Моя цель — не убить тебя, а наоборот, сохранить в живых. Конечно, ты думаешь о том, что случилось с Вилли. С тобой этого не случится. И ты сможешь справиться со всем, что может тебя ожидать, здесь, или на Марсе, что самое главное.

— Сейчас самое главное здесь.

— О Господи. Когда система будет включена полностью, ты будешь видеть и слышать только то, что тебе потребуется. Или только то, что захочешь. Ты сможешь самостоятельно управлять этим, в очень широких пределах. Ты сможешь…

— Я даже собственных глаз не могу закрыть, Брэд.

— Ты сможешь это. Ты сможешь пользоваться всем, абсолютно всем. Но ты не сдвинешься с места, пока мы не начнем. Тогда вся эта электроника отфильтрует ненужные сигналы, чтобы ты не запутался. Вилли умер именно потому, что запутался.

Пауза. Мозг, скрывающийся за жуткой маской, переваривал услышанное. Помолчав, Роджер

заметил:

— Ты паршиво выглядишь, Брэд.

— Извини. Я и в самом деле чувствую себя неважно.

— Ты уверен, что справишься?

— Я уверен. Слушай, Роджер. Что ты хочешь сказать? Ты что, хочешь все перенести?

— Нет.

— Так чего же ты тогда хочешь?

— Я сам хотел бы знать. Ладно, Брэд, берись за дело.

К этому моменту мы были в полной готовности; табло «Готовность» мигало зеленым уже несколько минут. Брэд пожал плечами и понуро скомандовал дежурной санитарке:

— Поехали.

После этого началась десятичасовая процедура запуска систем промежуточной обработки, включение одного блока за другим, проверки, регулировки, пробы новых ощущений на пятнах Роршаха и колориметре Максвелла. Для Роджера этот день пролетел, как одно мгновение. Ощущение времени стало изменчивым. Теперь оно регулировалось не биологическими часами, тикающими внутри каждого человека, а электронными компонентами: они замедляли

восприятие времени в спокойной ситуации, и резко ускоряли его в случае необходимости.

— Не так быстро, — тянул он, глядя на санитарок, носившихся вокруг, как пули. Зато когда Брэд, валившийся с ног от усталости, опрокинул поднос с тушью и мелом, Роджеру показалось, что эти предметы буквально поплыли вниз. Не стоило никакого труда подхватить два пузырька с тушью и сам подносик прежде, чем они достигли пола.

Подумав об этом потом, он понял, что это были те предметы, которые могли разбиться или залить весь пол. Восковым мелкам он спокойно позволил упасть. В крошечную долю секунды, оставшуюся для решения, он выбрал те предметы, которые необходимо было поймать, и позволил остальным упасть, даже не отдавая себе в этом отчета.

Брэд был на седьмом небе.

— У тебя отлично получается, — заметил он, стоя в ногах у Роджера и опираясь об спинку кровати. — Я поехал домой, немного вздремнуть, а завтра после операции буду у тебя.

— Операции? Какой операции?

— Так, пустяки. Последний штрих, — ответил Брэд. — По сравнению с тем, что ты прошел, пол-

ная ерунда. Можешь мне поверить.

— С этого момента твое создание почти закончено, — добавил он направляясь к дверям. — Дальше ты будешь только расти. Учиться. Научишься владеть тем, что тебе дано. Самое страшное уже позади. Как дела с глазами? Уже научился отключать?

— Брэд, — загремел бесцветный голос, громче обычного, но все такой же монотонный, — какого черта тебе от меня надо? Я стараюсь!

— Знаю, знаю, — ответил Брэд примирительно. — Ну, до завтра.

В первый раз за этот день Роджер остался один. Немного поэкспериментировал со своими новыми чувствами. Он понимал, что в жизненно важных ситуациях они могут оказаться очень полезными. И в то же время они сбивали с толку. Все мелкие повседневные шумы стали усиливаться. Из коридора он слышал болтовню сменяющихся санитарок и разговор Брэда с Фрилингом. Ушами, которые его матушка заботливо взрастила в своем чреве, он не услышал бы даже шороха, а сейчас четко различал слова:

— …под местным обезболиванием, но я не хочу. Я хочу его просто выключить. Он и так пережил достаточно потрясений.

Это был Фрилинг, он обращался к Брэду.

Свет тоже стал ярче, чем прежде. Роджер попробовал уменьшить чувствительность зрения, но ничего не получилось. Честно говоря, подумал он, хватило бы и одного елочного фонарика. Такая лампочка — это все, что нужно, а от этих, заливающих все вокруг яркими потоками, только в глазах мельтешит. И потом, они так пульсируют, что с ума можно сойти. Он различал каждый импульс переменного тока частотой шестьдесят герц. Внутри флуоресцентных ламп был виден светящийся газовый пучок, бьющийся, как змея. Зато лампы накаливания были почти темными, кроме яркой нити в середине, которую он мог разглядывать во всех подробностях. При этом не чувствовалось ни малейшего напряжения глаз, даже если смотреть на самую яркую лампочку.

Он услыхал в коридоре новый голос, и навострил уши. Клара Блай, только что явилась на ночное дежурство.

— Как наш пациент, доктор Фрилинг?

— В порядке. Кажется неплохо отдохнувшим. Вчера вечером обошлось без снотворного?

— Да. Он себя прекрасно чувствовал. Даже, — тут она хихикнула, — даже слишком. Даже пробовал со мной заигрывать… никогда бы не

подумала.

— Угу, — озадаченная пауза. — Ну, с этим проблем больше не будет. Пойду проверю показания датчиков. Присмотри тут.

Роджер подумал, что теперь должен быть особенно любезен с Кларой. Это будет не так уж и трудно — она была его самой любимой санитаркой. Он лежал на спине, вслушиваясь в шелест своих черных крыльев и ритмичное урчание стойки с телеметрией. Он порядком устал. С каким бы удовольствием он сейчас уснул…

И вскочил от неожиданности. Свет погас! И тут же зажегся вновь, как только он понял, что света нет.

Он научился закрывать глаза!

Роджер обрадованно улегся обратно, на ласково заколыхавшуюся кровать. Это верно. Он действительно учится.

Его разбудили, накормили, а потом усыпили для последней операции. Без наркоза.

— Мы просто тебя выключим, — объяснил Джон Фрилинг. — Ты даже не почувствуешь.

И действительно, он ничего не почувствовал. Сначала его вкатили в соседнюю комнату, операционную с капельницами, трубочками, дренажом и тому подобным. Запаха дезинфек-

танта не чувствовалось, но Роджер знал, что этот запах есть; он видел свет, отражающийся от граней каждого металлического предмета, видел тепло стерилизатора, казавшееся солнечным бликом на стене.

А потом доктор Фрилинг попросил выключить его, и мы выключили. Один за одним мы ослабляли его сенсорные сигналы. Ему казалось, что свет тускнеет, звуки тихнут, прикосновения к коже становятся нежнее и незаметнее. Мы подавили болевые ощущения по всей его новой коже, полностью отключив их там, где пройдет скальпель Фрилинга, или воткнется игла. Это была довольно сложная проблема. Когда он придет в себя, у него должно остаться достаточно много болевых окончаний. Когда он окажется на поверхности Марса, у него должна быть какая-то предупредительная система, которая просигнализировала бы об ожоге, о полученной ране или аварии. Боль была лучшим сигналом тревоги, который мы могли ему дать. Но для значительной части его тела боль осталась в прошлом. Однажды отключенные нервы полностью исключались из его системы чувств.

Конечно, сам Роджер не знал обо всем этом. Он просто уснул, а потом снова проснулся.

Поднял глаза и заорал.

Фрилинг устало потягивался и разминал пальцы. Услышав вопль, он чуть не подскочил и выронил маску.

— Что такое?

— О Господи! Я только что увидел… сам не знаю. Может быть, это был сон? Я видел всех вас вокруг меня, глядящих сверху вниз, и вы были похожи на банду привидений. Скелеты. Черепа. Улыбались и скалили зубы! А потом вы снова стали сами собой.

Фрилинг посмотрел на Вейднера и пожал плечами.

— По-моему, это твой медиатор в действии. Понимаешь? Он преобразует то, что ты видишь, в то, что ты сразу можешь понять.

— Мне это не нравится, — сердито ответил Роджер.

— Мы поговорим с Брэдом. Но честно говоря, Роджер, я думаю, так оно и должно быть. Думаю, что компьютер принял твои ощущения испуга и боли, ну, знаешь, то, что каждый испытывает во время операции, и наложил это на зрительные сигналы: наши лица, маски, все вместе. Это очень интересно. И вот что меня еще интересует: что из этого — результат промежуточной обработки, а

что — обычный послеоперационный бред?

— Я очень рад, что тебя это интересует, — надулся Роджер.

Но правду сказать, ему тоже было интересно. Снова оказавшись в своей комнате, он дал волю воображению. Оказалось, что вызывать фантастические картины по заказу он еще не умеет. Они появлялись, когда им того хотелось, но уже не такие пугающие, как то первое, жуткое мимолетное видение голых челюстей и пустых глазниц. Появилась Клара с судном в руках, он отрицательно махнул рукой, и она вышла. Когда она исчезала за дверью, тень двери вдруг превратилась в устье пещеры, а сама Клара — в пещерного медведя, сердито ворчащего на Роджера. Он все еще немного рассержена, понял он. Какой-то инфракрасный оттенок ее лица был принят его органами чувств, проанализирован урчащим внизу 3070-м, и показан, как предостережение.

Зато в следующий раз у нее оказалось лицо Дори. Лицо тут же расплылось, и вместо него вновь возникла знакомая темная кожа и светлые глаза, вовсе непохожие на глаза Дори, но Роджер принял это, как знак — между ними все снова в порядке…

Между ним и Кларой.

Нет, подумал он, между ним и Дори. Он покосился на телефон у кровати. По его просьбе видеокамера была отключена: он опасался, что позвонит кому-нибудь, позабыв, что его могут увидеть. И все равно ни разу не взялся за телефон, чтобы позвонить Дори. Довольно часто он тянулся к трубке и всякий раз отдергивал руку обратно.

Он не знал, что ей сказать.

Как спросить у собственной жены, а не спит ли она с твоим лучшим другом? Просто и откровенно спросить, подсказывал Роджеру внутренний голос. Он так и не смог заставить себя сделать это. Не было достаточной уверенности. С такими обвинениями не шутят — ведь он мог и ошибаться.

Весь фокус в том, что он не мог даже посоветоваться с друзьями, ни с кем из них. Так просто было бы спросить совета у Дона Каймана; в конце концов, это обязанность священника. Но Дон Кайман был так явно, так мило и так нежно влюблен в свою симпатичную монашку, что у Роджера просто не хватало духу говорить с ним об измене.

Что до остальных приятелей… проблема была в том, что они и вовсе не поняли бы, в чем

проблема. «Открытый» брак был настолько распространен в Тонке — как, впрочем, и во всем западном мире — что предметом сплетен становились скорее тесные супружеские пары. Признаться в ревности было нелегко.

И потом, одернул себя Торравэй, дело совсем не в ревности… или не совсем в ревности. Речь шла о другом. Никакого сицилийского machismo, никакой ярости самца-собственника, обнаружившего, что ктото перелез через забор и вторгся в его райские кущи. Речь шла о том, что Дори должна желать только его любви. Потому что он любит только ее…

Тут он сообразил, что понемногу скатывается в такое настроение, что телеметрия вот-вот разразится сигналами тревоги. Этого ему не хотелось, и он решительно увел мысли прочь от своей жены.

Он немного потренировался открывать и закрывать глаза. Овладение этим новым искусством придавало уверенности в себе. Как именно это происходит, он понимал ничуть не лучше Вилли Хартнетта, и все же, когда ему хотелось отключить зрительные сигналы, электронные схемы в голове и внизу, в 3070-м, могли превратить это желание в реальность. Он мог даже

выборочно ослаблять свет, или делать его ярче. Оказалось, он мог отфильтровать весь спектр световых волн, оставив только выбранную полосу пропускания, или наоборот, или сделать любой из цветов ярче или темнее остальных.

Это действительно придавало уверенность, хотя вскоре наскучило. Хорошо бы, чтоб сегодня был обед, с тоской подумал он. Но обеда сегодня не предвиделось, во-первых, из-за операции, во-вторых, его вообще постепенно отучали от еды. В следующие недели ему придется пить и есть все меньше и меньше; к тому времени, когда он окажется на Марсе, ему вообще потребуется не больше одного завтрака в месяц.

Он откинул простыню в сторону и рассеянно окинул взглядом артефакт, которым стало его тело.

А секунду спустя испустил пронзительный, хриплый вопль боли и ужаса. Телеметрия полыхнула ослепительным красным. Клару Блай вопль застиг в коридоре, она крутнулась на пятке и, сломя голову, понеслась к его палате. В холостяцкой квартирке Брэда сигнал опасности взвыл на долю секунды позднее, вырвав его из тревожного, усталого сна известием о чем-то неотложном и серьезном.

Распахнув двери, Клара Блай увидела Роджера, с плачущим воем скорчившегося на кровати, как младенец в утробе. Рука, просунутая между крепко сжатыми ногами, прикрывала пах.

— Роджер! Что случилось?!

Голова поднялась, и стрекозиные глаза слепо уставились на нее. Роджер не ответил ни слова. Он просто убрал ладонь.

Там, у него между ног, не было ничего. Ни члена, ни яиц, ни мошонки. Ничего, кроме лоснящейся искусственной плоти и прозрачной повязки, прикрывающей швы. Словно ничего и не было. На месте внешних признаков мужского пола… полная пустота. Пустячная операция, «последний штрих», после которого не осталось ничего.

Глава 9. ДЭШ У ЛОЖА БОЛЬНОГО

Момент был выбран неудачный, но у Дона Каймана не было выбора: он обязан был заглянуть к портному. К несчастью, ателье находилось довольно далеко, на Меррит Айленд, штат Флорида, в Атлантическом Испытательном Центре.

Он садился в самолет мрачный, и вышел мрачный. Тревожило его не только случившееся с Роджером Торравэем — с этим они, слава Богу, справились, хотя Кайман никак не мог избавиться от ощущения, что они чуть не потеряли Роджера. Кто-то серьезно оплошал, не подготовив его к этой «чисто косметической» операции. Вероятно, потому, что Брэд заболел, подумал он милосердно. И все равно, они были в шаге от того, чтобы провалить всю программу.

А еще Кайман беспокоился вот почему: его не покидало тайное чувство вины, осознание — в глубине души он хотел именно этого. Он хотел, чтобы программа провалилась. У него уже был тяжелый разговор с тихо плачущей сестрой Клотильдой, когда вероятный полет на Марс обрел неизбежность приказа. Они поженятся? Нет. Нет,

и на то были вполне земные причины. Не было никакого сомнения: испросив у Рима разрешения от обетов, они получат его, но разрешение придет не раньше, чем через полгода, и в этом тоже можно было не сомневаться.

Эх, если бы они подали прошение пораньше…

Но они не подали. Оба понимали, что без этого разрешения никакой свадьбы не будет. Без таинства брака они даже не прикоснутся друг к другу.

— По крайней мере, — всхлипнула Клотильда, стараясь выдавить улыбку, когда они расставались, — по крайней мере, тебе не придется волноваться насчет моей неверности. Уж если я не нарушила моих обетов ради тебя, я вряд ли нарушу их ради другого.

— Я не волнуюсь, — ответил он тогда. Сейчас, под сияющим синевой небом Флориды, под антенными мачтами, тянущимися к пышным белым облакам, сейчас он все-таки волновался. Армейский полковник, вызвавшийся показать ему центр, видел, что Каймана что-то гнетет, но никак не мог сообразить, в чем дело.

— Это совершенно безопасно, — выстрелил он наугад. — На вашем месте я нисколько не сомневался бы насчет низкой орбиты.

Кайман оторвался от личных переживаний.

— Уверяю вас, я тоже не сомневаюсь, тем более, что даже не знаю, о чем идет речь.

— Ох. Ну, дело в том, что мы выведем вашу птичку и два других корабля на более низкую орбиту, чем обычно. Двести двадцать километров вместо четырехсот. Причины чисто политические. Терпеть не могу, когда эти чинуши командуют, что нам делать, но в этом случае особой разницы и в самом деле нет.

Кайман глянул на часы. Прежде чем возвращаться на последнюю примерку марсианского скафандра, нужно было убить еще целый час, и ему меньше всего хотелось проводить это время в тягостных раздумьях. Он безошибочно угадал в полковнике одного из тех счастливчиков, которых хлебом не корми, дай поговорить о своей работе. Оставалось только время от времени понимающе хмыкать, чтобы полковник не углублялся в слишком долгие объяснения. Кайман понимающе хмыкнул.

— Видите ли, отец Кайман, — увлеченно начал полковник, — у вас будет большой корабль. Слишком большой, чтобы запустить его одной ракетой. Поэтому мы запускаем три птички, и вы состыкуетесь на орбите — двести двадцать на двести тридцать пять, оптимальная орбита, и

я думаю, что мы уложимся в средства… а кроме того…

Кайман кивал, не особенно прислушиваясь к словам. Он и так назубок знал план полета — это входило в полученный им приказ. Единственным неясным вопросом оставалось, кто займет в марсианском корабле оставшиеся два места, но и это решится в ближайшие дни. Один должен быть пилотом, он останется на орбите, когда остальные трое втиснутся в посадочный аппарат и опустятся на поверхность Марса. Четвертым членом экипажа в идеале был бы человек, который мог бы в случае необходимости подменить и пилота, и ареолога, и киборга — увы, такого человека в природе не существовало. А время уже поджимало. Трое людей — трое неизмененных людей, поправился он — будут лишены способности Роджера гулять по Марсу без скафандра. Им придется пройти через такую же примерку, как и Кайману, а потом будут еще заключительные тренировки, которые пригодятся всем, даже Роджеру.

А до старта оставалось только тридцать три дня.

Полковник тем временем закончил с маневрами сближения и стыковки, и подбирался к

графику событий на всем долгом пути к Марсу.

— Минуточку, полковник, — перебил его Кайман. — Я не совсем понял ваше замечание насчет политических причин. Какое это имеет отношение к нашему старту?

— Да эти чертовы экологи, — презрительно буркнул полковник. — Снова подняли шум. Наши носители, «Тексас Твин», это мощные машины. Тяга в двадцать раз больше, чем у «Сатурна». Ну, и выхлоп, конечно, приличный. Что-то около двадцати пяти тонн водного пара в секунду, умножим на три птички — в общем, очень много водного пара. И вроде бы существует возможность — нет, скажу честно, так оно и есть — этот чертов, прошу прощения, святой отец, этот водяной пар на высоте нормальной орбиты свяжет свободные электроны на довольно большом участке неба. Это обнаружили еще давно, сейчас, секундочку, помоему, еще в семьдесят третьем или семьдесят четвертом, когда запустили первый «Спэйслэб». Когда померили, оказалось, что свободные электроны вышибло на участке атмосферы от Иллинойса до Лабрадора. Кстати, как раз это защищает вас от солнечных ожогов. Среди всего прочего. Они поглощают ультрафиолет от Солнца. Конечно, рак кожи, солнечные ожоги,

уничтожение фауны — все это реально, все это может случиться! Но сейчас-то президент даже не о нас печется! ННА, вот кто его достает. Предъявили ему ультиматум, что если наш запуск нарушит их атмосферу, они будут расценивать это, как «враждебный акт». Враждебный акт! А как это называется, когда пять ядерных подлодок фигуряют вокруг Кейп Мэй, Нью-Джерси? Говорят, что это океанографические суда, но кто использует ударные подлодки в океанографии, кто угодно, только не наш флот, и в любом случае…

— И в любом случае, — полковник наконец-то вспомнил о собеседнике и смущенно улыбнулся, — ничего страшного. Мы просто выведем вас на орбиту стыковки чуть ниже слоя свободных электронов. Потратим больше топлива, и в конечном итоге это кончится еще большим загрязнением, так мне кажется. Но их драгоценные электрончики останутся целы и невредимы — это если они дотянут через Атлантику до Африки, не говоря уже об Азии…

— Это было очень интересно, полковник, — вежливо перебил Кайман. — Но мне, к сожалению, уже пора возвращаться.

Его ждали.

— Ну-ка, примерьте, — усмехнулся физиоте-

рапевт.

«Примеривание» занимало двадцать минут усердной работы, даже если помогала вся команда. Кайман настоял на том, чтобы сделать все самому. В космическом корабле ему смогут помочь только члены экипажа, которые и так будут заняты своими делами, а в аварийной ситуации помощи не будет вовсе никакой. Он хотел быть готовым к любой аварийной ситуации. На одевание ушел час, и еще десять минут на то, чтобы выбраться из скафандра, после того, как проверили все параметры и убедились, что все в норме. А после этого надо было еще померить все остальные костюмы.

Когда он закончил с этим, снаружи уже наступила теплая осенняя ночь Флориды. Он глянул на свои облачения, разложенные на столах, и усмехнулся. Указав на полоску антенны связи, свисавшую с манжета, на противорадиационный плащ, защищающий при солнечных вспышках, на белье, которое он будет носить под всеми этими костюмами, заметил хозяевам:

— Вы меня неплохо снарядили. Тут и орарь, и риза, и стихарь. Еще немного, и я смело смогу отслужить мессу.

На самом деле он уже включил в свой личный

резерв веса полное облачение священнослужителя, серьезно потеснившее книги, музыкальные кассеты и фотографии сестры Клотильды. Но говорить об этом с мирянами он не собирался.

— Где тут у вас можно перекусить? Бифштекс или эти красные люцианы, которых вы так расхваливаете? А потом спать…

Тут вперед шагнул ЭмПи,[3] который уже два часа подпирал стену, то и дело посматривая на часы.

— Прошу прощения, святой отец, — сказал он. — Вас ждут в другом месте, и вы должны прибыть туда через, ээ, через двадцать минут.

— В каком еще месте? Мне завтра лететь…

— Прошу прощения, сэр. Мне приказано доставить вас на авиабазу Патрик, в административный корпус. Думаю, что там вам объяснят, в чем дело.

— Капрал, — расправил плечи священник. — Я не подлежу вашей юрисдикции. И советую сначала объяснить, что вы от меня хотите.

— Нет, сэр, — послушно согласился ЭмПи. — Не подлежите, сэр. Но мне приказано доставить вас, и со всем должным уважением, сэр, я выполню

---

[3] Примечания: 3

МР, читается «ЭмПи», сокращение от Military Police (Военная полиция)

этот приказ.

Физиотерапевт тронул Каймана за плечо.

— Ступай, Дон, — усмехнулся он. — Мне кажется, что ты и так заносишься очень высоко.

Поворчав, Кайман позволил проводить себя к джипу на воздушной подушке. Водитель спешил. Даже не глядя в сторону дороги, он сразу направил машину к океану, примерился и проскочил полосу прибоя между двумя волнами. Потом он повернул на юг и дал полный газ, через десять секунд они уже летели минимум на ста пятидесяти километрах в час. Даже на полной тяге подъемных двигателей, в трех метрах над средним уровнем воды, пляшущие внизу волны так раскачивали и дергали машину, что Кайман мгновенно начал сглатывать слюну и озираться в поисках гигиенического пакетика на случай весьма вероятной необходимости. Он попробовал упросить капрала сбросить газ. «Прошу прощения, сэр». Кажется, это было его любимое выражение.

Они успели добраться до базы Патрик прежде, чем Каймана действительно стошнило, а оказавшись над сушей, водитель сбавил скорость до разумного. Кайман еле выбрался наружу, и жадно вдыхал влажный, свежий ночной воздух, пока

не появились еще двое ЭмПи, извещенные об их прибытии по радио. Козырнув, они проводили его в белое оштукатуренное здание.

Не прошло и десяти минут, как он был раздет догола и обыскан, и только тогда сообразил, что занесся действительно очень высоко.

Самолет президента приземлился на базе Патрик в 4:00. Кайман дремал в шезлонге, прикрыв ноги пледом. Его вежливо потрясли за плечо, разбудили и провели к трапу. Заправщики наполняли баки самолета в удивительной, непривычной тишине. Не было слышно ни разговоров, ни лязга бронзовых штуцеров об алюминиевые горловины, только тихое урчание насосов.

Кто-то очень важный, кажется, спал. Кайман от всей души желал того же. Его усадили в раскладное кресло, пристегнули и оставили в одиночестве. Не успела стюардесса из женской вспомогательной службы выйти, как самолет уже выруливал к взлетной полосе.

Дон попытался заснуть, но камердинер президента разбудил его, когда машина еще набирала высоту.

— Президент ждет вас.

Козлиная бородка президента была аккуратно подстрижена, подбородок вокруг свежевыбрит.

Сейчас президент Дешатен напоминал собственный портрет кисти Джильберта Стюарта. Он полулежал в кресле с кожаной обивкой, уткнувшись невидящим взглядом в иллюминатор, и слушал через наушники какую-то запись. Рядом с его локтем дымилась полная чашка кофе, а у кофейника ожидала еще одна, пустая. Возле чашки лежала плоская коробочка из красной кожи, с тисненым серебряным крестом на крышке.

Дэш не стал томить его ожиданием. Он оглянулся, улыбнулся и стянул наушники.

— Спасибо, что позволили мне похитить вас, отец Кайман. Присаживайтесь. Если хотите, наливайте кофе.

— Спасибо.

Камердинер молнией метнулся к столику, наполнил чашку и снова занял свое место за спиной Дона Каймана. Кайман не стал оглядываться: он и так знал, что «камердинер» будет следить за каждым его движением, и потому избегал резких движений.

— За последние сорок восемь часов я пересек столько световых зон, — начал президент, — что уже забыл, на что похож настоящий мир. Мюнхен, Бейрут, Рим… Я залетел в Рим за Верном Скэньоном, и там узнал о беде с Роджером. Это

меня порядком напугало, святой отец. Вы ведь чуть не потеряли его, а?

— Я ареолог, господин президент. Я не могу отвечать за это.

— Бросьте, святой отец. Я не ищу козла отпущения, если до этого дойдет, их и так хватит. Я просто хочу знать, что произошло.

— Уверен, что генерал Скэньон мог бы рассказать вам куда больше, чем я, господин президент, — сухо ответил Кайман.

— Если бы я решил остановиться на версии Скэньона, — терпеливо сказал президент, — я не останавливался бы, чтобы подобрать вас. Вы были там. А он — нет. Он был в Риме, на этой конференции «Мир В Небеси», в Ватикане.

Кайман торопливо отхлебнул кофе.

— Да, мы были на волоске. Я думаю, его не полностью информировали о том, что произойдет. Была эпидемия гриппа, и у нас не хватало сотрудников. И Брэда не было на месте.

— Уже не в первый раз, — заметил президент.

Кайман пожал плечами и не стал развивать эту тему.

— Его кастрировали, господин президент. То, что султаны называли совершенной кастрацией, член и все остальное. Ему они больше не понадо-

бятся: сейчас он потребляет так мало пищи, что для выделения вполне хватает и заднего прохода, так что половые органы стали просто слабым местом в конструкции. И речи не могло быть о том, чтобы оставить их, господин президент.

— А как насчет этой — как ее — простатэктомии? Это что, тоже было слабым местом?

— Об этом вам в самом деле лучше спросить у кого-нибудь из врачей, господин президент.

— Я спрашиваю у тебя. Скэньон говорил что-то насчет «папской болезни», так что это должно быть тебе знакомо.

Кайман улыбнулся.

— Это старое выражение, еще с тех времен, когда духовенство сохраняло целомудрие. Да, я могу вам кое-что рассказать, в семинарии мы немало говорили об этом. Простата выделяет жидкость — немного, всего несколько капель в день. Если у мужчины не бывает эякуляций, то эта жидкость просто выводится вместе с мочой. Но если он сексуально возбудится, то жидкости выделяется больше, и выводится она не вся. Она накапливается, и этот застой приводит к воспалению.

— Значит, ему вырезали простату.

— И имплантировали стероидную капсулу, господин президент. Поэтому превратиться в

женщину ему не грозит. Физически он сейчас завершенный и автономный евнух — я хочу сказать, система.

— Это называется фрейдовской оговоркой, — кивнул президент.

Кайман пожал плечами.

— Если даже вы так думаете, — повысил голос президент, — то как, черт возьми, по-вашему, должен чувствовать себя сам Торравэй?

— Я понимаю, что ему нелегко, господин президент.

— Насколько я знаю, — продолжал президент, — вы не только ареолог, Дон, вы еще и консультант по вопросам брака. И получается это у вас не очень хорошо, верно? Его блядовитая женушка дает нашему мальчику прикурить.

— У Дори множество проблем.

— У Дори одна проблема. Та же, что и у всех нас. Она к такой-то маме валит нашу программу, а мы не можем допустить, чтобы это случилось. Ты можешь прочистить ей мозги?

— Нет.

— Брось, Дон, я не хочу сказать — превратить ее в идеальную жену! Я имею в виду — ты можешь устроить, чтобы она хоть немного успокоила его, чтобы у него хотя бы не было больше таких

приступов? Пусть передаст ему привет, пусть пообещает, что будет ждать, пусть пошлет валентинку, когда он будет на Марсе! Бог свидетель, Торравэй и не ждет большего. Но уж на это у него есть право.

— Я могу попытаться, — безнадежно ответил Кайман.

— А я переговорю с Брэдом, — мрачно добавил президент. — Я ведь говорил, я всем вам говорил: проект должен сработать. И мне плевать, что у кого-то не варит башка, а у кого-то чешется передок. Я хочу, чтобы Торравэй был на Марсе, и я хочу, чтобы он был там счастлив.

Самолет лег на крыло, меняя курс, чтобы обогнуть движение над НьюОрлеаном, и в иллюминаторе сверкнули первые лучи солнца, отразившиеся от маслянисто-гладких вод Мексиканского залива. Президент с раздражением прищурился.

— И вот что я тебе еще скажу, отец Кайман. Мне кажется, что Роджеру будет лучше оплакивать гибель своей жены в автомобильной катастрофе, чем думать, чем она занимается, когда мужа нету дома. Мне не хочется так думать, Кайман, но выбор у меня невелик, и я должен выбрать наименьшее зло.

— А сейчас, — президент неожиданно усмехнулся, — у меня есть для тебя кое-что от Его Святейшества. В подарок, взгляни-ка.

Кайман удивленно приоткрыл красную коробочку. Внутри кожаного футляра, на пурпурном бархате свернулись четки. Аве Мария были в форме розовых бутончиков из слоновой кости, Патер Ностеры — из резного хрусталя.

— У них интересная история, — продолжал президент. — Их прислали Игнатию Лойоле из одной миссии в Японии, а потом они провели двести лет в Южной Америке, в — как это называется? — парагвайских редукциях? В общем-то, это музейный экспонат, но Его Святейшество просил передать их тебе.

— Я…я… не знаю, что сказать, — выдавил Кайман.

— И с ними его благословение, — президент откинулся в кресле и както вдруг постарел. — Молитесь, святой отец. Я не католик, и не знаю, как вы относитесь к этим вещам. Но я хочу, чтобы вы помолились за Дори Торравэй. Чтобы вправить ей мозги, чтобы она помогла мужу продержаться еще немного. А если не получится, тогда вам придется молить Бога за всех за нас.

Вернувшись из президентского салона, Кайман

пристегнулся в кресле и заставил себя проспать час, остававшийся до Тонки. Усталость взяла верх над беспокойством, и он быстро задремал. Беспокоился не только он. Мы неправильно оценили величину травмы Торравэя, связанную с потерей гениталий, и чуть не потеряли его.

Сбой был критический. Мы не могли рисковать так еще раз. Мы уже организовали Роджеру усиленную психиатрическую поддержку, а схемы ранцевого компьютера в Рочестере были изменены, чтобы следить за серьезными психическими нагрузками и реагировать прежде, чем более медленные человеческие синапсы Роджера забьются в конвульсиях.

Положение в мире развивалось согласно прогнозам. В Нью-Йорке, как обычно, бунтовали, напряжение на Ближнем Востоке достигло такой точки, что не выдерживали никакие предохранители, а Новая Народная Азия разразилась потоком нот протеста против истребления каракатиц на Тихом Океане. Планета быстро приближалась к критической массе, и по нашим прогнозам, уже через два года будущее человеческой расы на Земле оказывалось под вопросом. Мы не могли допустить этого. Марсианская экспедиция обязана была увенчаться успехом.

Когда Роджер пришел в себя после припадка, он не осознавал, насколько был близок к смерти. Он только знал, что поражен, поражен в самое болезненное и уязвимое место. Это было опустошение, абсолютное и безнадежное. Он не просто потерял Дори. Он перестал быть мужчиной. Боль была слишком сильной, чтобы унять ее рыданиями. Даже если бы он мог плакать. Боль была такой, словно один за другим рвали зубы без анестезии, настолько острой, что это был уже не сигнал тревоги, а часть окружающего мира, с которой оставалось только смириться и терпеть.

Дверь открылась, и вошла незнакомая медсестра.

— Привет. Я вижу, вы уже проснулись.

Она подошла к постели и потрогала его лоб теплыми пальцами.

— Меня зовут Сьюли Карпентер. На самом деле Сюзан Ли, но все зовут меня Сьюли.

Убрала руку и улыбнулась.

— Вы, наверное, думаете: «Делать ей нечего, проверять температуру рукой», верно? Я и так видела ее на мониторе, но уж такая я, должно быть, старомодная девушка.

Торравэй едва ли слышал, что она говорила. Он смотрел на нее, и был целиком поглощен

этим занятием. Уж не промежуточная ли система сыграла с ним шутку? Высокая, зеленоглазая, темноволосая… она была так похожа на Дори, что он невольно стал менять режим зрения своих стрекозиных глаз. Включил увеличение, так что на ее коже, покрытой еле заметными веснушками, стали видны мельчайшие поры, поменял цветовые индексы, снизил чувствительность, и ее лицо покрыла сумеречная тень. Не помогло. Она все равно была похожа на Дори.

Медсестра оглядела дублирующие мониторы у стены.

— И в самом деле неплохо, полковник, — заметила она через плечо. — Сейчас принесу завтрак. Чего-нибудь еще хотите?

Роджер стряхнул оцепенение и сел.

— Чего уж тут хотеть, — с горечью ответил он.

— Что вы, полковник! — в ее глазах мелькнуло потрясение. — Я хотела… простите, ради Бога, я не имею никакого права говорить с вами таким тоном, но уж если и есть кто-то, кто может получить все, что захочет, так это вы!

— Хотелось бы мне думать так же, — проворчал он, не сводя с нее пристального и заинтересованного взгляда. Он что-то чувствовал, он еще не мог определить, что именно, но во всяком случае,

уже не боль, оглушавшую всего несколько минут назад.

Сьюли Карпентер глянула на свои часики и пододвинула себе стул.

— Кажется, у вас не очень бодрое настроение, полковник, — заметила она сочувственно. — Должно быть, перенести все это очень нелегко.

Он отвел глаза вверх. Большие черные крылья подрагивали над головой.

— Да, в этом есть и свои минусы. Еще бы. Но я знал, на что иду.

Сьюли кивнула.

— Когда мой… мой друг умер, мне тоже было очень непросто. Конечно, не сравнить с тем, каково приходится вам… но в некотором смысле еще хуже — понимаете, это было так бессмысленно. Кажется, еще вчера мы собирались пожениться, и все было так здорово… а потом он вернулся от врача, и оказалось, что эти его головные боли… — она глубоко вздохнула. — Опухоль мозга. Злокачественная. Три месяца спустя он умер, и я просто не могла смириться с этим. Не могла даже оставаться в Окленде. Поэтому я подала рапорт о переводе сюда. Даже не думала, что его удовлетворят, наверное, из-за этого гриппа здесь все еще не хватает рук.

— Мне очень жаль, — торопливо сказал Роджер.

— Да нет, все в порядке, — усмехнулась она. — Просто в моей жизни возникла огромная пустота, и я только рада, что могу ее хоть как-то заполнить.

Она снова глянула на часы и вскочила.

— Ой, старшая сестра мне голову оторвет. Нет, в самом деле, может быть, вам действительно чего-нибудь принести? Книги, музыку? Сами понимаете, в вашем распоряжении весь мир, включая и меня.

— Да нет, ничего не надо, — честно ответил Роджер. — Все равно спасибо. А за какие заслуги вас сюда взяли?

Она задумчиво посмотрела на него, и уголки ее губ еле заметно вздернулись.

— Ну, я кое-что знала об этой программе. В Калифорнии я лет десять занималась аэрокосмической медициной. И я знала, кто вы такой, полковник Торравэй. Знала! Да у меня даже висела ваша фотография на стене, когда вы спасали тех русских. Вы бы и не поверили, какую активную роль вы играли кое в чьих девичьих мечтах, полковник Торравэй, сэр.

Она усмехнулась и шагнула к дверям. У порога

приостановилась.

— А можно вас кое о чем попросить? Так, пустяк.

— Конечно, — удивился Роджер. — О чем?

— Нуу, я хотела бы иметь более свежую фотокарточку. Сами знаете, какая здесь охрана. Если я смогу пронести камеру, можно будет вас щелкнуть? Чтобы было что показать внукам, если они у меня будут.

— Они тебя расстреляют, если поймают, Сьюли, — возразил Роджер.

— А я рискну. Оно того стоит. Спасибо.

Когда она ушла, Роджеру пришлось сделать усилие, чтобы вернуться к мыслям о своей кастрации и о своих рогах. Почему-то это показалось ему не таким уж ошеломительным, как раньше. Да и задумываться об этом не было времени. Сьюли принесла ему завтрак (с пониженным содержанием шлаков), улыбку и обещание заглянуть завтра, потом Клара Блай поставила ему клизму, а потом он с интересом смотрел, как трое одинаковых мужчин со светлыми усами дюйм за дюймом обшаривают пол, потолок и мебель детекторами металла и какими-то электронными метелками. Когда вошел Брэд, троица незнакомцев уселась на специально принесенные стулья,

и в полном молчании принялась наблюдать.

Брэд выглядел не просто простуженным, а серьезно встревоженным.

— Привет, Роджер, — начал он. — О Господи, ну и перепугал же ты нас. Это моя вина. Мне нужно было быть здесь, если бы не этот проклятый грипп…

— Я выжил, — ответил Роджер, разглядывая обыденное лицо Брэда, и удивляясь, почему он не чувствует ни гнева, ни отвращения.

— Теперь мы тебе скучать не дадим, — продолжал Брэд, подтаскивая стул. — Мы временно отключили некоторые из схем медиатора. Когда их снова включат, нам придется ограничивать твои сенсорные вводы, чтобы ты осваивался с окружающим постепенно. Кэтлин уже не терпится взяться с тобой за реабилитацию — ну, научить тебя пользоваться своей мускулатурой, и тому подобное.

Он оглянулся на трех молчаливых наблюдателей. Роджеру показалось, что он чем-то здорово перепуган.

— Я думаю, что я готов, — ответил он.

— Конечно, я знаю, что готов, — с удивлением ответил Брэд. — Тебе не показывали твои последние показатели? Ты работаешь, как часы о

семнадцати камнях, Роджер. С операциями покончено. У тебя есть все, что нужно.

Он отодвинулся, разглядывая Роджера.

— Если можно так выразиться, — усмехнулся он, — ты — произведение искусства, Роджер. А я твой художник. Как хотелось бы посмотреть на тебя на Марсе. Твое место там, парень.

Один из наблюдателей многозначительно кашлянул.

— Время, доктор Брэдли, — заметил он.

К Брэду вернулось испуганное выражение лица.

— Да, да, я уже ухожу. Ну, держись, Роджер. Я сегодня еще зайду.

Он ушел, и трое агентов последовало за ним. В палату вошла Клара Блай и торопливо принялась наводить блеск.

Тайна неожиданно прояснилась.

— Со мной хочет увидеться Дэш? — высказал свою догадку Роджер.

— Умник! — фыркнула Клара. — Да, наверное, тебе это можно знать. А вот мне это знать не положено. Они думают, это секрет. Какие там секреты, когда весь госпиталь стоит на голове? Когда я пришла на дежурство, эти орлы уже шныряли повсюду.

— А когда он приедет? — поинтересовался Роджер.

— Только это еще и остается в тайне. Для меня, во всяком случае.

Тайной это оставалось недолго: где-то через час, под неслышные, но весьма выразительные звуки фанфар в палату вошел президент Соединенных Штатов. За ним следовал тот самый камердинер, который сопровождал его в президентском самолете. На этот раз он был уже не камердинером, а самым обыкновенным телохранителем.

— Очень рад снова тебя видеть, — начал президент, протянув руку. Ему еще не доводилось встречаться с отредактированным и дополненным изданием астронавта, и конечно, тускло поблескивающая кожа, большие фасетчатые глаза и нависшие над головой крылья могли показаться отталкивающими. Но натренированное лицо президента выражало только дружелюбие и радость.

— Я тут по пути остановился заглянуть к твоей женушке, Дори. Надеюсь, она уже не сердится за испорченный маникюр, месяц назад. Хотел спросить, но забыл. А ты как себя чувствуешь?

А Роджер чувствовал, что снова потрясен информированностью президента. Но вслух он

ответил только:

— Отлично, господин президент.

Президент, не оглядываясь, качнул головой в сторону телохранителя.

— Джон, где там у тебя посылочка для полковника Торравэя? Дори просила кое-что тебе передать, вот, потом посмотришь.

Телохранитель положил на тумбочку у кровати белый бумажный пакет, другой рукой одновременно подвинув президенту стул, как раз, когда тот стал садиться.

— Роджер, — начал президент, проглаживая стрелки на своих бермудах. — Думаю, что с тобой я могу говорить откровенно. Ты — все, что у нас есть, и ты нам нужен. Прогнозы все хуже с каждым днем. Азиаты напрашиваются на неприятности, и не знаю, на сколько еще у меня хватит с ними терпения. Мы должны доставить тебя на Марс, и ты должен быть в полном порядке, когда попадешь туда. Я не могу даже высказать, как это важно.

— Я понимаю вас, сэр, — ответил Роджер.

— Да, должно быть, ты это понимаешь. Но чувствуешь ли ты это нутром? До конца ли ты понимаешь, что ты тот самый, единственный человек нашего времени, так или иначе оказавшийся

настолько важным для всего человечества, что все остальное, все, что может с тобой случиться, не должно играть для тебя никакой роли? Вот кем ты стал сейчас, Роджер. Да, я знаю, — скорбно продолжал президент, — они бесцеремонно пожертвовали многими членами твоего тела. Не дав тебе возможности сказать ни да, ни нет. Даже не поставив тебя в известность. Так дерьмово нельзя относиться к людям, а тем более к тем, кто так много значит для нас, как ты — и кто заслуживает этого так же, как ты. Я уже надрал тут с десяток задниц, и с удовольствием надеру еще. Если хочешь, только скажи. Уж лучше это сделаю я — а то с этими стальными ручищами ты, чего доброго, своротишь симпатичную задницу какой-нибудь из медсестер так, что назад уже не приставить. Ничего, если я закурю?

— Что? О, нет, конечно, господин президент.

— Спасибо.

Президент не успел протянуть руку, как телохранитель оказался рядом, с открытым портсигаром и горящей зажигалкой наготове. Дэш глубоко затянулся и откинулся на спинку.

— Роджер, хочешь, я скажу тебе, о чем ты, по-моему, сейчас думаешь? Ты думаешь: «Дэш, старый хрыч, политикан до мозга костей, пудрит

мне мозги, и обещает золотые горы, чтоб только я потаскал за него каштаны из огня. Сейчас он готов говорить что угодно, и обещать что угодно. Но все, что ему нужно — это использовать меня». Ну как, гдето рядом?

— Что вы, господин президент! Хотя… есть немного.

Президент кивнул.

— Ты был бы дураком, если бы хоть немного так не думал, — заметил он обыденным тоном. — Так ведь оно и есть, сам знаешь. До определенного предела. Верно, я готов пообещать тебе что угодно, и вообще наврать с три короба, лишь бы только ты добрался до Марса. Но верно и другое — ты держишь всех нас за яйца, Роджер. Ты нам нужен. Надвигается война, и мы должны как-то остановить ее, и это, конечно, полное сумасшествие, но прогнозы показывают — единственное, что может остановить войну, это твоя высадка на Марсе. И не спрашивай меня, откуда я это взял. Я просто повторяю то, что говорят эти технари, а они клянутся, что именно это выдал компьютер.

Крылья Роджера беспокойно задрожали, но он не сводил глаз с президента.

— В общем, — решительно добавил президент, — я назначаю себя твоим подчиненным. Ты

говоришь мне, что тебе нужно, а я уж позабочусь, черт возьми, чтобы это было сделано. Можешь звонить в любое время, днем или ночью. Тебя со мной свяжут. Если я сплю, можешь разбудить меня, если хочешь. Если может подождать, просто передай, что нужно. Из тебя здесь больше не будут строить дурака и решать за твоей спиной. А если такое все же случится, скажи мне и я их укорочу.

— Господи, — с усмешкой сказал он, поднимаясь, — знаешь, что обо мне напишут в учебниках по истории?

> *«Фитц-Джеймс Дешатен, 1943–2026, сорок второй президент Соединенных Штатов. Когда он занимал пост президента, человечество основало первую автономную колонию на другой планете».*

Уж если обо мне и напишут, то напишут именно так, Роджер. И ты — единственный, кто может мне в этом помочь.

— Ну ладно, — и президент направился к двери, — меня ждут на конференции губернаторов в Палм-Спрингс. Они ждали меня уже шесть часов назад, но я подумал, что ты значишь гораздо

больше, чем они. Поцелуй за меня Дори. И звони. Даже если тебе не на что жаловаться, просто позвони и скажи «привет». Когда захочешь.

С этими словами он ушел, оставив обалдевшего астронавта смотреть ему вслед.

Как ни крути, размышлял Роджер, это было действительно великолепное представление, оставившее после себя восхищение и удовлетворение. Даже если отбросить девяносто девять процентов, как полное вранье, оставшееся было в высшей степени приятно.

Открылась дверь и вошла слегка напуганная Сьюли Карпентер. В руках она несла фотографию в рамке.

— Даже не знала, в каком обществе вы обретаетесь. Вот, хотите?

Это была фотография президента, подписанная «*Роджеру — от поклонника. Дэш*».

— Наверно, хочу, — ответил Роджер. — Ее можно повесить?

— Если это фотография Дэша — можно. У них есть самоклеющаяся штучка. Здесь хорошо? — она прижала фото к стене, у двери, и отступила на шаг, полюбоваться. Потом оглянулась, подмигнула и вытащила из кармана фартука плоскую маленькую фотокамеру размером с пачку си-

гарет.

— Улыбнитесь-ка, сейчас вылетит птичка, — с этими словами она щелкнула затвором. — Вы меня не продадите? Ой, мне пора — я сейчас на дежурстве, просто хотелось заглянуть к вам.

Роджер откинулся и скрестил руки на груди. События развивались довольно интересно. Он не забыл душевной боли, хлестнувшей, когда он увидел, что кастрирован, и не выбросил Дори из головы. Но ни то, ни другое больше не воспринималось, как боль. Их заслонили новые, куда более приятные мысли.

Подумав о Дори, он вспомнил о ее подарке и развернул пакет. Внутри оказалась фаянсовая чашечка, расписанная всевозможными фруктами в теплых осенних красках. Открытка гласила: *«В знак моей любви».* И подписано: *Дори.*

Теперь, когда все показатели Торравэя стабилизировались, мы были готовы к запуску медиатора.

На этот раз Роджера обо всем известили заранее. Брэд не отходил от него ни на минуту. Большая часть того, что президент назвал «надрать задницу», пришлась на его долю, так что он ходил присмиревший и старательный. Мы выделили специальную группу для наблюдения

за вводом систем медиатора, и еще одну — для перекачки данных между 3070-м в Тонке и ранцевым компьютером в Рочестере, штат Нью-Йорк. В Техасе и Оклахоме снова начались сбои с подачей электричества, что усложняло машинную обработку данных, а последствия эпидемии гриппа все еще сказывались на человеческой части персонала. Да, нам определенно не хватало рук.

И не только рук. Надежность каждого компонента ранцевого компьютера оценивалась в 99.999999999 процентов, но в компьютере было что-то около 108 компонентов. Конечно, было множество резервных схем, плюс полный набор перекрестных связей, так что даже при отказе трех или четырех основных подсистем Роджер сможет функционировать. Но этого было недостаточно. Анализы показывали: один шанс из десяти, что в течение половины марсианского года может возникнуть критический сбой.

Поэтому было принято решение построить, запустить и вывести на орбиту вокруг Марса полноразмерный 3070, троекратно дублирующий все функции ранцевого компьютера. Конечно, это будет неполноценная замена. Если ранцевый полностью откажет, то Роджер сможет пользоваться орбитальным компьютером только

половину марсианского дня — пока компьютер будет над горизонтом, и пока с ним можно будет связаться по радио. Максимальная задержка сигнала не будет превышать сотой доли секунды, и это было терпимо. Кроме того, Роджеру придется оставаться на открытой местности, или подключаться к внешней антенне.

Была и еще одна причина для резервного орбитального компьютера — высокий риск искажения данных. И орбитальный 3070, и ранцевый компьютер будут надежно защищены. Тем не менее после старта им придется пройти сквозь пояса Ван Аллена, и сквозь солнечный ветер — во время всего полета. Когда они достигнут окрестностей Марса, солнечный ветер ослабнет до такого уровня, что с ним можно будет примириться — кроме случаев солнечных вспышек. Заряженные частицы солнечного ветра легко могут исказить достаточно данных в памяти каждого из компьютеров, чтобы серьезно нарушить их функции. Ранцевый компьютер будет беззащитен перед этим. С другой стороны, 3070 обладал достаточной мощностью, чтобы обеспечить постоянный внутренний мониторинг и восстановление. Когда он будет работать вхолостую — а таких моментов будет много, более

девяноста процентов времени, даже в том случае, когда Роджер будет им пользоваться — данные в каждом из трех массивов памяти будут сравниваться. Если содержание какой-нибудь ячейки памяти будет отличаться от содержания аналогичных ячеек в других массивах, то будет проверена совместимость с соседними данными. Если все данные окажутся совместимыми, то все три массива будут еще раз проверены, и ошибочный бит будет изменен, чтобы совпадать с двумя другими. Если ошибочными окажутся два бита, то, если это возможно, будет сделана сверка и с ранцевым компьютером.

Большей избыточности мы себе позволить не могли, но и этого было немало. В целом мы были удовлетворены.

Конечно, орбитальному 3070 потребуется мощное питание. Мы подсчитали отношение максимальной потребляемой мощности и минимальной возможной мощностью солнечных батарей допустимых размеров, и пришли к выводу, что запас мощности будет слишком мал. Поэтому фирма «Рейтон» получила срочный заказ на одну из моделей их МГД генераторов, а на заводах вдоль шоссе номер 128 взялись за переделку генератора для запуска в космос и

автоматической работы на марсианской орбите. Когда МГД генератор и 3070 выйдут на орбиту, они состыкуются. Генератор станет источником питания для компьютера, а избыток мощности будет передаваться в виде микроволнового излучения на поверхность Марса, где Роджер сможет использовать его для питания механизмов собственного тела, или для любой аппаратуры.

Все расчеты были завершены, и было уже невозможно представить, как мы собирались обойтись без этого раньше. Да, то были счастливые денечки! Мы запрашивали и без единого возражения получали любые подкрепления. Чтобы у нас были необходимые энергетические резервы, в Талсе на два дня в неделю отключали свет, а Лаборатория Реактивного Движения лишилась всех своих специалистов по космической медицине, которые теперь работали для нашей программы.

Ввод данных продолжался. В обоих компьютерах, и ранцевом, на заводе в Рочестере, и в 3070, который был срочно доставлен на Меррит Айленд, выскакивал сбой за сбоем. Но мы обнаруживали эти ошибки, изолировали, исправляли, и работа продолжалась точно по графику.

В окружающем мире дела шли далеко не так

гладко.

С помощью самодельной плутониевой бомбы из материалов, похищенных с промышленного реактора в Кармартен, уэльские националисты разнесли казармы в Гайд Парке и большую часть Найтсбриджа. В Калифорнии пылали Каскадные горы, а пожарные вертолеты были прикованы к земле из-за нехватки горючего. Вспышка эпидемии оспы опустошила Пуну и бушевала в Бомбее, те, кто еще мог бежать от болезни, разносили ее с собой, и случаи оспы уже были отмечены от Мадраса до Дели. Австралия объявила всеобщую мобилизацию, ННА потребовала срочного созыва Совета Безопасности ООН, а Кейптаун был в осаде.

Все развивалось так, как и предсказывали наши графики. Мы знали об всем этом, и мы продолжали работать. А когда медсестра или техник все-таки вспоминали об происходящем вокруг, их утешал личный приказ президента. На каждой доске объявлений, на каждом шагу, везде была расклеена цитата из Дэша.

Занимайтесь Роджером Торравэем. С остальным миром я справлюсь.

Фитц-Джеймс Дешатен.

Мы не нуждались в подобных уверениях, мы и так знали, насколько важна эта работа. От этого зависело выживание нашей расы. И по сравнению с этим все остальное не имело никакого значения.

Роджер проснулся в абсолютной тьме.

Ему снился сон, и на какое-то мгновение сон и реальность причудливо смешались. Снилось давно прошедшее, как он с Дори, Брэдом, и друзьями, у которых была яхта, поехали на озеро Тексома, и вечером, когда огромная луна взошла над водами, все вместе пели под гитару Брэда. Ему показалось, что он снова услышал голос Брэда… он окончательно проснулся, прислушался и ничего не услышал.

Вообще ничего. Странно. Никаких звуков, не слышно ни урчания и пощелкивания мониторов у стены, ни голосов из коридора. Как он ни вслушивался своими новыми сверхчувствительными ушами, он не слышал ни одного звука. И света тоже не было. Никакого света, нигде, ничего, кроме

еле заметного, тусклого красноватого свечения от собственного тела, и от стен комнаты.

Он беспокойно пошевелился, и обнаружил, что привязан к кровати.

На мгновение внутри плеснулся ужас: пойман, беспомощен, один. Или они его выключили? Может быть, его чувства намеренно отключены? Что происходит?

Рядом с ухом заговорил тихий голосок.

— Роджер? Это Брэд. Судя по твоим показателям, ты не спишь.

Облегчение было неимоверным.

— Да, — выдавил он. — Что происходит?

— Мы привели тебя в состояние сенсорной изоляции. Ты слышишь чтонибудь, кроме моего голоса?

— Ни звука. Ни-че-го.

— А свет?

Роджер сообщил о слабом красноватом свечении.

— И это все.

— Отлично, — ответил Брэд. — Теперь слушай, Роджер. Мы дадим тебе возможность осваиваться со своими новыми чувствами постепенно. Простые звуки, простые образы. Над твоим изголовьем окошко диапроектора, а у дверей стоит

экран. Ты его не видишь, конечно, но он там. Мы собираемся… минутку, с тобой хочет поговорить Кэтлин Даути.

Слабый шорох, какая-то возня, потом голос Кэтлин Даути:

— Роджер, этот говнюк забыл сказать о главном. Сам знаешь, что сенсорная изоляция — опасная штука.

— Я слышал об этом, — согласился Роджер.

— Если верить специалистам, самое скверное в ней — чувствовать, что ты не можешь выйти из этого состояния. Поэтому как только ты почувствуешь себя неважно, просто скажи. Кто-то из нас будет здесь, и мы ответим. Брэд или я, или Сьюли Карпентер, или Клара.

— Вы все сейчас там?

— О Господи, да — и Дон Кайман с генералом Скэньоном, и еще половина института. Одиночество тебе не грозит, Роджер, это я тебе обещаю. Ну вот. Как насчет моего голоса, он тебя не беспокоит?

Он немного подумал.

— Вроде нет. Только немножко скрипучий, как старая дверь.

— Это плохо.

— А по-моему, нет. У тебя, кажется, все время

такой голос, Кэтлин.

Она захихикала.

— Ну ладно, я все равно сейчас замолкну. А голос Брэда?

— Я ничего такого не заметил. Точно не знаю, мне, кажется, что-то снилось, и какое-то время казалось, что он поет «Ора Ли» под свою гитару.

— Это интересно, Роджер! — вмешался Брэд. — А сейчас?

— Нет. Сейчас голос, как голос.

— Да, и показатели у тебя нормальные. Ну ладно, потом с этим разберемся. Сейчас мы будем давать тебе простые визуальные сигналы. Кэтлин уже сказала, ты можешь разговаривать с нами, сколько угодно, и мы будем отвечать, если захочешь. Но пока мы не будем много говорить, пусть зрительные системы немного привыкнут, а уж потом возьмемся за такие сложности, как одновременное зрение и звук.

— Начинайте, — ответил Роджер.

Ответа не было, но через мгновение на противоположной стене возникла точечка света.

Она была тусклой, и Роджер подумал, что своими настоящими глазами он бы ее вовсе не увидел. Но сейчас он ясно различал ее, и даже в профильтрованном воздухе палаты мог разглядеть над

головой еле заметный лучик света от проектора.

И больше ничего.

Роджер ждал, собрав все свое терпение.

Время шло.

В конце концов он сдался.

— Ладно, я вижу. Это точка. Я на нее довольно долго смотрел, но она все равно остается точкой. Кстати, — добавил он, оглядевшись по сторонам, — отраженного света достаточно, чтобы я мог немного разглядеть всю остальную комнату. Это все.

Голос Брэда рявкнул, как раскат грома:

— О'кей, Роджер. Подожди немного, сейчас пойдем дальше.

— Ой! Не так громко, ладно? — взмолился Роджер.

— Я говорю не громче, чем раньше, — возразил Брэд. И действительно, пока он говорил это, его голос утих до нормального.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал Роджер. Он уже начинал скучать. Через мгновение на стене появилась еще одна точка, в нескольких дюймах от первой. Две точки светились еще довольно долго, а потом их соединила полоска света.

— Это довольно скучно, — пожаловался он.

— Так оно и должно быть, — сейчас это был

голос Клары Блай.

— Привет, — поздоровался Роджер. — Слушайте, сейчас здесь столько света, что я прекрасно все вижу. Что это за провода из меня торчат?

— Это твоя телеметрия, — вмешался Брэд. — Вот почему нам пришлось тебя привязать. Чтобы ты не зашевелился, и не поотрывал там все. Сейчас там все дистанционное. Нам пришлось почти все вынести из твоей палаты.

— Я заметил. Ладно, продолжайте.

Скучища так и осталась скучищей. Занятие было не из увлекательных. Это могло быть очень важно, но это было еще и очень скучно. После бесконечной череды простых геометрических фигур яркость света была снижена настолько, что отраженного света, освещавшего комнату, почти не осталось. Тогда ему начали подавать звук: щелчки, чистые тоны с генератора, звук камертона, шипящий белый шум.

Работавшие снаружи менялись смена за сменой. Останавливались, только когда телеметрия указывала, что Роджеру нужен сон, или пища, или судно. Но это было нечасто. Роджер уже начал различать по малейшим признакам, кто сейчас дежурит. Еле заметная ехидная нотка в голосе Брэда, когда в комнату входит Кэтлин Да-

ути, чуть замедленное и почему-то более теплое попискивание звуковой ленты, когда дежурит Сьюли Карпентер. Он обнаружил, что его ощущение времени не совпадает с ощущениями людей снаружи, или с «реальностью», что бы это слово не значило.

— Этого и следовало ожидать, Роджер, — ответил усталый голос Брэда. — Если ты потренируешься, ты сможешь управлять этим по своему желанию. Ты сможешь отсчитывать секунды, как метроном, если захочешь. Или ускорять время, или замедлить, в зависимости от того, что тебе необходимо.

— А как это делать? — поинтересовался Роджер.

— Это твое тело, черт возьми! — вспылил Брэд. — Научись им пользоваться!

Затем, извиняющимся тоном:

— Так же, как ты учился отключать зрение. Экспериментируй, пока не получится. А теперь внимание: я собираюсь проиграть тебе партиту Баха.

Время шло.

Но не быстро и не легко. Случалось, что изменившееся время против его воли упорно и нудно растягивалось и растягивалось. Иногда случа-

лось, что он, сам того не желая, думал о Дори. Подъем, оставшийся после посещения Дэша, забота и внимание Сьюли Карпентер — все это было приятно, но не могло продолжаться бесконечно. Дори была реальностью его иллюзорного мира, и когда у него вообще было время думать о чем-то своем, он думал о Дори. Дори и первые, радостные годы вместе. Дори и ужасное осознание: он больше не мужчина, он не сможет, как раньше, утолять ее сексуальные потребности. Дори и Брэд…

— Не знаю, чем ты там занят, Роджер, — одернул его голос Кэтлин Даути, — но твои жизненные показатели летят ко всем чертям! Прекрати немедленно!

— Ладно, — буркнул он и выбросил Дори из головы. Вместо этого он стал думать о ворчливом, добром голосе Кэтлин Даути, о том, что говорил президент. О Сьюли Карпентер. Он заставил себя успокоиться.

В награду ему показали цветной слайд с букетом фиалок.

Глава 10. АНТРАША БЭТМЕНА

Как ни странно, как ни удивительно, но — до старта осталось всего девять дней.

Дон Кайман приплясывал от холода на тротуаре у церковного жилого комплекса, дожидаясь машины. За последние две недели нехватка топлива стала ощущаться еще сильнее: на Ближнем Востоке шли бои, а Борцы за Освобождение Шотландии взрывали нефтепроводы в Северном море. Сама программа оставалась первоочередным приоритетом, хотя горючего не хватало даже в ракетных шахтах; но все-таки персоналу рекомендовали выключать свет, подбрасывать друг друга на работу, снизить температуру домового отопления и поменьше смотреть телевизор. Ранняя метель припорошила прерии Оклахомы, и заспанный семинарист у подъезда сгребал снег с тротуара. Снега было немного, и этот снег не радовал глаз. Так, во всяком случае, показалось Кайману. Показалось, или это в самом деле был пресловутый «серый снег»? Неужели пепел пылающих лесов Калифорнии и Орегона донесся и сюда, за полторы тысячи миль?

Когда Брэд посигналил, Кайман подпрыгнул от неожиданности.

— Извини, — заметил он, влезая и захлопывая дверь. — Слушай, может быть, завтра поедем на моей? Она все-таки жрет меньше, чем твоя махина.

Брэд угрюмо дернул плечами и посмотрел в зеркало заднего вида. Изза угла вынырнул еще один АВП, легкая спортивная машина.

— Я и так жгу топлива за двоих, — заметил он. — Тот же самый, что вел меня во вторник. Халтурят. А может, напоминают, что за мной следят.

Кайман оглянулся. Действительно, преследователь и не думал притворяться случайным попутчиком.

— Ты их знаешь, Брэд?

— А что, в этом есть какие-то сомнения?

Кайман промолчал. Действительно, сомневаться не приходилось. Президент весьма недвусмысленно объяснил Брэду, что тот ни при каких обстоятельствах не может даже смотреть в сторону жены монстра. Объяснение продолжалось полчаса, и Брэд живо запомнил каждую мучительную секунду этого разговора. А чтобы он случайно не забыл, сразу после этого началась слежка.

Для беседы с Брэдом это была неподходящая тема. Кайман включил радио и поймал программу новостей. Несколько минут они молча слушали, как неумолимо, несмотря на старания цензуры, наступает конец света, потом Брэд не выдержал и все так же молча щелкнул выключателем. Дальше ехали в полной тишине, до самого здания проекта, огромного, одинокого белого куба под свинцовым небом, среди пустынной прерии.

Внутрь серость не проникала: лампы сияли ярким, ослепительным светом, лица были усталыми, иногда озабоченными — но живыми. Здесь, по крайней мере, подумал Кайман, еще сохранилось ощущение цели и достижения. Программа шла точно по графику.

И через девять дней марсианский корабль будет запущен, и он, Дон Кайман, сам будет на борту этого корабля.

Кайман не боялся лететь. Всю свою жизнь он готовился к этому, с первых дней в семинарии, когда он осознал, что может служить Богу не только с кафедры, и когда духовный наставник поощрил его интерес к небесам, будь то теологический или астрофизический. И все же…

Он чувствовал себя неготовым. Он чувствовал, что мир не готов к этой экспедиции. Все это ка-

залось всего лишь любопытной импровизацией, несмотря на бесконечные усилия, вложенные множеством людей, и им в том числе. Даже экипаж был подобран еще не до конца. Конечно, полетит Роджер — он был первопричиной возникновения всей программы. Полетит и Кайман, это тоже было решено твердо. Но кандидатуры двоих пилотов до сих оставались под вопросом. Кайман встречался с обоими, и они ему понравились. Они были одними из лучших в НАСА, один даже летал вместе с Роджером, на челноке, восемь лет назад. Но в списке возможных замен было еще пятнадцать других — Кайман не знал всех имен, знал только, что их много. Верн Скэньон и генеральный директор НАСА летали к президенту обсуждать этот вопрос лично, чтобы он утвердил их выбор, но Дэш, по известным только ему причинам, оставил окончательное решение за собой, и все еще не раскрывал карт.

Единственным звеном, кажется, полностью готовым к экспедиции, было звено, недавно считавшееся самым слабым: сам Роджер.

Обучение шло просто великолепно. Сейчас Роджер передвигался по всему зданию совершенно самостоятельно, курсируя от палаты, которую до сих пор считал своим «домом», к марсианской

камере, испытательным лабораториям и вообще везде, где хотел. Весь институт уже привык к шастающему по коридорам долговязому созданию с черными крыльями, к огромным фасетчатым глазам, узнающим знакомые лица, к монотонному голосу, произносящему бодрые слова. Вся прошлая неделя принадлежала Кэтлин Даути. Роджер, кажется, полностью освоился со своей системой органов чувств; теперь настало время научить его пользоваться всеми возможностями своей мускулатуры. Кэтлин привезла слепого, балетного танцора и бывшего параплегика, и когда Роджер стал расширять свои горизонты, они взяли на себя задачу по его обучению. Звездный час танцора был уже давно позади, но этот час был, а кроме того, он, еще ребенком, обучался у Нуриева и Долина. Слепой больше был не слепым — у него не было глаз, но его глаза заменила зрительная система, очень напоминающая систему Роджера. Они вдвоем часто сравнивали неуловимые оттенки цвета или делились секретами управления параметрами зрения. Параплегик передвигался на механических ногах; они были ранними предшественниками конечностей Роджера, но у этого человека был целый год, чтобы научится с ними обращаться. Теперь они вместе с Роджером брали

уроки танца.

Правда, не совсем вместе. Бывший параплегик, которого звали Альфред, остался человеком куда в большей степени, чем Роджер, и среди прочих его человеческих слабостей была потребность в воздухе. Когда Кайман с Брэдом вошли в зал управления марсианской камеры, Альфред исполнял антраша по одну сторону огромной стены из двойного стекла, а Роджер повторял его движения по другую, внутри практически безвоздушной камеры. Кэтлин Даути отсчитывала, а громкоговоритель играл вальс ля-мажор из «Сильфид». У стены, повернув стул спинкой вперед, восседал Верн Скэньон, сложив руки на спинке стула, и опустив на руки подбородок. Брэд тут же отошел к нему, и они неслышно принялись говорить.

Дон Кайман присел рядом с дверью. Монстр и параплегик невероятно быстро подпрыгивали, выделывая неуловимые для глаза коленца. Для антраша музыка не очень подходящая, подумал Кайман, но этим двоим, кажется, все равно. Танцор с непроницаемым выражением лица не сводил с них глаз. Должно быть, он хочет стать киборгом, подумал Кайман. С такими мышцами он покорил бы любую сцену мира.

Это была забавная мысль, но Кайману почему-то стало не по себе. Потом он вспомнил: он сидел именно на этом месте, когда у него на глазах умер Вилли Хартнетт.

Казалось, это было так давно. Всего неделю назад Бренда Хартнетт привела детей, попрощаться с ним и сестрой Клотильдой, а они уже почти забыли об этом. Теперь звездой был монстр по имени Роджер, а смерть другого монстра, занимавшего это место еще недавно, ушла в историю.

Кайман вынул четки и принялся отчитывать полторы сотни Аве Мария. Повторяя слова молитвы, он ощущал приятную, теплую тяжесть зерен слоновой кости, прохладный контраст хрусталя. Он уже решил, что возьмет подарок Его Святейшества с собой, на Марс. Конечно, будет жаль, если четки погибнут — между прочим, если и он погибнет, тоже будет жаль, напомнил себе Кайман. Не стоит сейчас думать о таких вещах. Он решил положиться на очевидное желание Его Святейшества, и взять его подарок, эти четки, в самое далекое странствие в их жизни.

Он почувствовал, что рядом с ним кто-то стоит.

— Доброе утро, отец Кайман.

— Привет, Сьюли.

Он удивленно глянул на нее. В ней было что-то необычное, но что? Он уже заметил, что ее темные волосы золотятся у корней, но в этом не было ничего удивительного: даже священникам известно, что женщины меняют цвет своих волос, когда захотят. Некоторые священники тоже, если уж на то пошло.

— Как идут дела? — спросила она.

— По-моему, великолепно. Ты только посмотри, как они скачут! Роджер в отличной форме, лучше не бывает. Я думаю, что мы, Deo volente,[4] все же успеем к запуску.

— Я вам завидую, — ответила медсестра, глядя в марсианскую камеру. Кайман вскинул голову, с удивлением глядя на нее. В ее голосе слышалось больше чувств, чем полагается для обычной, между прочим сказанной реплики.

— Я серьезно, Дон. В космическую программу я пошла работать прежде всего потому, что хотела полететь сама. Может, у меня и получилось бы, если…

Она задумалась и пожала плечами.

— Вот, помогаю сейчас вам с Роджером. Разве

---

[4] Примечания: 4
Милостию божией (лат.)

не для этого созданы женщины, а? Помощницы. Кроме того, это вовсе не так уж плохо, когда помогаешь в таком серьезном деле, как это.

— Что-то ты говоришь не очень убежденно, — заметил Кайман.

Она усмехнулась и снова посмотрела в камеру.

Музыка остановилась. Кэтлин Даути выбросила сигарету и немедленно прикурила другую.

— О'кей. Роджер, Альфред? Десять минут перерыв. Отлично получается, ребята.

В камере Роджер позволил себе сесть, скрестив ноги. Он выглядит точь-в-точь, как дьявол на вершине холма, в какой-то старой классической ленте Диснея, подумал Кайман. «Ночь на Лысой горе»?

— Что такое, Роджер? — окликнула Кэтлин. — Ты не устал, не притворяйся.

— От этого — устал, — огрызнулся он. — Не знаю, зачем мне все эти танцульки? Вилли этим не изводили.

— Вилли умер.

Наступило молчание. Роджер повернул голову к ней, глядя сквозь стекло большими сетчатыми глазами.

— Ему не дали станцевать?

— Откуда тебе знать? Да, конечно, ты сможешь

выжить и без этого, — ворчливо согласилась она. — Но с этим тебе будет проще. Вопрос не в том, чтобы научиться двигаться. Ты должен научиться двигаться еще и так, чтобы не разнести все вокруг. Ты хоть представляешь, какой ты сейчас сильный?

За стеной камеры Роджер задумался, потом мотнул головой.

— Что-то я не чувствую себя особенно сильным, — прозвучал бесцветный голос.

— Ты можешь проломить стену, Роджер. Спроси у Альфреда. За сколько ты пробегаешь милю, Альфред?

Экс-параплегик сложил руки на кругленьком брюшке и ухмыльнулся. Ему было пятьдесят восемь лет, и до того, как миастения разрушила его конечности, он не отличался особым телосложением.

— Минута сорок семь, — гордо ответил он.

— Думаю, ты пробежишь быстрее, Роджер, — продолжала Кэтлин. — Поэтому ты должен научиться, как управлять этой силой.

Роджер что-то неразборчиво буркнул, а потом поднялся.

— Уравняйте шлюз, — сказал он. — Я выхожу.

Техник щелкнул переключателем, и мощные

насосы стали впускать воздух в шлюзовую камеру. Звук был такой, будто линолеум рвался.

— Ой! — охнула Сьюли Карпентер над ухом у Каймана. — Я забыла надеть контактные линзы!

И вылетела прочь, пока Роджер еще не вышел наружу.

Кайман недоуменно поглядел вслед. Одна загадка разрешилась: он понял, что в ней было необычного. Но зачем Сьюли понадобилось носить линзы, которые меняли цвет ее карих глаз на зеленый?

В конце концов он пожал плечами и сдался.

Мы знали ответ. Нам пришлось немало потрудиться, чтобы найти Сьюли Карпентер. Обязательные требования составляли длинный список, но цвет глаз и цвет волос стояли самым последним пунктом: и то, и другое можно было с легкостью изменить.

По мере приближения старта положение Роджера стало изменяться. Две недели он был куском мяса под ножом мясника, его рубили и разделывали, как тушу, а он не знал, что с ним происходит, и не мог даже возразить. Потом он стал учеником, выполняющим задания учителей, обучаясь владеть своими чувствами и использовать свое тело. Это был переход от лабораторного препа-

рата к полубогу, и Роджер уже прошел больше половины пути.

Он чувствовал, как это происходит. Уже несколько дней он требовал объяснить все, что его просили сделать — и ему объясняли. Иногда он даже отказывался. Кэтлин Даути была уже не строгой начальницей, которая могла приказать ему сто раз подтянуться или час крутить пируэты. Теперь она была его подчиненной, и помогала ему в том, что хотел делать он. Брэд, который все реже шутил невпопад, и стал гораздо внимательнее, теперь просил Роджера об одолжении. «Ты не прошел бы этот тест на цветоделение? Сделай, пожалуйста, это пригодится для моей статьи». Иногда Роджера можно было уговорить, иногда — нет.

Чаще всего — и без возражений — это удавалось Сьюли Карпентер, потому что она всегда была рядом и всегда заботилась о нем. Он уже почти забыл, что она напоминала Дори, и видел только, что она очень симпатичная.

Она отвечала его настроению. Если он злился, она была спокойной и приветливой. Если ему хотелось поболтать, она болтала. Иногда они во что-нибудь играли. Она оказалась очень сильным противником в скрэббл. Однажды, поздно ночью,

когда Роджер экспериментировал, сколько времени он сможет выдержать без сна, она принесла гитару, и они пели. Ее приятное, ненавязчивое контральто оттеняло его бесцветный и почти монотонный шепот. Когда он смотрел на нее, ее лицо изменялось, но он научился обращаться с этим. Когда ему хотелось, схемы интерпретации отражали его чувства, и иногда Сьюли Карпентер была похожа на Дори больше, чем сама Дори.

Когда Роджер закончил свои дневные занятия в марсианской камере, они с Сьюли наперегонки пробежались до палаты, заливавшаяся смехом девушка, и тяжело грохочущий по широкому коридору монстр. Конечно, он выиграл. Они немного поболтали, а потом он отослал ее.

Девять дней до старта.

Даже меньше, чем девять. За три дня до старта он улетит на Мерритт Айленд, а последний день в Тонке будет посвящен исключительно установке ранцевого компьютера и подстройке некоторых блоков сенсорной системы под марсианские условия. Поэтому у него оставалось всего шесть — нет, пять дней.

И он не видел Дори уже больше месяца.

Он посмотрелся в зеркало, установленное по его просьбе. Стрекозиные глаза, крылья, как у

летучей мыши, тускло отблескивающая кожа. Он немного поиграл со зрительной интерпретацией, превратившись сначала в летучую мышь, потом в демона… потом в самого себя, каким он себя помнил, симпатичного и молодого.

Если бы только у Дори был такой же компьютер-медиатор! Если бы только она могла увидеть его таким, какой он был! Я не стану ей звонить, поклялся он, я не смогу заставить ее смотреть на это чудо техники со страниц комикса.

Он протянул руку, снял трубку и набрал ее номер.

Это был импульс, который он не мог подавить. Он ждал. Время растянулось, как гармошка, и прошла вечность, прежде чем загорелся пустой экран, а в трубке прозвучал первый гудок.

И вновь время предало его. Вечность — до второго гудка. Он пришел, и длился вечность, и смолк.

Дори не отвечала.

Роджер принадлежал к тем, кто обычно подсчитывает все, что можно. Он знал, что большинство людей отвечают только на третий звонок. Но Дори всегда не терпелось узнать, кто же войдет в ее жизнь с телефонным звонком. Даже стоя под душем, она редко медлила до третьего звонка.

Наконец наступил и третий звонок, а ответа все не было.

Роджер начал нервничать.

Он сдерживался, как мог, ему не хотелось поднимать тревогу на телеметрии. Да он и не мог полностью сдержать этого. Она вышла, подумал он. Ее муж превратился в чудовище, а она, вместо того, чтобы сидеть дома, волноваться и сострадать, отправилась по магазинам, в гости к знакомым или в кино.

А может быть, она с мужчиной.

С каким мужчиной? Брэд. Вполне может быть: он расстался с Брэдом у камеры, двадцать пять минут назад по часам. Достаточно времени, чтобы они где-нибудь встретились. Достаточно даже для того, чтоб успеть до дома Торравэев. И может быть, она вовсе никуда не ушла. Может быть…

Четвертый звонок.

…может быть, они там, вдвоем, голые, спариваются, прямо на полу, перед телефоном. И она говорит: «Выйди в соседнюю комнату, милый, я хочу посмотреть, кто это». А он отвечает: «Нет, давай ответим в этой позе». А она скажет…

Пятый звонок — и на экране расцвело лицо Дори. Ее голос спросил: «Алло?».

Ладонь Роджера молниеносно рванулась впе-

ред и прикрыла объектив.

— Дори? — спросил он. Его голос вновь показался ему резким и бесцветным. — Как твои дела?

— Роджер! — воскликнула она. Радость в ее голосе звучала очень естественно. — Ой, милый, я так рада, что ты позвонил! Как ты себя чувствуешь?

— Отлично, — машинально ответил его голос. И так же машинально заговорил дальше, без сознательного участия его разума рассказывая, чем он занимался, перечисляя упражнения и тесты. В то же время Роджер всматривался в экран, включив все чувства на максимальное усиление.

Она была… какая? Усталая? Усталость была бы подтверждением его страхов. Она каждую ночь куролесит с Брэдом, позабыв о муже, страдающем от боли и шутовского унижения. Отдохнувшая и веселая? Это тоже было бы подтверждением — это значило бы, что она отдыхает и веселится, позабыв о мучениях мужа.

Нет, с головой у Торравэя было все в порядке, просто за свою жизнь он привык анализировать и размышлять логически. И от него не ускользнуло, что он играет сам с собой в игру под названием «Ты проиграл». Все будет свидетельствовать о вине Дори. Но как он ни разглядывал ее изобра-

жение, с какими бы чувствами не глядел, в ней не было ни неприязни, ни слащаво преувеличенной нежности. Она просто была сама собой.

Когда он понял это, его голос дрогнул от подступившей нежности.

— Я скучал по тебе, маленькая, — тускло выдавил он. Его чувства выдала лишь миллисекундная пауза между слогами: «Малень…кая»

— Я тоже скучаю. Хотя особенно скучать не приходится — я перекрашиваю твою комнату. Вообще-то это сюрприз, но тебя все равно столько времени не будет, так что… ладно, стены будут абрикосовые, рамы желтые, лютиковые, а потолок, наверное, сделаю светло-голубой. Тебе нравится? Я собиралась сделать все охрой и коричневым, ну знаешь, осенние цвета, марсианские краски, чтобы отпраздновать. А потом подумала, что к тому времени, когда ты вернешься, ты уже будешь по горло сыт цветами Марса!

И сразу же, без паузы:

— Когда я тебя увижу?

— Видишь ли… я выгляжу довольно жутко.

— Я знаю, как ты выглядишь. О Господи, Роджер, ты думаешь, Мидж, Бренда, Келли и я ни разу не говорили об этом за последние два года? Все время, с самого начала программы. Мы виде-

ли рисунки. Снимки макетов. Мы видели даже фотографии Вилли.

— Я больше не похож на Вилли. Они многое изменили…

— Я и об этом знаю, Роджер. Брэд мне рассказывал. Мне хочется тебя увидеть.

В это мгновение его жена без всякого предупреждения превратилась в ведьму, а вязальный крючок в ее руке стал помелом.

— Ты видишься с Брэдом?

Что это, микросекундная пауза?

— Наверно, ему не полагалось говорить мне, секретность и все такое… Но я упросила его. В этом нет ничего плохого, милый. Я уже взрослая девочка и могу справиться с этим.

На мгновение Роджеру захотелось отдернуть руку от объектива и показать себя, но его сдержало странное, непонятное ощущение. Он не мог определить, что это: головокружение? переизбыток чувств? какойто сбой на электронной половине? Еще несколько мгновений, и вбежит поднятая на ноги телеметрией Сьюли, или Дон Кайман, или кто-то еще. Он попытался взять себя в руки.

— Может быть, попозже, — ответил он без особой уверенности. — Я… кажется, сейчас мне

лучше повесить трубку, Дори.

Знакомая гостиная у нее за спиной тоже менялась. Глубина резкости видеофонного объектива была не очень большой, и даже для его компьютерных глаз большая часть комнаты была размытой. Не мужчина ли это прячется в тени? Не форменная ли на нем офицерская рубашка? Уж не Брэд ли это?

— Я должен повесить трубку, — сказал он, вешая трубку.

Вбежала Клара Блай, вся озабоченность. В ответ на ее встревоженные расспросы он только молча качал головой.

У его новых глаз не было слезовыводящих каналов, поэтому он не мог плакать. Даже в этой радости ему было отказано.

Глава 11. ДОРОТИ ЛУИЗА МИНЦ ТОРРАВЭЙ В РОЛИ ПЕНЕЛОПЫ

Наши прогнозы общественного мнения показывали, что самое время представить миру Роджера Торравэя. Эта новость мгновенно разлетелась, и на экранах всех телевизоров мира между репортажами о умирающих от голода пакистанцах и пожарах в Чикаго мелькнули несколько кадров, запечатлевших Роджера во всей красе — на пуантах, в безупречном фуэте.

Знаменитой это сделало Дори. Звонок Роджера вывел ее из равновесия. Хотя не так сильно, как записка от Брэда, в которой он сообщал, что не сможет с ней больше видеться. И не так сильно, как сорок пять минут с президентом, вбивавшим ей, что случится, если она не перестанет огорчать его любимого астронавта. И уж конечно, этого было не сравнить с известием о том, что за ней следят, что ее телефон прослушивается, а дом начинен жучками. Просто она не знала, как вести себя с Роджером, и скорее всего не поймет этого и в будущем — так что ее ничуть не огорчало, что через несколько дней его запустят в космос. Тогда

об их отношениях не придется беспокоиться по меньшей мере полтора года.

Против неожиданной волны популярности она тоже ничуть не возражала.

После того, как новость попала в газеты, ее навестили репортеры с телевидения, и в шестичасовых новостях она увидела свое бодрое личико. «Фем» тоже кого-то к ней отправил. Кто-то начал с телефонного звонка. Это оказалась дама под шестьдесят, феминистка со стажем, которая с презрением фыркнула:

— Мы никогда этого не делаем, не берем ни у кого интервью только потому, что она — чья-то жена. Но мне приказали. Я не могла отказаться, но хочу быть честной по отношению к тебе и предупреждаю, что мне это отвратительно.

— Мне очень жаль, — извинилась Дори. — Может быть, отменить интервью?

— О нет, это вовсе не твоя вина, — ответила дама так, словно это была именно ее вина, — но я считаю это предательством всех идеалов «Фем». Ничего страшного. Мы заедем к тебе, сделаем пятнадцатиминутный ролик для кассетного варианта, а потом я перепишу его для печати. Если можно…

— Я… — начала Дори.

— …говори о себе, а не о нем. Твое прошлое, твои интересы, твое…

— Извините, но я бы хотела…

— …отношение к космической программе и так далее. Дэш утверждает, что это основная цель Америки, и от этого зависит будущее всего мира. А каково твое мнение? Сейчас отвечать не надо, просто…

— Я не хочу, чтобы интервью проходило в моем доме, — вставила Дори, уже не дожидаясь паузы.

— …подумай над этим, а ответишь перед камерой. То есть как не дома? Нет, это исключено. Мы будем через час.

И Дори осталась наедине с тускнеющим светлым пятнышком. Через несколько секунд погасла и оно.

— Сука, — почти беззлобно заметила Дори.

Не то, чтобы ей не нравилось, что интервью будет проходить в ее собственном доме. Просто ей даже не оставили выбора. И вот это ее здорово зацепило. Выбора не было, разве что улизнуть, пока не появится дама из «Фем».

Дори Торравэй, в девичестве Ди Минц, очень серьезно относилась к свободе выбора. Что и привлекало ее в Роджере (если не считать славы покорителя космоса, сопутствующих этому

денег и уверенности в завтрашнем дне, и если не считать самого Роджера, весьма симпатичного и обходительного): он прислушивался к ее желаниям. Остальных мужчин интересовали в основном свои собственные желания. Желания могли меняться вместе с мужчиной, но характера отношений это нисколько не меняло. Гарольд обожал танцы и вечеринки, Джим — секс, Эверетт — секс и вечеринки, Томми хотел политического фанатизма, Джо — чтобы с ним нянчились. А Роджер хотел узнавать мир вместе с ней, одинаково охотно обращаясь и к тому, что интересовало ее, и к тем вещам, что были важны для него самого.

Она ни разу не пожалела, что вышла за него замуж.

Им не раз приходилось разлучаться. Пятьдесят четыре дня, проведенных Роджером на Космической Станции Три. Множество коротких полетов. Два года служебных разъездов по всему миру, в системе наземных измерительных комплексов — от Аахена до Заира. Довольно быстро Дори не выдержала этого и вернулась домой, в Тонку. Но она не чувствовала себя обиженной. Может быть, обиду чувствовал Роджер… впрочем, этот вопрос никогда не приходил ей в голову. В любом случае, виделись они довольно часто. Он бывал

дома каждый месяц-два, а ей было чем заняться. У нее был свой магазинчик — она открыла его, пока Роджер был в Исландии, благодаря чеку в пять тысяч долларов, подарку мужа на день рождения. У нее были друзья. Время от времени — мужчины.

Нельзя сказать, чтобы жизнь была насыщенной, но Дори и не ожидала другого. Даже наоборот. Она была единственным ребенком, а ее мать терпеть не могла соседей, так что друзей у нее было не очень много. Соседи, кстати, тоже не выносили матери, потому что она была мелкой наркоманкой, и почти каждый день лежала в отключке, так что жизнь у Дори получалась непростой. Но она не жаловалась — она не подозревала, что можно жить и по-другому.

К тридцати одному году Дори была здоровой и красивой женщиной, и отлично справлялась с жизнью. Она считала себя счастливой. Такой диагноз она ставила вовсе не потому, что ее переполняла радость. Это вытекало из простого, объективного факта: она получала в своей жизни все, чего только ни пожелает, и какое же еще нужно определение счастья?

Часть времени, оставшегося до прибытия мисс Хагар Хенгстром с командой из «Фем», она про-

вела, расставляя керамику из своего магазина на журнальном столике перед креслом, в котором предполагала сидеть. Остальное время было посвящено менее важным задачам: уложить волосы, проверить, не съелась ли помада, и переодеться в свое новейшее приобретение, брючный костюм со шнурованными разрезами на бедрах.

Когда зазвонил дверной звонок, она была почти готова.

Мисс Хенгстром пожала хозяйке руку и вошла, сверкая небесно-синей гривой и ожесточенно дымя черной сигарой. За ней прошмыгнула осветитель, звукооператор, телеоператор и несколько мальчиков на побегушках.

— Комната мала, — хмыкнула мисс, скользнув взглядом по обстановке. — Торравэй сядет там. Подвинь-ка.

Мальчики кинулись переносить стул от окна в угол комнаты, занятый секретером, а сам секретер выволокли на середину.

— Минуточку, — начала Дори. — Я думала, что сяду здесь, в кресле…

— Свет проверили? — продолжала Хенгстром. — Включи камеру, Салли. Никогда не знаешь, что пригодится для монтажа.

— Я что-то сказала, — заметила Дори.

Хенгстром обернулась. Голос у Дори был тихий, но не предвещавший ничего приятного. Она пожала плечами.

— Пока оставим так, — предложила она, — если тебе не понравится, обговорим это позже. Сделаем пробу, ладно?

— Пробу чего? — Дори заметила, что малокровная девушка уже навела на нее камеру. Это начинало ее злить. Осветитель наконец-то нашла розетку, и теперь держала в руках распятие из ламп, то и дело передвигая его вслед за движениями Дори, чтобы убрать тени.

— Ну, для начала, какие у тебя планы на ближайшую пару лет? Ты ведь не собираешься бить баклуши, дожидаясь, пока Роджер Торравэй возвратится домой.

Дори попыталась прорваться к креслу, но осветитель поморщилась и жестом отогнала ее в другую сторону, а пара мальчиков отодвинула прочь столик с керамикой.

— У меня есть магазин, — ответила она. — Я думала, что во время интервью вы снимете пару мелочей оттуда…

— Да, да, конечно. Я имела в виду личные планы. Ты здоровая женщина. У тебя есть сексуальные потребности. Немного назад, пожалуйста

— у Сандры что-то фонит.

Дори обнаружила, что стоит перед стулом, и ей не осталось ничего другого, как сесть.

— Конечно… — начала она.

— На тебе лежит ответственность, — продолжала Хенгстром. — Какой пример ты собираешься показать молодым женщинам? Превратиться в засушенную старую деву? Или жить полноценной жизнью?

— Мне не хотелось бы говорить о…

— Я немало о тебе разузнала, Торравэй, и мне понравилось то, что я увидела. Ты независимая личность — насколько вообще может быть независимой личность, смирившаяся с нелепым фарсом брака. Зачем ты это сделала?

Дори заколебалась.

— Роджер в самом деле очень хороший человек, — попыталась оправдаться она.

— Ну и что?

— Нуу, в нем я нашла опору, благополучие…

— Все та же старая рабская психология, — вздохнула Хагар Хенгстром. — Ладно. Еще одной загадкой для меня стала твоя заинтересованность космической программой. Ты не видишь в этом происки сексистов?

— Нет, нет. Сам президент сказал мне, — начала

Дори, понимая, что несколько вольно толкует последнюю беседу с Дэшем, — отправка представителя рода человеческого на Марс абсолютно необходима для будущего всего человечества. И я ему верю. Мы обязаны…

— Назад, — скомандовала Хенгстром.

— Что?

— Вернись назад, повтори, что ты только что сказала. Отправка на Марс кого?

— Представителя рода че… О. Я поняла, что вы имеете в виду.

Хенгстром мрачно кивнула.

— Ты понимаешь, что я имею в виду, но не меняешь образа мыслей. Почему представителя? Почему не представительницы? — выражая искреннее соболезнование в адрес Дори, она покосилась на звукооператора. Та печально покачала головой. — Ладно, перейдем к серьезным вещам. Ты знаешь, что весь экипаж марсианской экспедиции должен быть мужским? Что ты об этом думаешь?

Да, день у Дори выдался еще тот. Чашечки в объектив так и не попали.

Явившись днем на дежурство, Сьюли принесла Роджеру два сюрприза: одолженную из пресс-бюро программы (читай: цензуры) кассету

с интервью и гитару. Сначала она вручила ему кассету; пока он смотрел, застелила постель и сменила воду для цветов.

Когда кассета кончилась, она оживленно заметила:

— По-моему, твоя жена легко отделалась. Я когда-то встречала Хагар Хенгстром. Ну и баба!

— Дори выглядела великолепно, — ответил Роджер.

На перекроенном лице, в безжизненном голосе невозможно было прочитать никаких чувств, но черные крылья беспокойно затрепетали.

— Мне всегда нравились эти брюки.

Сьюли кивнула головой, отметив про себя: открытая шнуровка на бедрах оставляла ноги почти голыми. Несомненно, имплантированные Роджеру стероиды делали свое дело.

— А вот кое-что еще, — сказала она, открывая футляр гитары.

— Ты мне поиграешь?

— Нет, Роджер. Играть будешь ты.

— Я не умею играть на гитаре, Сьюли, — возразил он.

Она рассмеялась.

— Я говорила с Брэдом, — ответила она, — и думаю, что ты будешь приятно удивлен. Знаешь ли,

Роджер, ты не просто другой. Ты лучше. Возьми, к примеру, свои пальцы.

— А что с моими пальцами?

— Ну, я играю на гитаре с девяти лет, и если сделаю перерыв хотя бы на пару недель, то подушечки пальцев размягчаются, и все приходится начинать снова. А твоим пальцам это не нужно, они достаточно твердые и сильные, чтобы с первого раза идеально брать лады.

— Это все замечательно, — ответил Роджер, — но я даже не понимаю о чем ты говоришь. Что такое «брать лады»?

— Прижимать струну к ладам. Вот так, — и она сыграла соль, потом ре и до. — Попробуй сам. Только не очень сильно, это хрупкий инструмент.

Он провел кончиком пальца по открытым струнам, как это делала она.

— Замечательно, — Сьюли захлопала в ладоши. — Теперь возьми аккорд соль. Безымянный палец на третьем ладу верхней ми, вот здесь. Указательный на втором ладу ля. Средний на третьем ладу нижней ми.

Она поставила его палец.

— Теперь давай.

Он провел по струнам и поднял на нее взгляд.

— Эй, здорово.

— Не здорово, — поправила она с улыбкой, — а идеально. Теперь, вот аккорд до-мажор. Указательный на втором ладу си, средний здесь, безымянный здесь… Хорошо. А вот ре: указательный и средний на соль и ми, безымянный на один лад ниже, на си… Снова отлично. А теперь сыграй мне соль.

К своему изумлению, Роджер сыграл идеальный соль-мажор.

Сьюли усмехнулась.

— Видишь? Брэд был прав. Если ты раз сыграл аккорд, ты его выучил: 3070 помнит его за тебя. Тебе достаточно будет только подумать «соль-мажор», и твои пальцы сами его сыграют. Ты уже ушел на три месяца вперед по сравнению со мной, — с притворной завистью добавила она, — когда я первый раз взяла в руки гитару.

— А это неплохо, — заметил Роджер, пробуя все три аккорда по очереди.

— Это только начало. Сыграй-ка четыре такта, ну, та-рам-па-пам. Соль-мажор, — она послушала и кивнула головой. — Отлично. А теперь сыграй так: два раза соль, соль, соль, соль, потом до, до, соль, соль, и еще раз соль, соль, соль, соль… Отлично. Еще разок, только после до, до сыграй ре,

ре, и ре, ре, ре, ре… Отлично. А теперь обе вместе, одну за другой…

Роджер заиграл, а Сьюли стала подпевать:

— *Кумбайя, бо-оже, Кумбайя! Кумбайя, бо-оже, Кумбайя…*

— Эй! — восхищенно крикнул Роджер.

Сьюли с притворной строгостью покачала головой.

— Трех минут не прошло, как взял в руки гитару, а туда же, аккомпанирует. Вот, я принесла тебе ноты, несколько простеньких песен. К моему возвращению ты должен все их играть, и тогда мы с тобой займемся аппликатурой, глиссандо и портаменто.

Она показала, как читать табулятуру каждого аккорда, и оставила счастливого музыканта ломать голову над первыми шестью обращениями фа-мажор.

За дверью палаты она задержалась, сняла контактные линзы, потерла глаза и отправилась в кабинет директора. Секретарша Скэньона махнула рукой: проходи, мол.

— Гитара его осчастливила, генерал, — доложила Сьюли. — А вот жена, кажется, не очень.

Верн Скэньон кивнул головой, и нажал кнопку коммуникатора. Микрофон, расположенный в

палате Роджера, донес аккорды «Кентукки Бэби». Генерал снова щелкнул выключателем.

— С гитарой ясно, майор Карпентер. Что с его женой?

— Боюсь, что он ее любит, — помедлив, ответила она. — До определенного момента у него все в порядке. Но дальше, кажется, нас ждут хлопоты. Я могу поддерживать его, пока он еще здесь, в институте, но он долгое время будет далеко отсюда, и… не знаю, я…

— Прекратите мямлить, майор! — резко бросил Скэньон.

— Я думаю, что он будет невероятно тосковать. Уже сейчас дела идут неважно. Я наблюдала, как он смотрел эту запись. Даже не пошевелился, сидел страшно сосредоточенный, чтобы ничего не упустить. А когда он будет в сорока миллионах миль от нее… Ну что ж. Я все понимаю, генерал. Я смоделирую это на компьютере, и тогда, может быть, смогу сказать вам больше. Но мне не по себе.

— Ей не по себе! — рявкнул Скэньон. — Да Дэш меня всухую трахнет, если мы его отправим, а он там облажается!

— А что я должна вам сказать, генерал? Подождите, пока я не прогоню моделирование. Тогда,

может быть, я буду знать, что делать, — она уселась, не дожидаясь приглашения, и потерла лоб ладонью. — Двойная жизнь дорого обходится, генерал. Восемь часов в роли санитарки и восемь — в роли психоаналитика… это не шутка.

— Десять лет дежурным по штабу в Антарктиде — еще более не шутка, — кротко ответил Скэньон.

Президентский сверхзвуковой вышел на крейсерскую высоту, тридцать один километр, и разогнался до максимума, за три Маха с хвостиком, куда быстрее, чем положено даже президентскому СиБи-5. Президент торопился.

Конференция на высшем уровне на острове Мидуэй только что окончилась полным провалом. Вытянувшись в кресле, Дэш закрыл глаза и притворился спящим, чтобы сопровождавшие его сенаторы не жужжали над ухом. Президент мрачно обдумывал стоящие перед ним альтернативы. Их было немного.

Он не возлагал на конференцию особых надежд, но началась она очень многообещающе. Австралийцы дали понять, что готовы согласиться на ограниченное сотрудничество с ННА в освоении Внутренней пустыни, при условии соответствующих гарантий и т. п. Делегаты ННА

пошептались между собой и сообщили, что с радостью предоставят такие гарантии, поскольку их истинной целью является максимальное удовлетворение жизненных потребностей всего населения земного шара, независимо от отживших свое государственных границ и т. п. Сам Дэш, отмахнувшись от обложивших его советников, заявил, что Америка считает своей целью на этой конференции исключительно выражение дружеской поддержки двум возлюбленным ближним своим, и не требует для себя ничего кроме и т. д. и т. п. Какое-то время — около двух часов — казалось, что конференция может принести конкретные, плодотворные результаты.

Потом делегаты перешли к частным вопросам. Азиаты предложили миллионную Земледельческую Армию плюс поток танкеров, везущих из шанхайских клоак три миллиона галлонов сгущенных нечистот в неделю. Австралийцы согласились на удобрения, но потребовали ограничить максимальное количество земледельцев из Азии пятидесятью тысячами. Кроме того, они вежливо указали на то, что раз уж земля австралийская и солнце тоже австралийское, то и выращенная пшеница будет принадлежать Австралии. Советник из Госдепартамента на-

помнил Дэшу об американских обязательствах перед Перу, Дэш с тяжелым сердцем поднялся и настойчиво попросил минимум пятнадцатипроцентных поставок для ближних своих из Южной Америки. И температура стала подниматься. Последней соломинкой стала катастрофа рейсового самолета ННА, который, едва оторвавшись от взлетной полосы на Сэнд Айленд, врезался в стаю черноногих альбатросов, упал на маленький островок в лагуне и взорвался, прямо на глазах участников конференции, наблюдавших за этим с крыши «Холидей Инн». После этого посыпались резкие выражения. Японский член делегации ННА позволил себе высказать то, о чем до сих пор только думал: настойчивое желание американцев провести конференцию на месте одной из величайших битв второй мировой — хорошо рассчитанное оскорбление азиатских участников. Австралийцы добавили, что они без особых хлопот контролируют собственные популяции диких птиц, и удивлены, что американцы не в состоянии сделать то же самое. Итак, наивысшим достижением трех недель подготовки и двух дней надежды стало скупое коммюнике о том, что три великие державы решили продолжать переговоры. Когда-нибудь. Где-нибудь. Не скоро.

Все это означает, признался себе Дэш, беспокойно ворочаясь в кресле, что они стоят перед конфронтацией. Кто-то должен уступить, но никто не хочет.

Он «проснулся» и попросил кофе. Вместе с кофе принесли записку на бланке «воздушного» Белого Дома, от кого-то из сенаторов: «Г-н президент, мы должны решить вопрос с объявлением районов бедствия».

Дэш смял бумажку. Снова этот сенатор Толлтри со своими жалобами: озеро Альтус усохло до двадцати процентов от своей нормальной площади, туризм в горах Арбакль приказал долго жить, потому что в водопадах Тернера кончилась вода. Весенние Государственные Торги придется отменить из-за пыльных бурь, а Оклахому следует объявить районом стихийного бедствия. У меня пятьдесят четыре штата, подумал Дэш, и если послушать всех сенаторов и губернаторов, то мне пришлось бы объявить пятьдесят четыре района стихийных бедствий. На самом деле есть только один район стихийного бедствия, просто он охватывает весь мир.

И я еще рвался на этот пост, с иронией подумал он.

Вспомнив об Оклахоме, он кстати вспомнил и о

Роджере Торравэе, и на мгновение заколебался: а не вызвать ли пилота и не повернуть ли на Тонку. Но встреча с Комитетом Начальников Штабов не могла ждать. Придется обойтись телефонным звонком.

Роджер понимал, что на самом деле на гитаре играет не он, а схватывающий все на лету 3070, который и приказывает пальцам делать то, чего хочет мозг Роджера. Ему понадобилось меньше часа, чтобы выучить все аккорды из песенника и свободно играть любую последовательность. Еще пара минут ушла на запись в банке памяти временных обозначений на нотном стане. После этого встроенные часы взяли темп на себя, и больше ему не приходилось задумываться над ритмами. Если говорить о мелодиях — он просто посмотрел, какой лад на какой струне соответствует какой ноте, и однажды записанное в магнитных сердечниках соответствие между нарисованным значком и струной отпечаталось в памяти навсегда. Сьюли потратила десять минут, чтобы показать ему, когда нужно играть на полтона выше, а когда — на полтона ниже, и с этого времени в галактике диезов и бемолей, рассыпанных вокруг нотных ключей и по нотному стану, для него не осталось никаких секретов.

Аппликатура: человеческой нервной системе нужно две минуты, чтобы запомнить основы теории и сто часов практики, прежде чем движение станет автоматическим: большой палец на Ре, безымянный на Ми первой октавы, средний на Си, большой на Ля, безымянный на Ми большой октавы, средний на Си и так далее. Роджеру хватало двух минут теории. Дальше его пальцами управляли подпрограммы, и единственным ограничением темпа была скорость, с которой струна может издать звук, не лопнув.

Он как раз играл по памяти (один раз прослушав запись) концерт Сеговии, когда позвонил президент.

В свое время Роджер подскочил бы до потолка при одной вести о том, что с ним хочет поговорить президент Соединенных Штатов. Сейчас он рассердился — звонок оторвал его от гитары. Он почти не слушал, что говорил ему президент. Роджера поразило усталое лицо Дэша, глубокие морщины, которых не было еще несколько дней назад, мешки под глазами. Потом он сообразил, что это системы интерпретации выделяют перемены, чтобы привлечь его внимание. Он взял управление на себя и посмотрел на Дэша без ретуши.

Президент все равно казался усталым. Когда он интересовался у Роджера, как идут дела, его голос был сама сердечность и дружба. Не нужно ли Роджеру чего-нибудь? Может быть, пнуть чью-то задницу, чтобы дела пошли еще лучше?

— Я чувствую себя превосходно, господин президент, — ответил Роджер, с помощью своих волшебных очков смеха ради переодев президента в Санта-Клауса, с белой бородой, в красном колпаке и с неизменным мешком подарков через плечо.

— Это точно, Роджер? — настаивал Дэш. — Не забывай, что я тебе говорил: если что-то нужно, только скажи.

— Скажу, — пообещал Роджер. — Но я и в самом деле чувствую себя превосходно. С нетерпением жду старта.

И чтобы ты положил трубку, добавил он про себя. Этот разговор ему уже наскучил.

Президент нахмурился, и интерпретаторы Роджера тут же изменили картинку: Дэш остался Санта-Клаусом, только с угольно-черной рожей и огромными клыками.

— А ты не слишком самоуверен, мальчик мой?

— Даже если и так, откуда мне знать? — резонно возразил Роджер. — Кажется, нет. Спросите

лучше у местного персонала, они знают обо мне больше, чем я сам.

Пару фраз спустя ему все-таки удалось закончить разговор. Роджер понимал, что президент чем-то неудовлетворен и испытывает смутное беспокойство, но ему было все равно. А что мне не все равно? Такого все меньше и меньше, подумал он. Он не соврал президенту — он действительно нетерпеливо ждал старта. Ему будет не хватать Сьюли и Клары. Где-то в глубине души, когда вспоминал о опасностях долгого путешествия, он чувствовал слабое беспокойство. Но его поддерживало предвкушение того, что ждет в конце пути: планета, для которой он создан.

Он взял гитару и снова принялся за Сеговию, но дело шло не так гладко, как хотелось. Немного погодя Роджер сообразил, что идеальный слух тоже может быть недостатком: гитара Сеговии была неточно настроена, ля звучала не с частотой 440 раз в секунду, а на несколько герц ниже, а ре соответственно еще почти на четверть тона ниже. Он пожал плечами (за спиной заколыхались крылья летучей мыши) и отложил гитару.

С минуту он, выпрямившись, сидел на своем стульчике для игры на гитаре, без подлокотников и с прямой спинкой. Собирался с мыслями.

Что-то его беспокоило. Кто-то. По имени Дори. Игра на гитаре была приятным занятием, она отвлекала и успокаивала, но за удовольствием скрывалось другое… фантазия, мечта: он сидит на палубе парусной лодки, вместе с Дори и Брэдом, как бы между прочим берет у Брэда гитару, и удивляет их всех.

Каким-то загадочным образом все дороги в его жизни вели к Дори. Игра на гитаре должна была доставить Дори удовольствие. Он выглядел страшно потому, что выглядел страшно для Дори. Трагичность кастрации была в том, что он стал бесполезным для Дори. Все это уже почти отболело, и его нынешний взгляд на вещи был бы совершенно немыслимым, скажем, еще пару недель назад, но все равно — в глубине души еще скребли кошки.

Он потянулся к телефону и отдернул руку.

Телефонный звонок не поможет. Он уже пробовал.

Он хотел увидеть ее собственными глазами.

Конечно, это было невозможно. За пределы института выходить ему было запрещено. Верн Скэньон взбесится. Охранники остановят его у выхода. Телеметрия немедленно выдаст его действия, электронная система внутренней без-

опасности обнаружит каждый его шаг. Институт приложит все силы, чтобы не выпустить его.

И нет никакого смысла просить разрешения. Даже у Дэша. В лучшем случае это кончится тем, что по приказу президента разъяренную Дори силком приволокут к нему в палату. Роджеру не хотелось, чтобы Дори насильно заставляли идти к нему, и он был уверен, что ему не разрешат навестить ее.

С другой стороны…

С другой стороны, на кой черт мне их разрешение, подумал он.

Он еще с минуту неподвижно, как изваяние, сидел на своем стуле с прямой спинкой, и думал.

Потом аккуратно положил гитару в футляр и приступил к действиям.

Сначала он наклонился у стены, вытащил из сети вилку и сунул палец в розетку. Медный ноготь сработал не хуже гвоздя, предохранители вылетели. Свет погас, тихое журчание и шелест катушек аппаратуры затихли. Комната погрузилась в темноту.

Но оставалось еще тепло, а такого освещения было вполне достаточно для глаз Роджера. Он видел достаточно, чтобы сорвать с себя датчики телеметрии. Клара Блай как раз собралась пе-

рекусить, и наливала в кофе сливки; когда она обернулась на загудевшую панель мониторов, Роджер был уже за дверью палаты.

С предохранителями вышло лучше, чем он планировал — свет погас и снаружи. В коридоре были люди, но они не видели в темноте. Прежде чем они сообразили, что случилось, Роджер уже проскользнул мимо них и понесся по пожарной лестнице, перепрыгивая через четыре ступеньки. Сейчас его тело двигалось раскованно и грациозно. Вот когда пригодились балетные классы Кэтлин Даути! Пританцовывая, он сбежал с лестницы, стремительным плие проскользнул в двери, промчался по коридору, вылетел в холодную ночь и был таков — охранник у входа не успел даже оторвать глаз от телевизора.

Роджер был свободен, со скоростью сорок миль в час он мчался по автостраде к городу.

Ночь сияла невиданными прежде огнями. Над головой висел толстый слой облаков, низкие кучевые облака, которые гнал ветер с севера, а над ними еще средние кучевые облака, и все равно, он видел туманное свечение, там, где пробивались лучи самых ярких звезд. По обочинам, отдавая остатки дневного тепла, светилась призрачным светом прерия Оклахомы, яркими пятнами сияли

дома. За каждой проезжавшей машиной тянулся пышный светящийся плюмаж, яркий, искристый у самой выхлопной трубы, и постепенно багровеющий с удалением, по мере того, как горячие выхлопные газы остывали в морозном воздухе. Добравшись до города, он без труда различал — и обегал стороной — случайных пешеходов, тускло светящихся от собственного тепла, призрачных, как фонарики в ночь на Хеллоуин. Закатное солнце почти не согрело окружающих зданий, но изнутри пробивалось тепло центрального отопления, и дома горели, как светлячки.

Он остановился на углу улицы, где стоял его дом. Напротив крыльца стояла машина, внутри сидело двое. В голове вспыхнул сигнал тревоги, и машина превратилась в танк, нацеливший пушку прямо на него. Никаких проблем. Он сменил курс, пробежал задними дворами, перепрыгивая заборы, проскальзывая в калитки, а у своего дома выпустил медные ногти и вскарабкался прямо по стене.

Именно этого ему и хотелось. Не просто ускользнуть от людей в машине напротив крыльца, а исполнить свою мечту: миг, когда он вскочит в окно, и застанет Дори… за чем?

Во всяком случае, он застал ее после ванны, со

слипшимися от краски волосами, за телевизором, глядящей ночной канал. Она устроилась в кровати с одиноким блюдечком мороженого.

Когда он поднял незапертую раму и влез внутрь, она обернулась.

И завизжала.

Это был не просто визг, это был приступ истерии. Дори выронила мороженое и подпрыгнула до потолка. Телевизор перевернулся и грохнулся на пол. Всхлипывая, Дори забилась в дальний угол, плотно закрыв глаза стиснутыми кулачками.

— Извини, — попытался утешить ее Роджер. Ему хотелось приблизиться, но здравый смысл превозмог. В полупрозрачном халатике и крошечных трусиках она казалась очень беспомощной и привлекательной.

— Извини, — выдавила она, глянула на него, поспешно отвернулась и на ощупь, наталкиваясь на мебель, пробралась в сторону ванной. Хлопнула дверь.

Что ж, ее трудно обвинить, подумал Роджер. Он прекрасно понимал, какое представлял собой кошмарное зрелище, внезапно вломившись в окно.

— Ты же говорила, что знаешь, какой я те-

перь, — окликнул он.

Из ванной не донеслось ни слова. Стало слышно, как побежала вода. Он огляделся по сторонам. Комната выглядела, как обычно. Шкаф, как всегда, был набит ее платьями и его костюмами. Под диваном не прятался ни один любовник. Было немного стыдно обшаривать комнату, словно рогоносец из «Декамерона», но он не останавливался, пока не убедился, что в доме она была одна.

Зазвонил телефон.

Реакция Роджера была мгновенной. Не успело прозвенеть первое «дзрррр», как он схватил трубку, да так быстро и резко, что она смялась у него в руке, как бумажная. Экран мигнул и погас: его цепи были связаны с трубкой. «Алло?» — машинально произнес Роджер. Ответа не было — по этому аппарату, кажется, уже никто никуда не позвонит. Он об этом позаботился.

— О Господи, — выдавил он. Он не представлял себе заранее, какой же будет их встреча, но одно было очевидно — началась она неважно.

Когда Дори вышла из ванной, она уже не плакала, но и говорить с ним, кажется, была не в настроении. Даже не взглянув на него, она отправилась на кухню.

— Я налью себе чаю, — пробормотала она через плечо.

— Может, тебе сделать чего-нибудь покрепче? — с надеждой спросил Роджер.

— Не надо.

Роджер слышал, как она наливает воду в электрический чайник, слабое сипение, когда чайник начал закипать. Несколько раз она кашлянула. Он прислушался сильнее и услышал ее дыхание. Оно становилось медленнее и спокойнее.

Он сел на свой любимый стул и подождал немного. Мешали крылья. Хотя они автоматически поднимались у него над головой, он не мог опереться на спинку. Потом поднялся и беспокойно заходил по спальне. Вышел в гостиную. Через открытые двери донесся голос жены:

— Ты будешь чай?

— Нет, — ответил он. Потом добавил: — Нет, спасибо.

Он с огромным удовольствием выпил бы чаю, не потому, что нуждался в жидкости или в питательных веществах, а просто ради того, чтоб, как нормальный человек, как раньше, попить чаю вместе с Дори. Но его новое тело не привыкло обращаться с блюдцами и с чашками, и ему очень не хотелось казаться неловким и неумелым, рас-

плескивая чай.

— Где ты? — она замерла на пороге, с чашкой в руках. Затем разглядела его: — Аа… Почему ты не включишь свет?

— Не хочу. Сядь, маленькая, и закрой глаза на минуту, — ему в голову пришла мысль.

— Зачем?

Она все же повиновалась и уселась в кресло у газового камина. Он поднял кресло вместе с ней, и повернул его так, что она оказалась лицом к стене. Потом оглянулся вокруг, высматривая, на что бы сесть самому — ничего подходящего не было; подушки на полу, кресла — все это не подходило ни для его тела, ни для его крыльев. С другой стороны, у него не было особой нужды сидеть. Такой вид отдыха требовался его искусственным мускулам очень редко.

Поэтому он просто встал у нее за спиной.

— Лучше, когда ты на меня не смотришь.

— Я понимаю, Роджер. Ты меня просто напугал, вот и все. Я не думала, что ты вот так вломишься в окно! И потом, мне не надо было настаивать на том, чтобы увидеть тебя — я хочу сказать, вот так, без этих… без этой истерики, так, наверное.

— Я знаю, как я выгляжу, — ответил он.

— Но ведь это все еще ты, верно? — сказала Дори

в стену. — Хотя раньше тебе, кажется, не приходилось влезать ко мне в кровать через окно.

— Это не так уж сложно, как кажется, — он попытался заставить свой голос звучать хотя бы чуть-чуть беззаботно.

— А теперь, — она отпила глоток чая, — расскажи мне. Из-за чего все это?

— Я хотел увидеть тебя, Дори.

— Ты видел меня. По телефону.

— Я не хочу смотреть на тебя по телефону. Я хочу быть в одной комнате с тобой.

Он хотел больше, он хотел коснуться ее, хотел протянуть руки, дотронуться до ложбинки у нее на затылке, гладить шею, плечи, массировать, ощущать, как ее тело расслабляется… но он не смел этого. Он нагнулся и зажег в камине газ, не столько для тепла, сколько для света, чтобы Дори лучше видела. И для уюта.

— Наверное, не надо этого делать, Роджер. Тысяча долларов штрафа…

— Только не для нас, Дори, — рассмеялся он. — Если к тебе ктонибудь прицепится, позвони Дэшу и скажи, что я разрешил.

Она потянулась за сигаретами, лежавшими на краю стола, закурила.

— Роджер, дорогой, — начала она, помолчав. —

Я не привыкла ко всему этому. Я не имею в виду — как ты выглядишь. Это я понимаю. Это тяжело, но по крайней мере я заранее знала, что это будет. Даже если и не предполагала, что это будешь именно ты. Но я не могу привыкнуть к тому, что ты теперь такой… даже не знаю, важный?

— Я тоже не могу к этому привыкнуть, Дори, — он невольно подумал о телерепортерах и толпах народу, когда они возвратились на Землю, после того, как спасли русских. — Сейчас все по-другому. Видишь, сейчас я чувствую, будто несу на своих плечах… весь мир, может быть.

— Дэш говорит, что именно это ты и делаешь. Половина того, что он говорит — чушь собачья, но кажется, в этом он не соврал. Теперь ты очень важный человек, Роджер. Знаменитым ты был и раньше. Может быть, потому я и вышла за тебя замуж. Но то было… будто быть рокзвездой, понимаешь? Это было здорово, но ты мог бросить все и уйти, если тебе надоест. А сейчас ты не можешь бросить.

Она раздавила сигарету в пепельнице.

— Так или иначе, ты здесь, а в институте, наверное, уже с ума сходят.

— Это я переживу.

— Пожалуй, да, — задумчиво заметила она. —

Ну, так о чем мы будем говорить?

— О Брэде, — ответил он. Он не собирался говорить этого. Слово само, помимо воли, вырвалось из искусственной гортани и слетело с перекроенных губ.

Она напряглась. Это было заметно.

— А что с Брэдом? — спросила она.

— Ты с ним спишь, вот что.

Затылок Дори тускло зарделся, и он знал, что на ее лице сейчас проступает предательская сеть жилок. Пляшущие в камине огоньки притягательно отсвечивали на темных волосах; он пристально рассматривал эти отблески, словно его ничуть не интересовало ни только что сказанное им, ни то, что ответит его жена.

— Я в самом деле не знаю, как нам быть, Роджер. Ты сердишься?

Он молча следил за пляшущими оттенками.

— В конце концов, мы уже давно об этом договорились, Роджер. У тебя были свои романы, у меня — свои. И мы договорились, что забудем об этом.

— Нельзя забыть, если это приносит боль, — он приказал глазам закрыться, и с облегчением погрузился во тьму, сосредотачиваясь на мыслях. — Раньше было по-другому.

— По какому другому? — сердито переспросила

она.

— По-другому, потому что мы поговорили о них и забыли, — настойчиво повторил он. — Когда я был в Алжире, а ты не смогла вынести местный климат, это было одно. Чем ты занималась здесь в Тонке, и что я делал в Алжире, ничего не значило для нас с тобой. Когда я был на орбите…

— Я никогда ни с кем не спала, пока ты был на орбите!

— Я знаю, Дори. Очень мило с твоей стороны. Я говорю серьезно, потому что иначе это было бы просто несправедливо, а? Я хочу сказать, что мои возможности там наверху были весьма ограничены. Юлик Бронин был несколько не в моем вкусе. Но теперь все по-другому! Как будто я снова на орбите, только еще хуже. У меня нет даже Юлия! У меня не то, что нет женщины, я потерял всю свою оснастку, даже если б женщина и была.

— Я знаю, — жалобно ответила она. — И чего ты от меня хочешь?

— Хочу, чтоб ты сказала, что будешь мне верной женой! — рявкнул он.

Это перепугало ее. Он забыл, каким может быть его голос. Дори тихо заплакала.

Его руки протянулись было к ней — и опустились. Что толку?

О Господи, подумал он. Какой кошмар! Единственным утешением было то, что разговор протекал в тишине их собственного дома, втайне от других. Если бы рядом был хоть один свидетель, это было бы непереносимо. Естественно, мы — мы слышали каждое слово.

Глава 12. ДВЕ МОДЕЛИ И ОДНА РЕАЛЬНОСТЬ

Своими медными пальцами Роджер высадил не просто предохранитель. Он закоротил целый распределительный щиток. Потребовалось двадцать минут, чтобы снова включить свет.

К счастью, у 3070-го был резервный источник питания для памяти, поэтому ферритовые матрицы не стерлись. Проводившимися в тот момент вычислениями пришлось пожертвовать, их придется прогонять заново. Автоматическая система слежения бездействовала еще долго после того, как Роджер сбежал.

Одной из первых о том, что случилось, узнала Сьюли Карпентер. Она прилегла подремать в кабинете рядом с машинным залом, дожидаясь, пока моделирование Роджера закончится. Моделирование так и не закончилось. Ее разбудил звон сигналов, извещавших о сбое в обработке информации. Яркие трубки дневного света погасли, в темноте уныло мерцали только красные аварийные лампы.

Первое, что пришло ей в голову — ее драгоцен-

ные расчеты. Она полчаса провела с программистами, в слабой надежде просмотрела распечатки того, что удалось просчитать, потом махнула рукой и бросилась в кабинет Скэньона. Там-то она и узнала, что Роджер сбежал.

К этому времени свет включили. Он зажегся, когда она мчалась вверх по пожарной лестнице, перескакивая через две ступеньки. Скэньон уже сидел на телефоне, собирая кандидатов в козлы отпущения на срочное совещание. О Роджере Сьюли узнала от Клары Блай; остальные, собиравшиеся один за одним, тоже немедля вводились в курс дела. Единственной крупной фигурой, оказавшейся в этот момент вне института, был Дон Кайман. Его разыскали дома, сидящим у телевизора. Из физиотерапии в подвале пришла Кэтлин Даути и приволокла с собой Брэда, розового и распаренного — он как раз пытался компенсировать ночь без сна часом в сауне. Фрилинг был на Меррит Айленд, но в нем особой нужды не было. Пришло еще с пяток сотрудников. Кто уныло, кто беспокойно, они расселись в кожаных креслах вокруг стола.

Скэньон уже поднял в воздух разведывательный вертолет ВВС, обшаривать окрестности института. Телекамеры вертолета скользили по

автостраде, подъездным путям, стоянкам, полям, прерии, и все, что они видели, отражалось на большом телеэкране в конце кабинета. Полицию Тонки подняли по тревоге, на поиски странного существа, похожего на черта и передвигающегося со скоростью семьдесят километров в час. Дежурный сержант полиции попутно нарвался на неприятности. Он допустил серьезную ошибку, поинтересовавшись у институтского офицера службы безопасности, сколько тот выпил. Десять секунд спустя, окрыленный перспективой по гроб жизни топтать асфальт на Аляске, он уже лихорадочно вызывал по радио все патрульные машины. Полицейским было запрещено арестовывать Роджера и даже приближаться к нему. Они должны были только найти его.

Теперь Скэньону нужен был козел отпущения.

— Вы ответите за это, доктор Рамес, — зарычал он на старшего психоаналитика. — Вы и майор Карпентер. Как вы могли допустить, чтобы Роджер выкинул такой номер, без всякого предупреждения?

— Генерал, я же говорил вам, что Роджер нестабилен в отношении к своей жене, — примирительно начал Рамес. — Вот почему я попросил прислать сюда кого-нибудь вроде Сьюли. Ему

нужно было зафиксироваться на другом объекте, на ком-то, непосредственно связанном с программой…

— Но что-то не сработало, да?

Сьюли перестала вслушиваться. Она отлично понимала, что будет следующей, но ей нужно было кое-что продумать. За спиной Скэньона скользил вид с вертолета, вернее, схема, дороги обозначались зелеными линиями, машины — синими точками, здания — желтыми. Несколько случайных прохожих были красными. Если одна из красных точек вдруг начнет двигаться со скоростью синих, то есть машин, это наверняка будет Роджер. Но у него было вполне достаточно времени, чтобы оказаться вне досягаемости камеры.

— Пусть проверят город, генерал, — перебила она.

Он свирепо глянул на нее, но трубку снял и приказ отдал. Положить трубку на место так и не получилось — генерала ждал входящий звонок, на который он не мог не ответить.

Телли Рамес поднялся из своего кресла рядом с директорским, и подошел к Сьюли Карпентер. Та даже не подняла головы, погрузившись в стопку распечаток моделирования. Рамес терпеливо

ждал.

Директору звонил президент Соединенных Штатов. Это было ясно, даже если не видеть крошечного Дэша на крошечном экране, на столе у директора: достаточно было посмотреть на крупные капли пота, покатившиеся по лбу Скэньона. До них доносились обрывки слов президента: «…говорил с Роджером, он показался — не знаю, каким-то равнодушным. Я тут подумал, Верн, и решил позвонить тебе. Все идет по плану?»

Скэньон сглотнул, огляделся по сторонам и резко принялся разворачивать звукоизолирующие лепестки трубки. Изображение съежилось до размеров почтовой марки. Голос президента стих совсем, теперь параболический излучатель направлял звук точно в лицо Скэньону, а голос самого Скэньона поглощался лепестками вокруг микрофона. Что, впрочем, не мешало присутствующим следить за ходом разговора — все было написано у генерала на лице.

Сьюли оторвалась от распечаток и посмотрела на Рамеса.

— Оторвите его от телефона, — нетерпеливо начала она. — Я знаю, где Роджер.

— Дома, у жены, — ответил Рамес.

Сьюли устало потерла глаза.

— Можно было догадаться и без моделирования, правда? Извини, Телли. Кажется, я держала его на крючке не так крепко, как мне казалось.

Они были совершенно правы. Конечно, мы-то и так это знали. Как только Скэньон переговорил с президентом, позвонила служба безопасности: через жучок в спальне Дори они услышали, как Роджер влезает в окно.

В маленьких желтых глазках Скэньона предательски блеснули слезы.

— Включите звук на мониторы, — распорядился он. — Камеру на дом.

Потом генерал переключил телефон на внешнюю линию и набрал номер Дори.

Из громкоговорителя донесся звонок, потом что-то хрустнуло. «Алло?» — проскрипел механический голос Роджера. Мгновение спустя, немного тише, но так же бесцветно прозвучало: «О Господи».

Скэньон отдернул трубку и потер ухо.

— Это еще что за черт?

Никто не ответил на его риторический вопрос, и генерал опасливо положил трубку на место.

— Кажется, на линии какие-то помехи, — объявил он.

— Мы можем послать туда человека, генерал, —

предложил помощник по безопасности. — Там перед домом в машине сидят двое наших.

Скользившее по экрану изображение успокоилось, и вертолет с камерой завис в 1800 футах над зданием городского суда. Камера работала в инфракрасном режиме; в верхнем углу экрана виднелась широкая темная полоса Корабельного канала, обозначавшая окраину города, а темный прямоугольник в центре экрана, окруженный движущимися огоньками машин, был площадью перед зданием суда. Дом Роджера был помечен красным пунктирным крестиком. Помощник вытянул руку, указав на светлую точку рядом с домом.

— Мы с ними на связи, генерал, — продолжал он. — Но они не видели, как полковник Торравэй вошел в дом.

— Я бы не советовала делать это, — поднялась Сьюли.

— Ваши советы вышли у меня из доверия, майор Карпентер, — огрызнулся Скэньон.

— И тем не менее, генерал…

Скэньон вскинул руку, и она замолкла.

Из мониторов еле слышно донеслись слова Дори: «Я налью себе чаю». Потом голос Роджера: «Может, тебе сделать чего-нибудь покрепче?».

Почти неразличимое «Не надо».

— Тем не менее, генерал, — повторила Сьюли. — Сейчас он достаточно стабилен. Вы можете все испортить.

— Я не могу позволить ему сидеть там! Кто может знать, что он еще выкинет, черт возьми? Может быть, вы?

— Вы уже засекли его. Не думаю, что он двинется куда-то еще, во всяком случае пока. Дон Кайман недалеко от них, и он их друг. Попросите его заехать за Роджером.

— У Каймана нет боевой подготовки.

— Вот вы чего хотите? И что же именно вы будете делать, если Роджер не захочет вернуться по-хорошему?

Ты будешь чай?

Нет… Нет, спасибо.

— И выключите это, — добавила Сьюли. — Дайте бедняге хоть немного побыть с ней наедине.

Скэньон медленно опустился в кресло и очень аккуратно пристукнул обеими ладонями по столу. Затем он еще раз поднял трубку и отдал приказ.

— Пусть еще раз будет по-вашему, майор, — заметил он. — Не потому, что я доверяю вашим советам, просто нет другого выхода. Я не стану

пугать вас возможными карами. Если мы еще раз проморгаем, вряд ли я останусь в том положении, чтобы кого-то наказать. Но об этом найдется кому позаботиться, я вам обещаю.

— Я понимаю ваше положение, сэр, — начал Телесфоро Рамес, — но мне кажется, что это несправедливо по отношению к Сьюли. Модель показывала, что у него должно произойти столкновение с его женой.

— Смысл моделирования в том, доктор Рамес, чтобы предсказывать события до того, как они происходят.

— Кроме того, результаты показывают, что во всех остальных отношениях Торравэй достаточно устойчив. Он справится с этим, генерал.

Скэньон снова принялся похлопывать по столу.

— Он сложная личность, — продолжал Рамес. — Вы видели результаты его тестов тематического восприятия, генерал. Очень высокие показатели по основным побуждениям, достижению, вовлечению… по власти несколько меньше, но в пределах нормы. Он не манипулирует другими. Он интроспективен. Он тщательно обдумывает свои решения. Именно этих качеств вы хотели, генерал. Ему не обойтись без них. Но не станете

же вы требовать, чтобы он был одной личностью в Оклахоме, и совершенно другой — на Марсе.

— Если не ошибаюсь, вы с вашей модификацией поведения обещали мне именно это.

— Вовсе нет, генерал, — терпеливо пояснил психиатр. — Я обещал только, что если вы сделаете ему подарок наподобие Сьюли Карпентер, он легче смирится с проблемами, которые у него были с женой. Так и получилось.

— У поведенческой модификации своя динамика, генерал, — вставила Сьюли. — Со мной вы немного запоздали.

— Вы что? — свирепо переспросил Скэньон. — Хотите сказать, что на Марсе он все-таки тронется?

— Надеюсь, что нет. Мы сделали для этого все, что было в наших силах. Он избавился от кучи всякого дерьма — можете взглянуть на его последние ТТВ. Но через шесть дней он улетит, и я исчезну из его жизни. А это неправильно. П-модификацию никогда нельзя прерывать резко. Это нужно делать постепенно — он должен видеть меня все реже и реже, но за это время у него будет возможность создать защитные реакции.

Постукивание по столу стало медленнее.

— Поздновато вы меня предупреждаете, — за-

метил Скэньон.

Сьюли пожала плечами и промолчала.

Скэньон задумчиво оглядел собравшихся.

— Ладно. На сегодня мы сделали все, что могли. Все свободны до восьми — нет, скажем, до десяти утра. К этому времени у каждого должен быть готов доклад, не больше трех минут, о том, за что вы отвечаете, и что нам делать дальше.

Дона Каймана нашла полицейская патрульная машина. Она пристроилась сзади, взревев сиреной и сверкая мигалками, а когда он притормозил у тротуара, полицейский передал ему приказ поворачивать к дому Роджера Торравэя.

Дон постучал в двери с некоторым трепетом, не представляя, что ждет его внутри. Из-за двери блеснули глаза Роджера. Стараясь заглянуть через плечо Роджера в квартиру, Кайман невольно зашептал про себя молитву. Он ожидал увидеть… что? Расчлененное тело Дори Торравэй? Разбитую в щепки мебель? Но все, что открылось его глазам — это живая и невредимая Дори, съежившаяся в кресле и явно плачущая. Это даже обрадовало Каймана, потому что он приготовился к гораздо более худшему.

Роджер пошел с ним без всяких возражений.

— Всего хорошего, Дори, — бросил он через

плечо и закрыл дверь, не дожидаясь ответа. Ему не сразу удалось втиснуться в маленький автомобильчик Дона Каймана, но в конце концов крылья все-таки свернулись. Раскладное сиденье пришлось до отказа отодвинуть назад и Роджер скрючился в позе, для нормального человека совершенно неудобоваримой. Конечно, Роджер не был нормальным человеком, и его мышечная система могла справиться с продолжительными перегрузками, каким бы узлом он не завязывался.

Они ехали в молчании почти до самого института. Потом Дон Кайман прочистил горло.

— Ты заставил нас поволноваться.

— Еще бы, — ответил бесцветный голос. Крылья беспокойно зашелестели. — Я хотел ее увидеть, Дон. Это было важно.

— Я понимаю, — Кайман свернул на просторную, пустую стоянку. — Ну и как? Все хорошо?

Маска киборга повернулась к нему. Фасетчатые глаза, отливающие, как черное дерево, смотрели безо всякого выражения.

— Дурак ты, отец Кайман. Что здесь может быть хорошего?

Сьюли Карпентер думала о сне с завистью, как об отдыхе на французской Ривьере. И о том, и о

другом сейчас можно было только мечтать. Она приняла две капсулы амфетаминов и сделала себе укол Б12. Нужную точку на руке она научилась находить уже давно.

Моделирование реакций поведения Роджера было прервано, когда погас свет, и она повторила все заново, с самого начала. Мы не возражали. Это давало нам возможность внести несколько поправок.

Пока шло моделирование, она отмокала под горячим душем в гидротерапии, а потом внимательно просмотрела распечатку. Она умела расшифровывать загадочные сочетания букв и цифр, коды системной диагностики, но в этот раз просто пропустила их и сразу взялась за изложенные понятным языком результаты расчетов. Свою работу она знала отлично.

Ее работа не имела никакого отношения к обязанностям дежурной сестры. Сьюли Карпентер была одной из первых женщин с ученой степенью, работавших в аэрокосмической медицине. Она была доктором медицины, специализировалась по психотерапии и множеству сопутствующих дисциплин, а в космическую программу ушла потому, что на Земле больше не видела заслуживающих внимания занятий. Когда она

прошла подготовку астронавта, ей стало казаться, что таких занятий, кажется, не осталось и в космосе. Исследовательская работа все же имела для нее какую-то ценность, хотя бы и абстрактную, поэтому она попросила о переводе в лаборатории в Калифорнии, и просьба была удовлетворена. В ее жизни было немало мужчин, один или два даже могли сыграть серьезную роль — но не сыграли. По крайней мере, в этом она Роджеру не солгала; вслед за последним болезненным разрывом она просто сократила свой круг знакомств, по крайней мере до тех пор, приказала она себе, пока не повзрослеет настолько, чтобы понять, чего же она хочет от мужчины. Итак, ее электрончик ушел в ответвление от основного тока человеческой жизни, и кружил в замкнутой цепи до тех пор, пока мы не выбрали из сотен тысяч перфокарт именно ее карточку, чтобы дать Роджеру то, в чем он нуждался.

Когда она получила приказ, без всякого предупреждения, этот приказ исходил лично от самого президента. Отказаться от назначения не было никакой возможности, да она и не собиралась. Она только приветствовала перемену. Материнская забота о страждущем приятно тешила ее самомнение; важность задания была очевидна,

уж если она и верила во что-то, так это в марсианскую программу; кроме того, она знала, что занимается профессиональной работой. А профессионализма ей было не занимать. Мы расценивали ее очень высоко, она была одной из главных фигур в нашей игре за выживание расы.

Когда она закончила с моделью Роджера, было уже почти четыре утра.

Пару часов она поспала на кушетке в сестринской. Потом приняла душ, переоделась и надела зеленые контактные линзы. Этот аспект работы не очень-то радует, размышляла она по пути в палату Роджера. Крашеные волосы и другой цвет глаз — это был обман, а она не любила обманывать. Когда-нибудь она сбросит эти линзы, дождется, пока отрастут естественные, светлые волосы… ну, может быть, подкрасит, но самую малость. Она не имела ничего против крашеных волос, ей просто не нравилось притворяться кем-то другим.

Но в палату Роджера она вошла с улыбкой.

— Как хорошо, что ты вернулся. Мы уже соскучились. Ну, как тебе гулять без поводка?

— Неплохо, — ответил механический голос. Роджер стоял у окна, разглядывая комья пере-

кати-поле, скачущие по автостоянке. Потом повернулся к ней:

— Ты знаешь, все правильно, все, что ты говорила. Сейчас я стал не просто другим — я стал лучше.

Она подавила желание немедленно подтвердить и усилить его слова, улыбнулась и принялась собирать простыни.

— Я беспокоился о сексе, — продолжал он. — И знаешь что, Сьюли? Это как будто бы сказали, что мне на два года нельзя есть икру. Я не люблю икру. И если уж об этом зашла речь, сейчас мне не нужен и секс. Вы, наверное, заложили это в компьютер. «Понизить сексуальное влечение, увеличить эйфорию», верно? Неважно, просто до моих птичьих мозгов наконец дошло — я сам устраиваю себе проблемы. Мучаюсь над тем, как же я обойдусь без совершенно ненужной мне вещи. А на самом деле мне просто кажется, что по мнению окружающих я должен хотеть именно этого.

— Культурная ассимиляция, — добавила она.

— Вот-вот, — кивнул он. — Послушай, я хочу тебе кое-что показать.

Он взял гитару, устроился на окне, упершись одной пяткой в подоконник, и пристроил гитару

на коленях. Крылья беззвучно поднялись над головой, и он заиграл.

Сьюли изумилась. Он не просто играл — он пел. Пел? Да нет, эти звуки скорее походили на посвистывание сквозь зубы, слабое, но чистое. Его пальцы пощипывали струны гитары, аккомпанируя, а плачущий свист вел мелодию, какой она не слышала прежде.

— Что это? — спросила она, когда Роджер доиграл.

— Это соната Паганини для скрипки с гитарой, — гордо ответил он. — Клара принесла мне запись.

— Я даже не знала, что ты можешь такое. Посвистывать, я имею в виду — или как ты делал.

— Я тоже не знал, пока не попробовал. Конечно, скрипичная партия получается не такой громкой, как надо. И я не могу играть на гитаре так тихо, чтобы это сбалансировать. Но все равно получается неплохо, правда?

— Роджер, — сказала она совершенно серьезно. — Я очарована.

Он поднял глаза и очаровал ее еще раз, ухитрившись улыбнуться.

— Готов поспорить, ты думала, что и этого я не умею. Я сам так думал, пока не попробовал.

На совещании Сьюли без обиняков сказала:

— Он готов, генерал.

Скэньон перехватил достаточно сна, чтобы выглядеть отдохнувшим; судя по всему, он приложился еще и ко внутренним резервам, потому что казался уже не столь мрачным.

— Вы уверены, майор Карпентер?

— Готовее не бывает, — кивнула она. Потом заколебалась. Видя ее выражение, Верн Скэньон ждал поправки.

— На мой взгляд, проблема в том, что он готов лететь именно сейчас. Все его системы в рабочем состоянии. Он разобрался со своей женой. Он готов. И чем дольше он будет оставаться здесь, тем больше шансов, что она снова выкинет какой-нибудь номер и расстроит все его равновесие.

— Сильно сомневаюсь, — проворчал Скэньон.

— Да, она знает, какие у нее будут неприятности. Но я не хочу рисковать. Я предлагаю перевести его.

— Ты хочешь сказать — отвезти его на Меррит Айленд?

— Нет. Я хочу сказать — поставить его на паузу.

Брэд пролил кофе из поднесенного к губам бумажного стаканчика.

— Ты что, куколка? — воскликнул он с неподдельным потрясением. — У меня еще семьдесят два часа тестирования его систем! Если вы замедлите его, я не смогу получить нужных результатов…

— Нужных для чего? Для его эффективной работы или для той монографии, которую ты собираешься о нем написать?

— Ну… Господи, конечно, я собираюсь написать о нем. Но я хочу как можно тщательнее его проверить, пока у меня есть время. Это для его же пользы. И для пользы экспедиции.

— Мое мнение остаются в силе, — пожала плечами Сьюли. — Здесь ему осталось только ждать. А он уже по горло сыт ожиданием.

— А если на Марсе что-то пойдет не так? — поинтересовался Брэд.

— Вы спрашивали моего мнения. И я его высказала.

— Не забывайте, что нам всем интересно, о чем вы толкуете, — вмешался Скэньон. — Особенно мне.

Сьюли покосилась на Брэда, и тот ответил:

— Как вы знаете, генерал, мы собирались проделать это на время полета. У нас есть возможность регулировать его внутренние часы с помощью

компьютера. До старта остается… секунду… пять дней и несколько часов, и мы можем замедлить его так, что по его субъективному времени пройдет всего полчаса. В этом есть смысл — но и в моих доводах тоже. Я не могу взять на себя ответственность и выпустить его в свет, пока не проведу все необходимые мне тесты.

— Я понял, что вы имеете в виду, — помрачнел Скэньон. — Это веское возражение, и у меня тоже есть свое возражение. Как насчет того, что вы твердили вчера вечером, майор Карпентер? Чтобы слишком резко не обрывать модификацию поведения?

— Он на стадии плато, генерал. Если бы я могла провести с ним еще шесть месяцев, я бы согласилась. Но пять дней — нет, здесь будет больше риска, чем пользы. Он нашел настоящее увлечение в своей гитаре — и слышали бы вы, как он играет. Он выработал надежную защиту касательно отсутствия половых органов. Он даже взял инициативу в свои руки, убежав прошлой ночью — а это большой прогресс, генерал. Его профиль был чересчур пассивен, если учесть требования экспедиции. Я считаю, его нужно ставить на паузу.

— А я считаю, что мне нужно еще с ним ра-

ботать, — вспылил Брэд. — Может быть, Сьюли права, но я тоже прав, и если придется, я дойду до самого президента!

Скэньон с любопытством посмотрел на Брэда, потом обвел взглядом комнату.

— Еще комментарии?

— Не знаю, имеют ли мои слова какой-то вес… — начал Дон Кайман. — Но я согласен с Сьюли. Женой он не очень доволен, но и не так уж огорчен. Лучшего момента не будет.

— Угу, — кивнул Скэньон, снова принимаясь нежно похлопывать по столу. Он задумчиво посмотрел куда-то вдаль и заговорил:

— Вам известно не все. Ваша модель Роджера — не единственная.

Он обвел глазами собравшихся и подчеркнуто добавил:

— За пределами кабинета этого не должен знать никто. Делом занялись азиаты. Они подключились к 3070-му где-то между нами и двумя другими компьютерами, считали все данные и использовали их для своей собственной модели.

— Зачем? — спросил Дон Кайман. Мгновение спустя это же повторили все, сидящие за столом.

— Хотелось бы мне знать, — угрюмо ответил Скэньон. — Они не вмешиваются. Мы бы не узна-

ли об этом, если бы не плановая проверка линий связи, обнаружившая их подключение, и потом какие-то шпионские страсти в Пекине, о которых я не знаю и знать не хочу. Все, что они сделали — считали данные и запустили собственную программу. Мы не знаем, как они собираются ее использовать, но вот еще один сюрприз: сразу после этого они отозвали все свои протесты против запуска. Больше того, они предложили воспользоваться их марсианским спутником для передачи нашей телеметрии.

— Да я и на грош им не поверю! — все еще не мог успокоиться Брэд.

— Нууу, мы тоже не собираемся особенно полагаться на их птичку, можешь быть уверен. Но суть остается — они хотят, чтобы экспедиция удалась. Ладно, это еще один дополнительный фактор, а сейчас все сводится к одному решению, правильно? Я должен решить, ставить Роджера на паузу, или нет. О'кей. Я согласен. Я принимаю ваши рекомендации, майор Карпентер. Объясните Роджеру, что мы собираемся сделать, и объясните ему причины. Все, что вы с доктором Рамесом сочтете нужным.

— Что касается тебя, Брэд, я понимаю, что ты хочешь сказать, — генерал понял руку, останав-

ливая возражения Брэда. — Согласен. Роджеру нужно провести с тобой больше времени. Что ж, у вас будет это время. Ты включаешься в экипаж экспедиции.

Он подвинул к себе лист бумаги, вычеркнул из списка одно имя и вписал другое.

— Я вычеркиваю одного из пилотов, и освобождаю место для тебя. Я уже проверял, проблем не будет, учитывая автоматическое управление, и то, что у каждого из вас есть хоть какая-то летная подготовка. Итак, вот окончательный состав экипажа марсианской экспедиции: Торравэй, Кайман, пилот генерал Гизбург — и ты.

Брэд возразил. Впрочем, чисто инстинктивно. Как только эта мысль улеглась, он принял ее. В словах Скэньона была своя доля истины, и кроме того, Брэд мгновенно просчитал: карьера, которую он для себя запрограммировал, только упрочится, не может не упрочиться от личного, непосредственного участия в экспедиции. Конечно, будет жалко бросать здесь Дори, и всех будущих дори, но когда он вернется, этих дори будет столько…

Дальше все пошло, как по часам. Это было последнее решение. Все остальное было только исполнением планов. Техники на Меррит Ай-

ленд начали заправлять ракеты-носители, а в Атлантике развернулась сеть спасательных кораблей, на случай аварии. Брэд улетел на Меррит Айленд на подгонку скафандров. Для предполетной подготовки к нему приставили шесть экс-астронавтов, вбивавших ему в голову все, что можно было вбить за оставшееся время. Среди учителей был и Гизбург, невысокий, всегда спокойный, и всегда усмехающийся, одним своим видом вселявший уверенность. Дон Кайман взял двенадцать драгоценных часов отпуска, чтобы попрощаться со своей сестричкой.

Мы были удовлетворены всем происходящим. Мы были довольны решением отправить в полет Брэда. Мы были довольны прогнозами, ежедневно предсказывавшими позитивное влияние старта на события и настроения в мире. Мы были довольны настроением Роджера. И больше всего мы были довольны моделированием Роджера в ННА; более того, это было существенно и необходимо для наших планов сохранения расы.

Глава 13. НАЗАД ДОРОГИ НЕТ

Путешествие на Марс по гомановской орбите занимает семь месяцев. Если верить летавшим туда астронавтам, космонавтам и синонавтам — семь очень скучных месяцев. В каждом дне 86400 свободных секунд, и занять их было практически нечем.

Но Роджер отличался от всех остальных. Во-первых, он был самым дорогим пассажиром, когда-либо поднимавшимся на борт космического корабля. Его тело было плодом семи миллиардов долларов программы «Человек Плюс». Необходимо было приложить все усилия, чтобы уберечь его.

Во-вторых (и это было его уникальной особенностью), его можно было уберечь.

Биологические часы его тела были отключены. Теперь восприятие времени ему диктовал компьютер.

Сначала Роджера замедляли постепенно. Казалось, люди стали двигаться немного резвее. Обед наступил раньше, чем он думал. Голоса стали визгливее.

Когда он привык к этому, задержку систем увеличили еще. Голоса превратились в неразборчивый писк, а потом он вообще перестал улавливать звуки. Самих людей он тоже почти не замечал, только мелькавшие вокруг размытые полосы. Окна палаты закрыли ставнями — не потому, чтобы он не сбежал, а чтобы защитить его от быстрой смены дня и ночи. Перед ним возникали тарелки с остывшей едой. Поев, он не успевал даже отодвинуть их: они исчезали сами собой.

Роджер понимал, что с ним происходит. Он не возражал. Он выслушал уверения Сьюли, что это необходимо, и что это для его же блага, ну и ладно. Еще он подумал, что будет скучать без Сьюли и стал соображать, как передать ей это. Способ был, но все происходило чересчур быстро; как по волшебству, на дощечке перед ним возникали написанные мелом надписи. Когда он отвечал, его ответы исчезали изпод носа прежде, чем он успевал закончить.

— КАК ТЫ СЕБЯ ЧУВСТВУЕШЬ?

Взял мелок, написал одно слово:

— ОТЛИЧНО, — и доска исчезла, чтобы тут же возникнуть с другой надписью:

— МЫ ВЕЗЕМ ТЕБЯ НА МЕРРИТ АЙЛЕНД.

Его ответ:

— Я ГОТОВ, — был выхвачен прежде, чем он успел дописать остальное, и он торопливо нацарапал на прикроватном столике:

— ПОЦЕЛУЙТЕ ЗА МЕНЯ ДОРИ.

Он хотел добавить «и Сьюли», но не успел, потому что столик неожиданно исчез. Он сам исчез из комнаты. Мгновенное, головокружительное скольжение. Он успел различить приемный покой института. Мелькнуло призрачное видение — медсестра (Сьюли?) поправляет колготки, стоя к нему спиной. Его ложе подскочило в воздух, окунулось в режущий свет зимнего дня, потом оказалось — в машине? Он не успел даже задать себе этот вопрос, как это взмыло вверх, он понял, что находится в вертолете, и почувствовал, что сейчас его стошнит. К горлу подкатил проглоченный обед.

Недремлющая телеметрия тут же сообщила об этом, и соответствующие меры были приняты. Он чувствовал себя, как при самой яростной качке, ему все еще казалось, что его стошнит, но его не стошнило.

Потом все остановилось.

Из вертолета наружу.

Снова яркий солнечный свет.

Его вкатили куда-то еще, и это он узнал почти сразу, как только они тронулись — салон СВ-5, переоборудованный в летающий госпиталь. Как по волшебству, его опутали ремни безопасности.

Было неудобно — снова тряска и выворачивающая тошнота, хотя уже не такая сильная — но продолжалось это недолго. Минуту или две, как показалось Роджеру. Затем по ушам грохнуло давление, и его выкатили из самолета, прямо в ослепительный свет и жару — наверное, Флорида, подумал он заторможенно, оказавшись уже в машине скорой помощи, потом… потом…

Потом его оставили в покое, минут на десять или пятнадцать, как показалось Роджеру — а на самом деле почти целый день — и ничего не происходило, он просто лежал в кровати, его еще раз накормили, удалили катетером выделения, затем перед ним возникла записка:

— УДАЧИ, РОДЖЕР. ПОЕХАЛИ. А затем снизу шарахнул паровой молот и он потерял сознание. Это все хорошо, подумал он, проваливаясь в никуда, избавить меня от скуки и тому подобное, но ведь так и убить можно. Как на это пожаловаться, он не сообразил, потому что отключился.

Прошло время. Время снов…

Как сквозь туман, он понял, что его усыпили,

не просто замедлили, а полностью отключили. И сообразив это, очнулся.

Не ощущалось никакого давления. Более того, он парил. Только паутина привязных ремней удерживала его на месте.

Он был в космосе.

— С добрым утром, Роджер, — произнес прямо в ухо чей-то голос. — Ты слушаешь запись.

Роджер повернул голову и увидел рядом с ухом крошечную сеточку динамика.

— Мы замедлили запись, чтобы ты мог понять. Если хочешь поговорить с нами, просто продиктуй все, что хочешь сказать, а мы ускорим запись, чтобы нам было понятно. Наука творит чудеса, верно?

— Значит, я записываю это на тридцать первые сутки. На тот случай, если ты уже забыл, меня зовут Дон Кайман. У тебя были небольшие неприятности. Твоя мышечная система сопротивлялась ускорению при взлете, и ты потянул кое-какие связки. Пришлось сделать пару операций, но все уже заживает. Брэд немного переделал кибернетику, так что когда мы сядем, ты уже сможешь нормально шевелить дельтовидными. Посмотрим. Больше серьезного ничего нет. Наверное, у тебя есть вопросы, но прежде чем ты их продик-

туешь, у нас для тебя весточка.

Лента зашипела, защелкала, а потом на фоне статических помех послышался голос Дори, слабый и искаженный.

— Привет, милый! Дома все в порядке, берегу для тебя домашний очаг. Думаю о тебе. Будь осторожен.

Потом снова голос Каймана:

— Теперь сделай вот что. Во-первых, если есть что-то серьезное — что-то болит, или в этом роде — говори в первую очередь. На разговор уходит много времени, так что обо всем серьезном в первую очередь, а когда закончишь — подними руку, мы поменяем пленку и сможешь поболтать. Начали.

Лента остановилась, рядом с динамиком погас маленький красный огонек с надписью *«Воспроизведение»* и зажегся зеленый, *«Запись»*. Роджер взял микрофон и уже хотел сказать, что нет, никаких особенных проблем у него нет, когда глянул вниз и заметил, что его правая нога отсутствует.

Естественно, мы наблюдали за каждым движением на борту корабля.

Уже после первого месяца линия связи растянулась донельзя. Огромное расстояние играло свою роль. Пока космический корабль поднимался к

марсианской орбите, Марс двигался. Земля тоже, и гораздо быстрее. Она успеет дважды обернуться вокруг солнца, прежде чем Марс завершит один оборот своей орбиты. Телеметрическим данным с корабля требовалось около трех минут, чтобы достичь центра связи Голдстоун. Мы были пассивными слушателями. А будет еще хуже. К тому времени, как корабль выйдет на орбиту вокруг Марса, команда с Земли, летящая со скоростью света, будет достигать его с получасовым запозданием. Мы отказались от непосредственного управления; корабль и его экипаж по сути дела были предоставлены самим себе.

А еще чуть позже Земля и Марс окажутся по разные стороны от Солнца, и помехи Солнца будут настолько искажать слабые сигналы корабля, что мы едва ли сможем уверенно принимать их. Но к тому времени на орбите вокруг Марса уже будет 3070, а немного погодя к нему присоединится МГД генератор. Тогда у них не будет нехватки энергии. Все было просчитано, орбиты, связь между собой, с орбитальным кораблем, с наземной станцией и с рыщущим вокруг Роджером.

Был запущен 3070, переведенный в холостой режим. Это был автоматический полет. Расчеты показали, что для обычного космического кораб-

ля уровни ионизации будут неприемлемо высокими. Поэтому конструкторы на мысе Канаверал сняли с корабля все системы жизнеобеспечения, всю телеметрию, системы самоликвидации и наполовину урезали возможности по маневру. Сэкономленный вес пошел на экранирование. Стартовавший корабль был молчаливым и безжизненным, и останется таким еще семь месяцев. Потом генерал Гизбург возьмет управление в свои руки и состыкует корабли. Это будет непросто, но такая у него работа.

МГД генератор был запущен месяц спустя, с экипажем из двух добровольцев и максимумом рекламы. Теперь заинтересованы были все. Не возражал никто, даже ННА. Первый запуск они вообще не заметили, после запуска 3070-го сообщили, что наблюдают за полетом, и предложили свои данные сети НАСА, а когда стартовал генератор, их посол вручил учтивую ноту с поздравлениями.

Определенно, что-то происходило.

И не только в психологии. В Нью-Йорке две недели подряд прошли без бунтов и стычек, а кое-где на главных улицах даже начали разгребать мусор. Зимние дожди погасили остатки обширных пожаров на СевероЗападе. Губернато-

ры Вашингтона, Орегона, Айдахо и Калифорнии объявили призыв добровольцев, и более ста тысяч молодых людей вызвались восстанавливать сгоревшие леса.

Последним эту перемену заметил президент Соединенных Штатов — он был слишком занят внутренними проблемами нации, расплодившейся до катастрофических пределов и потребляющей вне всяких мер. Но в конце концов и он понял, что происходят перемены, не только внутри Штатов, но и во всем мире. Азиаты отозвали свои подлодки в западную часть Тихого и в Индийский океаны, и когда Дэшу сообщили об этом, он снял трубку и позвонил Верну Скэньону.

— Думаю… — он сделал паузу, потрогав гладкое дерево столешницы, — думаю, у нас получается. Можешь похвалить за меня своих орлов. Слушай, может быть, тебе нужно что-то еще?

Но уже ничего было не нужно.

Теперь для нас не было дороги назад. Мы сделали все, что могли. Дальше все лежало в руках самой экспедиции.

Глава 14. МАРСИАНСКИЙ МИССИОНЕР

Дон Кайман позволял себе молиться не чаще шести раз в день. В молитвах он просил о разном: иногда о том, чтобы Тит Гизбург прекратил цыкать зубом, иногда (если кто-то перднет) — чтоб не слышать вони, подолгу висевшей в воздухе. Но в каждой молитве всегда звучали три просьбы: об успехе экспедиции, об исполнении предначертанного Господом, и — о здравии и благополучии его друга Роджера Торравэя.

Роджер пользовался особой привилегией: у него была своя, отдельная каюта. Правда, каютой этот тесный уголок назвать было трудно, да и отделяла его только эластичная шторка, тонкая, как паутина, и полупрозрачная. Но все-таки это была его каюта. Остальным приходилось делить одну кабину. Иногда Роджер делил ее вместе с ними, по крайней мере частично. То есть части Роджера лежали по всей кабине.

Кайман часто заглядывал за шторку. Для него полет был длинным и скучным. Как профессионал, он будет не у дел до тех пор, пока они не

ступят на поверхность Марса, держать себя в форме и упражняться для его профессии тоже не требовалось. Ареология была статичной наукой, и останется таковой, если только после посадки ему не посчастливится внести в нее что-то новое. Поэтому сначала Кайман брал у Гизбурга уроки по бортовому оборудованию, а потом Брэд стал учить его техобслуживанию киборга в полевых условиях. Фантастическое создание, медленно ворочавшееся в поролоновом коконе, уже не казалось незнакомым. Кайман изучил каждый дюйм этого тела, внутри и снаружи. Уже через несколько недель он без всякого отвращения вывинчивал из глазницы искусственный глаз, или, сняв панель, ковырялся в пластиковых внутренностях.

Было чем заняться и кроме этого. Были музыкальные записи, иногда он читал какую-нибудь микрофишу, иногда во что-нибудь играл. В шахматах у них с Гизбургом силы были почти равные; они постоянно устраивали турниры (лучший результат Каймана был 38 партий из 75) и тратили личное эфирное время на передачу с Земли текстов шахматных партий. Отец Кайман охотно молился бы чаще, но после первой же недели ему стало ясно, что даже в молитвах

можно переусердствовать. Поэтому он себя ограничил: утром, перед едой, вечером, перед сном — и все. Иногда, правда, он нуждался в допинге, и тогда шептал «Отче наш» или перебирал четки Его Святейшества. А потом снова возвращался к бесконечной наладке Роджера. У Каймана всегда был слабый желудок, но Роджер, судя по всему, был совершенно индифферентен к подобным вторжениям в его персону, и они не причиняли ему никакого вреда. Постепенно Кайман стал понимать скрытую красоту строения Роджера, в той части, что была творением Божьим, и в той, что была делом рук человеческих; и радовался первому и второму.

Не радовало его только то, что Бог и человеки сделали с рассудком Роджера. Его огорчали семь месяцев, вырванные из жизни его друга; его печалило, что любовь Роджера отдана женщине, которая не ставит ее ни в грош.

Но в среднем и целом — Кайман был счастлив.

Он никогда еще не участвовал в марсианской экспедиции, но его место было именно здесь. Он был в космосе дважды: полет на челноке, когда он был еще аспирантом и готовился к защите степени по планетологии, а потом три месяца на космической станции «Бетти». Эти полеты

оказались всего лишь практикой, подготовкой к главному — экспедиции, которая увенчает собой его марсианские штудии.

Все, что он знал о Марсе, он узнал сквозь окуляр телескопа, или из наблюдений других, или из дедуктивных выводов. И он знал немало. Он смотрел и пересматривал телекадры с «Орбитеров», «Маринеров» и «Сервейеров». Он анализировал образцы марсианского грунта и камней. Он беседовал с каждым из американцев, англичан и французов, участвовавших в марсианских экспедициях, а также со многими русскими, японцами и китайцами.

Он знал о Марсе все. С самого детства.

Он вырос на Марсе Эдгара Райса Берроуза, красочном Барсуме, царстве мертвых охристых морей и несущихся по небу крошечных лун. Когда он подрос, он стал отличать факты от вымысла. Четырехрукие зеленые воины и краснокожие, яйцекладущие, прекрасные марсианские принцессы не существовали в реальности — по крайней мере, в той «реальности», которую отражает наука. Но он знал и другое — научная «реальность» менялась из года в год. Создавая Барсум, Берроуз не витал в облаках. Он почти дословно повторил «реальность», научно обос-

нованную самыми авторитетными учеными. И это Марс Персиваля Лоувелла, а не Берроуза, без следа растаял под взглядами мощных телескопов и космических зондов. В «реальности» — согласно научному мнению — жизнь на Марсе дюжину раз успела умереть и воскреснуть заново.

Впрочем, даже это так до конца и не прояснилось. Все зависело от философского вопроса: «Что есть жизнь?». Непременно существо, напоминающее обезьяну или дерево? Существо, которое зависит от растворимых питательных веществ, с биологией, основанной на воде, которое входит в окислительно-восстановительный цикл передачи энергии, и размножается, тем самым выделяясь на фоне окружающей среды? Дон Кайман думал иначе. Ему казалось слишком дерзкой самонадеянностью так сужать понятие «жизнь», ибо перед лицом всемогущего Создателя он всегда чувствовал себя смиренным неучем.

В любом случае, вопрос существования на Марсе жизни, генетически родственной земной, был еще не закрыт. По крайней мере, приоткрыт. Там действительно не открыли ни обезьян, ни деревьев. Даже лишайников или простых одноклеточных. Не обнаружилось даже таких обязательных условий для жизни, как свобод-

ный кислород или вода, признавался он себе с горечью — в его сердце никак не хотела умирать Дея Торис.

И все равно — если ни один человек до сих пор не поскользнулся на марсианских мхах, это еще не значило, что он не ступит на них нигде. Кайман не верил в это. До сих пор на Марсе высадилось меньше сотни людей. Суммарная исследованная ими площадь поверхности не превышала нескольких сотен квадратных миль. И это на Марсе! Где не было океанов, а значит, общая площадь поверхности превышала земную! С таким же успехом можно было утверждать, что ты изучил Землю, сделав четыре вылазки, в Сахару, на вершины Гималаев, в Антарктиду и на ледники Гренландии.

Ну, скажем, не совсем так, поправлял себя Кайман. Сравнение не совсем справедливое. Было несчетное число пролетов мимо Марса, искусственных спутников и автоматических станций, доставлявших образцы марсианского грунта.

Тем не менее — аргумент оставался разумным. Марса было слишком много. И никто не посмел бы утверждать, что на Марсе больше не осталось секретов. Возможно, будет найдена вода. Были многообещающие разломы. Форма некоторых

долин была такова, что можно было предположить лишь одно: они выточены потоками воды. И даже если эти русла пересохли, там все еще могла быть вода, неизмеримые океаны воды, замкнутые под поверхностью. Кислород там был точно. В среднем немного, но средние значения не играли роли. В отдельных местах его могло быть много. А значит, там могла быть…

Жизнь.

Кайман вздохнул. Пожалуй, больше всего он сожалел о том, что не смог повлиять на выбор места посадки, перенести выбор на точку, которая лично для него была самым вероятным местом для жизни, район Солнечного озера. Выбор обернулся против него. Решение было принято на самом высоком уровне, и Дэш собственной персоной заявил: «Мне глубоко насрать, где и что там может быть живое. Я хочу, чтобы птичка села там, где легче всего сможет выжить наш мальчик».

Поэтому место посадки выбрали рядом с экватором, в северном полушарии; основными образованиями в этой местности были Изида и Непентес, а на стыке между ними находился невысокий кратер, который Дон Кайман про себя окрестил Домом.

И про себя же он очень сожалел о потере Сол-

нечного озера, менявшего форму с временем года (Растения? Вряд ли… но была надежда!), о ярком W-образном облаке в районе каналов Улисс и Фортуна, возникшем во время большого противостояния, и ежедневно менявшем свои формы, о ярчайшей вспышке, яркостью шестой звездной величины (отраженный свет? термоядерный взрыв?), которую увидел Саеки в озере Титония первого декабря 1951 года. Кому-нибудь другому придется изучать все это. Он уже не сможет.

А так, если не считать этих сожалений, Дон Кайман был вполне доволен. Северное полушарие было мудрым выбором. Времена года здесь были благоприятнее, потому что, как и на Земле, зима в северном полушарии здесь наступала, когда оно было ближе всего к солнцу, а значит, в среднем и весь год был теплее. Зима была на двадцать дней короче лета; на юге, конечно, все было наоборот. И хотя Дом никогда не изменял формы, и не испускал ярких вспышек, вокруг него наблюдалось немало новообразовавшихся облачных формаций. Кайман не расставался с надеждой, что некоторые из облаков могут состоять хотя бы из кристалликов льда, если не из самой воды! Он немного пофантазировал о слепом ливне над марсианской равниной, а по-

том, уже серьезнее, подумал о больших залежах лимонита, обнаруженных неподалеку. Лимонит содержит большие количества связанной воды, и если марсианские растения или животные еще не созрели настолько, чтобы использовать ее, этим источником сможет воспользоваться Роджер.

Да, в целом он был доволен.

Еще бы. Он был на пути к Марсу! Это было для него источником огромной радости, и за это шесть раз в день он возносил благодарственные молитвы. И он хранил надежду.

Дон Кайман был слишком хорошим ученым, чтобы путать надежду с наблюдениями. Он сообщит только о том, что откроет. Но он знал, что хочет открыть. Он хотел открыть жизнь.

В течение отпущенного времени, девяносто один марсианский день на поверхности, он будет смотреть по сторонам. Это было известно всем. Собственно, это будет частью его ежедневного распорядка.

Но не всем было известно, почему Каймана так привлекала эта миссия.

Дея Торис не хотела умирать. Он все еще надеялся, что там будет жизнь, не просто жизнь, но разумная жизнь, не просто разумная жизнь, но

живая душа, которую он сможет спасти и привести к Господу своему.

Все, что происходило на борту корабля, было под постоянным наблюдением, и сообщения об этом постоянно поступали на землю. Так что мы могли присматривать за ними. Мы следили за шахматными партиями и за спорами. Мы наблюдали, как Брэд хлопочет над частями Роджера, над сталью и над плотью. Мы видели, как однажды ночью пять часов проплакал Тит Гизбург. Он всхлипывал негромко, как во сне, и только качал головой, слабо улыбаясь сквозь слезы, в ответ на все старания Дона Каймана утешить его. Во многом у Гизбурга оказалась самая скверная роль в экипаже: семь месяцев туда, семь месяцев обратно, а в промежутке — три месяца безделья. Он будет в одиночестве кружить на орбите, пока Кайман, Брэд и Роджер будут резвиться на поверхности. Он будет в одиночестве, и он будет томиться от скуки.

И даже хуже. Семнадцать месяцев в космосе гарантировали, что весь остаток жизни ему будет обеспечен полный ассортимент мышечных, костных и сосудистых расстройств. Экипаж усердно упражнялся, упражнялись друг с другом и растягивая пружины, разводили руки и присе-

дали — и все равно этого было мало. Из костей неотвратимо вымывался кальций, и неумолимо падала мышечная масса. Для тех, кто опустится на поверхность, три месяца на Марсе сыграют огромную роль. За это время они смогут оправиться от ущерба, и к возвращению будут в гораздо лучшей форме. Для Гизбурга такого перерыва не будет. Он проведет непрерывных семнадцать месяцев при нулевой тяжести, а последствия этого недвусмысленно продемонстрировал опыт предыдущих космоплавателей. Он проживет меньше лет на десять, а то и больше. Кто-кто, а он имел все основания разок всплакнуть.

А время шло, время шло. Месяц, два месяца, три. Вслед за ними в небеса поднималась капсула с 3070, а еще следом — магнитогидродинамический генератор, с экипажем из двух человек. За две недели до прибытия они торжественно перевели часы, вставив новые кварцы, настроенные на марсианский день. С этого момента они жили по марсианскому времени. На практике не было почти никакой разницы — марсианский день всего на тридцать семь минут длиннее земного, но главная перемена была в сознании.

За неделю до прибытия они начали ускорять Роджера.

Для Роджера семь месяцев пролетели, как тридцать часов субъективного времени. Он несколько раз поел, раз двадцать поговорил с остальными. Он получал сообщения с Земли, и на некоторые даже ответил. Попросил гитару, но ему отказали, заметив, что он не сможет сыграть. Он попросил снова, из чистого любопытства, и обнаружил, что это в самом деле так: он мог щипать струны, но звука не слышал. Он вообще ничего не слышал, кроме специально замедленных лент, или иногда что-то вроде тоненького попискивания. Воздух не проводил тех колебаний, которые он мог воспринимать. Когда магнитофон не соприкасался с рамой, на которой был закреплен Роджер, он не слышал даже записей.

Когда начали ускорять его чувства, Роджера предупредили. Шторку в его уголок оставили открытой, и он стал замечать мелькающие пятна движения. Вот мелькнул вздремнувший Гизбург, вот стали видны уже движущиеся фигуры, а немного погодя он даже смог различить, кто есть кто. Потом его перевели в режим сна, чтобы окончательно отрегулировать ранцевый компьютер, а когда он проснулся, он был один, шторка была задернута, и — и он услышал голоса.

Роджер отодвинул шторку, выглянул и уперся

в улыбающуюся физиономию любовника своей жены.

— С добрым утром, Роджер! Ты снова с нами!

…А восемнадцать минут спустя, двенадцать на прохождение, остальное на дешифровку и обработку, эту сцену увидел на экране Овального кабинета президент.

И не только он один. Телесеть передала картинку в эфир, а спутники распространили ее по всему миру. На экраны смотрели в Поднебесном дворце в Пекине и в Кремле, на Даунинг стрит, Елисейских полях и на Гинзе.

— Сукины дети! — произнес Дэш историческую фразу. — Получилось!

— Получилось, — эхом откликнулся сидевший рядом Верн Скэньон. Потом добавил:

— Почти. Им еще нужно приземлиться.

— Что, с этим какие-то проблемы?

Настороженно:

— Насколько я знаю, нет…

— Бог, — благодушно заметил президент, — не может быть таким несправедливым. По-моему, самое время слегка ударить по бурбону.

Они смотрели еще с полчаса и с четверть бутылки. В следующие дни они увидели многое другое, они и остальной мир. Весь мир следил, как

Гизбург проводит последние проверки и готовит марсианский посадочный модуль к разделению. Весь мир следил, как Дон Кайман под пристальным вниманием пилота отрабатывает посадку; именно он будет сидеть за пультом управления во время спуска с орбиты. Как Брэд последний раз прогоняет системы Роджера, а убедившись, что все в норме, прогоняет еще раз. И как сам Роджер плывет по кабине корабля и втискивается в посадочный модуль.

А после этого все видели, как посадочный модуль отделяется, и Гизбург с завистью провожает глазами факел тормозных двигателей, проваливающийся вниз с орбиты.

По нашим подсчетам, за посадкой наблюдало около трех с четвертью миллиардов людей. Смотреть особо было не на что: если ты видел одну посадку, ты видел все посадки. Но этот спуск был особенным.

Все началось в четверть четвертого утра по вашингтонскому, и президента специально разбудили пораньше, чтобы он мог посмотреть.

— Этот пастор, — нахмурился он, — какой из него пилот? Если что-то пойдет не так…

— Он обучен по полной программе, — поспешил успокоить президента помощник по

НАСА. — Кроме того, он — всего лишь резерв третьей степени. Основное управление посадкой — автоматическое. Генерал Гизбург следит за посадкой с орбиты, и в случае неполадок он может взять управление на себя. Отцу Кайману не придется даже дотрагиваться к пульту, разве что откажет все одновременно.

Дэш пожал плечами, и помощник заметил, что пальцы у президента скрещены.

— А что остальные корабли? — спросил он, не отводя глаз от экрана.

— Никаких проблем, сэр. Компьютер выйдет на околомарсианскую орбиту через тридцать два дня, а генератор — еще через двадцать семь дней. Как только посадочный модуль опустится, генерал Гизбург проведет коррекцию орбиты и подведет корабль к Деймосу. Мы рассчитываем установить там и компьютер, и генератор, вероятнее всего, в кратере Вольтер. Гизбург найдет подходящее место.

— Угу. А Роджеру сказали, кто летит с генератором?

— Нет, сэр.

— Угу.

Президент оторвался от телеэкрана и встал. Подойдя к окну, он посмотрел на зеленую, благо-

ухающую всеми ароматами июня лужайку перед Белым Домом.

— Из компьютерного центра в Александрии прибудет человек. Я хочу, чтобы ты был, когда он приедет.

— Да, сэр.

— Командор Кьярозо. Говорят, неплохой спец. В свое время был профессором в МТИ. Он утверждает, что с нашими прогнозами и расчетами по всей марсианской программе происходит что-то странное. Ты ничего такого не слышал?

— Нет, сэр, — встревожился помощник по НАСА. — Странное, сэр?

— Только этого мне еще не хватало, — дернул плечами Дэш. — Раскачать этот хренов проект, чтоб потом оказалось, что… Э! Что за черт?

Изображение на экране запрыгало, дернулось и исчезло, потом появилось снова и опять исчезло, оставив после себя только мерцающий растр.

— Все в порядке, сэр, — заторопился помощник. — Это торможение в атмосфере. При входе в атмосферу они теряют видеосвязь. Это влияет даже на телеметрию, но по всем параметрам у нас более чем достаточные допуски. Так что все в порядке, сэр.

— Это еще что за хреновина? — поинтересовал-

ся президент. — Я думал, все дело в том, что на Марсе вообще нет никакой атмосферы?

— Немного, сэр, но есть. Поскольку Марс меньше, то и гравитационный колодец у него мельче. В верхних слоях плотность атмосферы почти такая же, как и на Земле, на той же высоте, а именно там происходит торможение.

— Черт бы его подрал, — ругнулся президент. — Я не люблю такие сюрпризы! Почему меня никто об этом не предупредил?

— Видите ли, сэр…

— Ладно! Потом разберусь. Надеюсь, что сюрприз для Торравэя не окажется ошибкой… Ладно, потом. Что происходит сейчас?

Помощник посмотрел, не на экран, а на свои часы.

— Раскрытие парашюта, сэр. Они закончили торможение. Теперь им осталось только падать. Через несколько секунд… — и помощник указал на экран, который послушно сложился в картинку. — Вот! Теперь они в режиме управляемого спуска.

Они уселись и стали ждать, пока спускаемый модуль скользил вниз, в разреженном марсианском воздухе, под огромным куполом, в пять раз больше парашюта, рассчитанного на земной.

Когда они ударились о поверхность, лязг было слышно за сотню миллионов миль, словно десяток мусорных контейнеров грохнулось с крыши. Но модуль был рассчитан на это, а экипаж давным-давно сидел в своих защитных коконах.

Потом послышалось шипение и слабое потрескивание остывающего металла.

А потом голос Брэда:

— Мы на Марсе, — торжественно, как в церкви, произнес он, а Дон Кайман зашептал слова из ординара мессы: «Laudamus te, benedictimus te, adoramus te, glorificamus te. Gloria in exelsis Deo, et in terra pax hominibus bonae voluntatis».

И к знакомым словам добавил:

— Et in Martis.[5]

[5] Примечания: 5

Хвалим Тебя, благословим Тебя, кланяемся Тебе, славословим Тебя. Слава в вышних Богу, на Земле мир, и в человецех благоволение. И на Марсе. (лат.)

Глава 15. КАК ХОРОШАЯ НОВОСТЬ ПОПАЛА С МАРСА НА ЗЕМЛЮ

Когда мы впервые поняли, что существует серьезный риск войны — глобальной войны, которая уничтожит цивилизацию и сделает Землю необитаемой — то есть вскоре после того, как вообще обрели возможность что-либо понимать — мы решили предпринять колонизацию Марса.

Это было непросто.

В беде могла оказаться вся человеческая раса. Весь мир страдал от недостатка энергоресурсов, а это значило, что удобрения становились дороже, а это значило, что люди становились голоднее, а это значило напряженность, грозящую взрывом. Мировых ресурсов едва хватало для того, чтобы прокормить эти миллиарды людей. А нам нужно было изыскать свои ресурсы — в которых тоже была острая нужда — для долговременного планирования. Мы создали три отдельных узла мозгового штурма, и предоставили им все, что могли выкроить из повседневных потребностей. Один узел разрабатывал возможности разрешения растущей на Земле напряженности. Второй

занимался созданием на Земле убежищ, чтобы даже в случае термоядерной войны могла бы выжить хотя бы малая часть из нас.

Третий исследовал внеземные возможности.

В начале казалось, что у нас тысячи путей выбора, и на каждом из трех основных направлений были очень многообещающие варианты. Один за одним эти варианты отпадали. По нашим прогнозам — не тем, которые мы представляли президенту Соединенных Штатов, а закрытым, которые распространялись только среди нас — вероятность термоядерной войны в ближайшее десятилетие составляла ноль девять и десять девяток после запятой, поэтому уже через год мы закрыли узел по разрешению международной напряженности. Создание убежищ, казалось, обещает больше. Сценарий наихудшего развития показал, что мест, по которым не будет нанесен прямой ядерный удар, не так много: Антарктика, частично Сахара, даже часть Австралии и множество островов. Было выбрано десять точек с вероятностью разрушения одна десятая или меньше; если взять все десять вместе, то вероятность их одновременного разрушения была незначительной. Но более детальный анализ показал, что у этой схемы есть два порока. Во-пер-

вых, мы не знали, сколько времени после такой войны в атмосфере будут оставаться долгоживущие изотопы, и по многим признакам, уровень ионизирующей радиации мог оставаться недопустимо высоким в течение тысячи лет. В таком временном масштабе вероятность выживания хотя бы одного из убежищ составляла уже значительно меньше пяти десятых. И, что хуже всего, требовались значительные капитальные вложения. Создание подземных убежищ, начиненных огромными количествами сложного электронного оборудования, генераторами, запасами топлива и тому подобным было невозможно с чисто практической точки зрения. Мы просто не смогли бы достать столько денег.

Поэтому мы прекратили работу и этого узла, и вложили все ресурсы, какие только могли себе позволить, в межпланетную колонизацию. Вначале это казалось самым несбыточным решением.

Но нам все-таки удалось — почти, почти! — совершить это. Когда Роджер Торравэй приземлился на Марсе, был завершен первый и самый трудный шаг. Когда корабли, летящие следом, займут свои места, на орбите или на поверхности планеты, выживание нашей расы будет обеспечено, и мы

впервые сможем уверенно смотреть в будущее.

Вот почему мы с таким удовлетворением следили, как Роджер Торравэй делает первые шаги по поверхности планеты.

Ранцевый компьютер Роджера был триумфом конструкторской мысли. В нем размещалось три раздельных системы, конечно, с перекрестной связью, с совместным использованием ресурсов, но все вместе они могли обеспечить надежность ноль девять, по крайней мере до тех пор, пока резервный компьютер 3070 не выйдет на орбиту. Одна система была промежуточным звеном — медиатором в органах чувств Роджера, вторая контролировала нервную и мышечную подсистемы, позволявшие ему передвигаться. Третья передавала по телеметрии все, что поступало на входы органов чувств. Все, что видел он, видели и мы, на Земле.

Чтобы устроить это, пришлось немного потрудиться. В соответствии с теоремой Шэннона, частотный диапазон линии связи не позволял передать абсолютно все, но мы предусмотрели возможность случайной выборки. Передавался приблизительно один бит из сотни — сначала по радио в посадочный модуль (специально для этого мы выделили один канал), потом на ор-

битальный корабль, где плавал в невесомости Тит Гизбург, теряя кальций костей и глядя на телеэкран. Отсюда, профильтрованный и усиленный, сигнал в пакетном режиме передавался на один из синхронных спутников Земли, связанный в тот момент и с Марсом, и с Голдстоуном. Таким образом, все, что мы видели, было «настоящим» всего лишь на один процент. Но этого было вполне достаточно — остальное заполняла программа интерполяции, написанная для приемника в Голдстоун. Гизбург видел только последовательность неподвижных кадров; на Земле все, что видел Роджер, выглядело, почти как прямой телерепортаж с места событий.

На всей Земле, на телеэкранах всех стран, люди видели бурые горы, поднимающиеся на десять миль в высоту, видели отсветы марсианского дня в иллюминаторах посадочного модуля, и даже могли разглядеть выражение на лице Дона Каймана, когда он поднялся с колен после молитвы и в первый раз выглянул на Марс.

В Поднебесном Дворце, в Пекине, чтобы посмотреть эту передачу, повелители Новой Народной Азии прервали заседание планового совета. Они смотрели эти кадры со смешанными чувствами — это был триумф Америки, не их. В Овальном

кабинете ликование президента Дешатена не омрачалось ничем. Это был не только триумф Америки, это был его личный триумф: он навсегда останется президентом, который утвердил человечество на Марсе. И почти каждый радовался, хоть немного — даже Дори Торравэй, которая, закрывшись в комнате у себя в магазине, сидела, подперев голову руками, смотрела на экран и пыталась прочесть, что написано в глазах ее мужа. Ну, и конечно, за городом, в большом белом кубе института, все, кто оставался на дежурстве, не отрываясь, следили за передачами с Марса.

Для этого у них хватало свободного времени, потому что больше делать было особенно нечего. Удивительно, насколько пустым стало казаться здание, как только Роджер покинул его.

Все сотрудники были награждены, все, начиная с кладовщиков: личная благодарность от президента, тридцатидневный внеочередной отпуск и повышение в должности. Клара Блай использовала свой отпуск, чтобы все-таки продолжить неоднократно откладывавшийся медовый месяц. Вейднер и Фрилинг потратили это время на черновой вариант монографии Брэда, отправляя ему на орбиту каждый лист, вынутый из машинки, и получая через Голдстоун правленый вариант.

Верн Скэньон, естественно, отправился вместе с президентом в торжественное турне по пятидесяти четырем штатам и столицам двадцати иностранных государств. Бренда Хартнетт со своими детьми дважды появилась на телевидении. Их засыпали кучей подарков. Вдова человека, который погиб, чтобы доставить Роджера Торравэя на Марс, теперь была миллионершей. Когда корабль стартовал и Роджер отправился к Марсу, у каждого из них был свой звездный час, особенно в последние дни перед посадкой.

А затем мир взглянул на Марс глазами Роджера — и его брата за спиной — и вся их слава развеялась. С этого мгновения все лавры принадлежали Роджеру.

Мы тоже смотрели.

Мы видели Брэда и Дона Каймана, в скафандрах, завершающих последние проверки перед выходом на поверхность. Роджер в скафандре не нуждался. Он напряженно застыл перед люком, как сеттер, принюхиваясь к разреженному воздуху. Большие черные крылья покачивались у него над головой, впитывая лучи непривычно маленького и непривычно яркого солнца. Через телекамеру внутри аппарата мы видели силуэт Роджера, на фоне тускло-коричневых и песчаных

цветов резкого марсианского горизонта…

А потом мы увидели то, что он видел собственными глазами. Когда Роджер взглянул на яркие, искрящиеся цвета планеты, для жизни на которой он был создан — она показалась ему прекрасной, манящей, сказочной страной.

На песок уже опустилась складная лесенка из магниевого сплава, но Роджер не нуждался в ступеньках. Он спрыгнул вниз, взмахнув крыльями — для равновесия, а не для полета — и легко опустился на меловую оранжевую поверхность; выхлоп посадочных двигателей оголил ее, сдув всю пыль по сторонам. Он на мгновение замер, обводя свои владения большими стрекозиными глазами.

— Не торопись, — прозвучал у него в голове голос Дона Каймана. — Для начала проведи запланированные упражнения.

Роджер усмехнулся, даже не оглянувшись.

— Конечно, — ответил он и зашагал прочь. Сначала он шел, потом побежал трусцой, потом — бросился в полную силу. Если по улицам Тонки он несся со скоростью машин, то здесь — мчал, как молния. Он громко захохотал. Он изменил частотную характеристику глаз, и возвышавшиеся вдалеке холмы засверкали яркой голубизной, а

монотонная равнина расцвела мозаикой зелени, желтого и красного. «Как здорово!» — прошептал он, и приемники посадочного модуля уловили эти почти не высказанные слова и донесли их до Земли.

— Роджер, — въедливо скрипнул голос Брэда, — ты бы не убегал далеко, пока мы не подготовим джип.

Роджер обернулся. Те двое возились у модуля, снимая сложенный вездеход, прикрепленный рядом с люком.

Он вприпрыжку поскакал к ним.

— Вам помочь?

Они могли бы и не отвечать. Конечно, им нужна была помощь: в своих скафандрах для них было серьезной задачей даже отстегнуть крепления, удерживавшие колеса с плетеными проволочными шинами.

— В сторонку, — скомандовал он, быстро освободил колеса и развернул «лапы». У вездехода было и то, и другое: колеса для равнины и «лапы» для пересеченной местности. Его разрабатывали, как самое гибкое и универсальное средство передвижения по Марсу, но таким средством стал не он, а Роджер. Когда вездеход был готов, он тронул их за плечи:

— Я буду держаться на виду, — и бросился прочь, любоваться калейдоскопическими пригорками, красочными, как у Дали, неотразимыми…

— Это опасно! — прокричал ему вслед Брэдли. — Подожди, пока мы не проверим джип! Если с тобой что-то случится…

— Ничего не случится! — отозвался Роджер. Он не мог ждать. Наконецто он мог испробовать свое тело в том, для чего его создали, и ему не терпелось. Он бросился бегом. Вприпрыжку. Он не успел опомниться, как уже оказался в двух километрах от модуля, оглянулся назад, увидел, что те медленно тащатся вслед за ним, и побежал дальше. Кислородная система подняла уровень содержания, чтобы компенсировать возросшую потребность; его мускулы без труда справлялись с нагрузкой. Вперед его несли, конечно, не мускулы, а встроенные в него сервосистемы, но управляли ими крошечные мышцы, соединенные с нервными окончаниями. Вот когда окупились все тренировки. Он без всяких усилий выжимал двести километров в час, перемахивая через маленькие расселины и кратеры, прыжками поднимаясь и опускаясь по склонам больших.

— Возвращайся, Роджер! — это был встрево-

женный голос Дона Каймана.

Потом пауза, а Роджер все не останавливался, тогда в поле зрения что-то головокружительно мелькнуло и его окликнул совсем другой голос:

— Домой, Роджер! Пора.

Он застыл, как вкопанный, пробороздив в песке глубокий след, взмахнул крыльями в почти неощутимом воздухе, чуть не упал, но всетаки удержал равновесие.

— Давай, милый! — хихикнул знакомый голос. — Будь хорошим мальчиком и возвращайся.

Голос Дори.

Оседающее облачко песчаной пыли сгустилось в фигуру Дори, под стать голосу. Дори, улыбающаяся всего в десятке метров, длинные ноги в шортах, легкомысленный лифчик, темные волосы, раздуваемые ветерком.

Радио в голове снова рассмеялось, на этот раз голосом Дона Каймана.

— Не ожидал, а?

Прежде чем ответить, Роджеру потребовалось некоторое время.

— Ага, — выдавил он.

— Это идея Брэда. Мы записали Дори еще на Земле. Когда тебе потребуется сигнал тревоги, сигналить будет Дори.

— Ага, — повторил Роджер. Улыбающаяся фигура у него на глазах стала расплываться, цвета — блекнуть.

Он повернулся и побрел назад. Возвращение заняло намного больше, чем радостный бросок вперед, и цвета уже не казались такими ярким.

Дон Кайман правил вездеходом навстречу медленно плетущемуся Роджеру, попутно стараясь овладеть искусством усидеть в пляшущем сидении, так, чтобы поменьше швыряло в привязных ремнях. Об удобстве не могло быть и речи. Скафандр, так тщательно подогнанный к его телу на Земле, кое-где сел, а кое-где — растянулся. А может быть, это он сам кое-где усох, а кое-где раздался, напомнил себе Кайман. В конце концов, он не так уж усердно относился к физическим упражнениям. Кроме того, ему хотелось в туалет. Можно было облегчиться с помощью соответствующего трубопровода, встроенного в скафандр, и он знал, как это сделать, но не хотел им пользоваться.

На неудобство наслаивались зависть и сомнения. От греха зависти он мог легко избавиться, как только найдет, кому исповедаться. Вполне понятный грех, подумал он, особенно, если учесть явные преимущества Роджера перед ними обоими. С сомнениями было сложнее, это был

грех не перед Господом, а перед экспедицией. Слишком поздно было сомневаться. Может быть, было ошибкой встраивать в систему аварийного оповещения жену Роджера. Он даже не представлял, насколько запутанные чувства может испытывать к ней Роджер. Поправлять это было уже слишком поздно.

Брэд, кажется, не испытывал никаких сомнений. Он с гордостью ухмылялся, глядя на Роджера.

— Ты заметил? — гордо поинтересовался он. — Ни разу не споткнулся! Абсолютная координация. Все сходится, био и серво. Все, как пописаному, Дон!

— Слишком рано говорить об этом, — неохотно ответил Дон, но Брэд не обращал внимания. Кайману захотелось выключить радио в скафандре, но с таким же успехом он мог выключить и свое внимание. Он огляделся по сторонам. Они приземлились вскоре после рассвета, но больше, чем полдня, ушло на последние проверки перед выходом и сборку джипа. Наступал вечер. Им придется вернуться до темноты, подумал он про себя. Роджер смог бы найти путь и в свете звезд, но для него с Брэдом это предприятие будет рискованнее. Может быть, в другой раз, когда они

наберутся опыта… Ему в самом деле очень хотелось этого, хотелось шагнуть в угольную тьму ночи Барсума, под звезды, огненные булавки, пронизывающие черный бархат неба. В другой раз.

Они были на большой равнине, покрытой кратерами. Сперва было трудно определить расстояние. Глядя сквозь стекло шлема, Кайман не сразу вспомнил, как далеко лежат горы. То есть умом он знал это, он назубок помнил каждый квадрат марсианских карт на двести километров вокруг точки посадки. Но почти абсолютная видимость вводила в обман его чувства. Он знал, что горы на западе находятся в сотне километров от них, и высотой они почти в десять километров. Сейчас они выглядели, как холмы неподалеку.

Он притормозил и остановил джип в нескольких метрах от Роджера. Брэд завозился с ремнями, отстегнулся, сполз с сиденья, и неуклюже медленно заковылял к Роджеру.

— Все в порядке? — нервно спросил он. — Конечно, в порядке, сам вижу. Как равновесие? Закрой глаза, пожалуйста — я имею в виду, отключи зрение.

Он беспокойно уставился в поблескивающие множеством граней полушария.

— Отключил? Сам знаешь, мне отсюда не вид-

но.

— Отключил, — произнес голос Роджера в радиоприемнике.

— Отлично! Нет никакого головокружения, а? С равновесием все в порядке? Теперь, — продолжал он, обходя Роджера со всех сторон, — теперь, не открывая глаз, подними и опусти обе руки, еще разок… Отлично! А теперь повращай ими, в разные стороны…

Кайман не видел его лица, но улыбка до ушей прямо-таки сквозила в голосе Брэда.

— Прекрасно, Роджер! Кругом оптимум!

— Мои поздравления вам обоим, — заметил Кайман, наблюдая за представлением из вездехода. — Роджер?

Голова повернулась к нему, и хотя в искусственных глазах ничего не изменилось, Кайман понял, что Роджер смотрит на него.

— Я только хотел сказать, — продолжал он, даже не представляя, куда его заведет фраза, — я хотел сказать, что… извини, что мы не предупредили тебя насчет Дори, что она будет извещать тебя о тревоге. Извини. Мне просто показалось, что мы и так приготовили тебе слишком много неожиданностей.

— Ничего страшного, Дон.

Беда с его голосом, снова подумал Кайман, по тону ничего не определишь.

— И если уж об этом зашла речь, — продолжал он, — я думаю, мы должны сказать, что для тебя есть еще один сюрприз. Но на этот раз приятный, по-моему. Вслед за нами сюда летит Сьюли Карпентер. Ее корабль прибудет через пять недель.

Никакого ответа и никакого выражения.

— Что же, — наконец откликнулся Роджер, — это очень хорошо. Она славная девушка.

— Да.

После этого разговор безнадежно увяз, и потом, Брэду не терпелось прогнать Роджера через очередную порцию приседаний и наклонов. Кайман позволил себе воспользоваться привилегиями туриста и побродить вокруг. Он обернулся, посмотрел на далекие горы, прищурившись, покосился на яркое солнце (даже сквозь автоматически темнеющее стекло шлема на него было больно смотреть), потом огляделся по сторонам. С трудом, неловко опустился на колени и загреб горсть каменистой почвы рукой в перчатке. Завтра это будет его работой, систематический сбор образцов — одна из второстепенных задач экспедиции. Даже после полудюжины высадок человека и около сорока автоматических стан-

ций, земные лаборатории требовали все больше и больше образцов марсианского грунта. Но пока он позволил себе просто помечтать. В этой почве было много лимонита, кварцевая галька была совсем необветренной; хотя кромки уже потеряли свою остроту, этим камешкам было еще далеко до гладких окатанных голышей. Он копнул поглубже. Сверху лежала желтоватая пыль, глубже почва была темнее и более крупная. Что-то блеснуло, почти как стекло. Кварц? удивился он и машинально разгреб вокруг.

И замер, охватив руками комок прозрачного вещества неправильной формы.

У него был черешок. Черешок, который уходил глубоко в почву, разветвляясь темными отростками с шероховатой поверхностью.

Корни.

Дон Кайман вскочил, рывком оборачиваясь к Брэду и Роджеру.

— Поглядите! — вскричал он, выдернув предмет своей рукой в металлической рукавице. — Господи Боже мой, вы только посмотрите на это!

Присевший Роджер, как молния, разогнулся и прыгнул к нему. Одна рука выбила блестящий хрустальный предмет так, что он отлетел вверх метров на пятьдесят. Металл перчатки прогнулся,

Кайман ощутил в предплечье острую, режущую боль, и увидел вторую руку, опускавшуюся на его шлем, подобно лапе разъяренного гризли — и это было последнее, что он увидел.

Глава 16. В ОЖИДАНИИ НЕПРИЯТНОСТЕЙ

Верн Скэньон остановил машину как попало, не обращая внимания на желтые разграничительные линии автостоянки, выскочил наружу и вдавил палец в кнопку лифта. Его разбудили всего сорок минут назад, но сонливости уже как не бывало. Больше того, он был сердит и ждал неприятностей. От крепкого сна его пробудил звонок от секретаря президента. Президент изменил курс своего самолета, чтобы заглянуть в Тонку — и «обсудить некоторые проблемы, связанные с перцепционными системами командора Торравэя». Проще говоря, надрать задницу. Скэньон узнал о неожиданном нападении Роджера на отца Каймана только в машине, торопясь в здание института на встречу с президентом.

— Доброе утро, Верн, — Джонни Фрилинг тоже выглядел перепуганным и сердитым. Скэньон протиснулся мимо него в свой кабинет.

— Входи, — рявкнул он. — Теперь, быстро и односложно. Что случилось?

— Я не могу отвечать за… — жалобно начал Фрилинг.

— Фрилинг.

— Системы Роджера немного переусердствовали с реакцией. Вероятно, Кайман резко пошевелился, и системы моделирования ситуации расценили это, как нападение. Роджер стал защищаться и оттолкнул Каймана.

Скэньон свирепо посмотрел на него.

— И сломал ему руку, — поправился Фрилинг. — Это простой перелом, генерал. Без осложнений. Простой перелом, быстро заживет — ему просто придется некоторое время обойтись одной рукой. Жалко Каймана, конечно. ему будет не очень удобно…

— Мудак твой Кайман! Он что, не знал, как себя вести с Роджером?

— Нет, он знал. Но ему показалось, что он нашел образец марсианской жизни! Это же так удивительно! Он просто хотел показать это Роджеру.

— Жизнь? — в глазах Скэньона блеснул свет надежды.

— Кажется, какой-то вид растения.

— А точнее сказать они не могут?

— Нну, Роджер, кажется, выбил его у Каймана из рук. Брэд потом искал, но не нашел.

— Господи Исусе, — фыркнул Скэньон. — Фрилинг, скажи мне одну вещь. Что за банда идиотов там собралась?

На такие вопросы не полагается отвечать, так что Скэньон не ждал ответа.

— Через двадцать минут в эту дверь войдет президент Соединенных Штатов, и он захочет узнать, слово за словом, что произошло и почему. Я не знаю, о чем он будет спрашивать, но я знаю, что мне не хотелось бы ему отвечать, и это: «Не знаю!». Так что не стесняйся, Фрилинг. Расскажи мне еще разок, что произошло, почему это произошло, почему мы не думали, что это может произойти, и как, черт бы меня побрал, мы можем гарантировать, что такое не случится снова.

На это ушло несколько больше двадцати минут, но у них было время: президентский самолет прибыл с опозданием, и когда Дэш появился, Скэньон уже был готов, насколько он вообще мог быть готовым, к его вопросам. И даже к бешенству на лице президента.

— Скэньон, — выстрелил президент с порога, — я тебя предупреждал. На сей раз ты зашел слишком далеко, и кажется, мне придется заняться твоей задницей вплотную.

— Человека нельзя высадить на Марсе без рис-

ка, господин президент!

Дэш несколько мгновений смотрел ему прямо в глаза.

— Возможно. Как состояние священника?

— У него сломана лучевая кость, но она срастется. Есть нечто более серьезное. Он считает, что нашел на Марсе жизнь, господин президент!

— Да, я слышал, что-то вроде растения, — кивнул Дэш. — Но он же умудрился потерять его!

— Пока. Кайман — надежный человек. Если он сказал, что нашел что-то важное, это так и есть. Он найдет это снова.

— Я от всей души надеюсь на это, Верн. Но не увиливай. Почему это могло случиться?

— Незначительное превышение контроля со стороны систем восприятия. Все дело в этом, господин президент, и именно в этом. Чтобы он мог реагировать быстро и сообразно, нам пришлось вмонтировать в него системы оценки ситуации. Если нужно привлечь его внимание к неотложным сообщениям, он видит изображение своей жены, говорящей с ним. Если он должен отреагировать на опасность, он видит что-нибудь пугающее. Так его мозг не отстает от рефлексов, вложенных в его тело. Иначе он бы стал сумасшедшим.

— А сломать попу руку — не сумасшествие?

— Нет! Это был несчастный случай. Когда Кайман кинулся к ним, он расценил это, как настоящее нападение. И отреагировал. Да, господин президент, в этом случае он ошибся, и это стоило нам сломанной руки — но предположим, что была настоящая угроза? Любая угроза? Он бы встретил ее во всеоружии. Что бы это не оказалось! Он неуязвим, господин президент. Ничто не сможет застать его врасплох.

— Угу, — покачал головой президент, и немного помолчав, добавил, — Может быть, и так.

Потом на мгновение посмотрел в пространство над головой Скэньона и спросил:

— А что с другим дерьмом?

— Каким дерьмом, господин президент?

Дэш раздраженно пожал плечами.

— Насколько я понимаю, там какая-то ошибка со всеми нашими компьютерными прогнозами. Особенно с теми опросами общественного мнения.

В голове у Скэньона зазвенели сигналы тревоги.

— Господин президент, — неохотно начал он, — на моем столе скопилось множество бумаг, которые я еще не смотрел. Вы же знаете, что в

последние дни у меня было множество поездок…

— Скэньон, — прищурился президент. — Я ухожу. Прежде чем ты займешься чем-нибудь еще, я хочу, чтобы ты разобрал бумаги на твоем столе, нашел эту бумагу и прочитал ее. А завтра, в восемь утра, я жду тебя в моем кабинете, и хочу услышать, что происходит. Конкретно три вещи: первое, я хочу услышать, что с Кайманом все в порядке. Второе — я хочу, чтобы эта живая штука нашлась. Третье — я хочу знать, в чем дело с компьютерными прогнозами, и лучше бы им тоже оказаться в порядке. До завтра, Скэньон. Знаю, сейчас только пять утра, но тебе лучше не возвращаться в кровать.

К тому времени мы могли убедить Скэньона и президента в одном. Предмет, который выкопал из почвы Кайман, действительно был формой жизни. Мы восстановили изображение, увиденное глазами Роджера, отфильтровали интерполяции и увидели точно то, что видел он. Президенту и его советникам еще не пришло в голову, что можно сделать такое, но это было возможно. Подробных деталей разобрать было нельзя из-за ограниченных данных, но своей формой предмет напоминал артишок с шершавыми листочками, загнутыми вверх, и немного — гриб;

его укрывала шапочка из прозрачного вещества. Кроме того, у него были корни, и если только он не был объектом искусственного происхождения (максимальная вероятность ноль одна сотая), то это была форма жизни. Мы не сочли это особенно интересным, за исключением, конечно, того, что это подстегнет общий интерес к марсианскому проекту. Что же касается сомнений, брошенных на компьютерные прогнозы развития ситуаций, этим мы были заинтересованы гораздо больше. Мы уже давно следили за развитием событий, с того момента, как аспирант по имени Байрн написал программу для системы 360, чтобы проверить результаты работы его настольной машины, в свою очередь проверявшей некоторые результаты опросов общественного мнения. И мы были обеспокоены этим ничуть не меньше президента. Однако вероятность каких-либо серьезных последствий представлялась весьма низкой, особенно теперь, когда все шло гладко. МГД генератор был уже почти готов к последним коррекциям курса перед выходом на орбиту; мы выбрали для него место установки в кратере Вольтер, на спутнике Деймос. И почти вслед за ним летел корабль с 3070 и двумя членами экипажа, в том числе Сьюли Карпентер. На самом Марсе

уже началось возведение постоянной станции. Они немного отставали от графика. Инцидент с Кайманом замедлил работы, не только из-за того, что тот вышел из строя, но и потому, что Брэд настоял на неполной разборке и проверке ранцевого компьютера Роджера. Сбоев не было, но чтобы они убедились в этом, потребовалось два дня, а потом, вняв мольбам Каймана, они еще разыскивали его марсианскую форму жизни. Брэд с Роджером нашли ее, или не именно ее, а десятки аналогичных экземпляров, и оставили Каймана в посадочном аппарате заниматься изучением, а сами взялись за сооружение купола.

Первым делом необходимо было найти участок с подходящим строением. Поверхность должна была как можно больше напоминать земную почву, и в то же время скальные породы должны были залегать неглубоко. Полдня пришлось забивать в грунт взрывные заряды и прислушиваться к их эху, прежде чем они убедились, что нашли именно то, что нужно.

Затем, с немалыми усилиями, были развернуты солнечные генераторы, и они стали выпаривать подземные воды, содержавшиеся в горных породах. При виде первого крошечного облачка пара над трубкой они устроили настоящую овацию.

Это облачко можно было просто не заметить: совершенно сухой марсианский воздух жадно впитывал каждую молекулу воды, не успевала она покинуть патрубок выпаривателя. Но если нагнуться к самому отверстию, было видно еле заметное дрожание, почти невидимый парок, искажавший очертания видимых за ним предметов. Да, это был самый настоящий водяной пар.

Следующим шагом было расстелить три огромных круга мономолекулярной пленки, самый маленький внизу, самый большой сверху, и плотно соединить с грунтом края верхнего. Затем они сняли с вездехода на проволочных колесах насосы и запустили их. Марсианская атмосфера была чрезвычайно разреженной, но все-таки она была, и в конечном итоге насосы наполнят купол, частично диоксидом углерода и азотом из атмосферы, частично водяным паром, который они выпаривают из камней. Ни в том, ни в другом, конечно же, не было кислорода, но за этим дело не станет — они добудут его, точно тем же способом, как Земля производит свой кислород: высадив фотосинтезирующие растения.

Чтобы наполнить внешний купол до запланированных четверти килограмма давления, потребуется четыре — пять дней. Затем они нач-

нут надувать второй, этот до килограмма (из-за уменьшения объема это повысит давление во внешней оболочке до полукилограмма). Наконец, они наполнят внутренний купол до двух килограмм, и у них будет среда, в которой люди смогут жить без скафандров, и даже дышать — как только саженцы дадут им, чем дышать.

Конечно, Роджер не нуждался во всем этом. Он не нуждался в кислороде, и растения были не нужны ему даже в качестве пищи, во всяком случае, очень немного и очень редко. Вероятно, под неиссякающим светом солнца он мог жить вечно, получая от него основную энергию, плюс микроволны, которые потекут с МГД генератора, как только он встанет на свое место. Той крошечной, незаметной части животного, которая в нем еще оставалась, надолго хватит концентратов с корабля, и только потом, где-то через пару марсианских лет, он начнет зависеть от баков с гидропоникой и тех семян, которые уже прорастали в герметичных парниках под куполом.

Все это заняло несколько дней, поскольку от Каймана большой помощи ждать не приходилось. Даже облачение в скафандр было для него бесконечной мукой, поэтому почти все время он оставался в посадочном модуле. Когда дошло дело

до переноски баков со старательно собиравшимися нечистотами из туалета в купол, Кайман все же смог протянуть им руку помощи. «Именно эту руку», заметил он, пытаясь обхватить магниевый сборник здоровой рукой.

— У тебя неплохо получается, — подбодрил его Брэд. Во внутреннем куполе давление уже было достаточным, чтобы поднять его над головами, но еще слишком мало, чтобы сбросить скафандры. И это только к лучшему, сообразил Брэд, так им не слышно, какой вонищей они загаживают стерильную почву.

К тому времени, когда купол полностью расправился, давление в куполе подошло к сотне миллибар. Таково давление воздуха на Земле, на высоте около десяти миль над уровнем моря. Это, конечно, не та среда обитания, в которой незащищенный человек может нормально жить и работать, но в этой среде он погибнет, только если что-то убьет его. Уже вполовину меньшее давление погубило бы его мгновенно — жидкости в организме вскипели бы при комнатной температуре.

Когда внутреннее давление достигло уровня 100 миллибар, все трое протиснулись через три последовательных шлюза, а потом Брэд и Дон

Кайман торжественно сняли свои скафандры. Потом они нацепили маски, вроде загубников акваланга, чтобы дышать — внутри купола все еще не было кислорода. Но они могли дышать чистым кислородом из баллонов на спине, и теперь, внутри перенесенного кусочка Земли в сотню метров диаметром и с десятиэтажный дом высотой, могли чувствовать себя почти так же свободно, как и Роджер.

А под сводом купола уже проклевывались и прорастали ровные рядки посаженных ими семян.

Тем временем…

Корабль с магнитогидродинамическим генератором достиг орбиты Марса, с помощью генерала Гизбурга сравнял свою орбиту с Деймосом и опустился в кратере. Это была безупречная посадка. Корабль выпустил опоры, ввинтился ими в грунт и намертво закрепился. Короткий импульс маневровых двигателей проверил его устойчивость: теперь корабль был частью самого Деймоса. Системы генератора начали готовиться к выходу в рабочий режим. Огонек ядерного синтеза разжег костер плазмы, радар нащупал цель, захватил купол и энергия потекла. На поверхности плотность энергии была настолько низка, что Брэд с

Кайманом даже ничего не почувствовали, а для Роджера это казалось согревающим солнечным светом; полоски фольги на внешнем куполе собирали эту невидимую микроволновую энергию, и направляли ее к насосам и батареям.

Термоядерного топлива хватит на пятьдесят лет. По крайней мере на это время у Роджера и его ранцевого компьютера будет энергия. Что бы там не случилось на Земле.

А еще тем временем…

Происходили другие стыковки.

На долгой спирали от Земли к Марсу, у Сьюли Карпентер и ее пилота, Динти Мейгана, было полно свободного времени. И они нашли, чем заняться.

Половой акт в состоянии невесомости представляет некоторые проблемы. Сначала Сьюли пришлось пристегнуться за талию привязным ремнем, потом Динти обнял ее, а она обвила его ногами. Они двигались медленно, как в воде. Прошла целая вечность, сладкая и разморенная, прежде чем Сьюли достигла оргазма, а Динти был еще неторопливее. Они кончили, даже не запыхавшись. Сьюли потянулась, натянув животом ремень, и зевнула.

— Как здорово, — пролепетала она сонно. — Я

это запомню.

— Мы оба запомним это, радость моя, — неправильно истолковал ее слова Динти. — По-моему, это самая лучшая позиция. В следующий раз…

— Следующего раза не будет, милый Динти, — покачала она головой, перебив его. — Это был последний.

Он откинул голову и уставился на нее.

— Что?

Она улыбнулась. Ее правый глаз был всего в нескольких сантиметрах от его левого, поэтому они видели друг друга в необычном ракурсе. Она потянулась вперед и потерлась щекой о его небритую щеку.

Он помрачнел и отделился от нее, неожиданно почувствовав себя голым там, где только что был просто раздетым. Вытянул засунутые за поручень шорты и влез в них.

— В чем дело, Сьюли?

— Ни в чем. Мы почти готовы к выходу на орбиту, вот и все.

Он оттолкнулся, поплыв спиной через тесную кабину, чтобы лучше ее рассмотреть. На Сьюли стоило посмотреть. Ее волосы снова стали светлыми, а глаза без контактных линз — карими, и даже после почти двухсот дней кряду, прове-

денных не больше, чем в десяти метрах от нее, для Динти Мейгана она все еще выглядела привлекательно.

— А я-то думал, что знаю тебя насквозь, — мечтательно заметил он.

— О женщине этого никогда не скажешь.

— Да брось, Сьюли! В чем дело, собственно? Ты говоришь так, как будто все это время собиралась… Эй! — до него дошло. — Ты вызвалась добровольцем в этот полет не для того, чтобы лететь на Марс — ты летела к другому! Правильно? К одному из ребят, которые летели впереди?

— А ты соображаешь, Динти, — гордо заметила она. — Правда, не всегда там, где хотелось бы.

— И кто же это, Брэд? Гизбург? Неужели священник?… погоди-ка! — и он покачал головой. — Да. Конечно. Тот самый, с которым ты путалась еще на Земле. Киборг!

— Полковник Роджер Торравэй, человек, — поправила она. — Такой же человек, как и ты, за исключением некоторых улучшений.

Он рассмеялся, скорее с горечью.

— За исключением кучи улучшений и за исключением яиц.

Сьюли расстегнула свой ремень.

— Динти, — любезно заметила она. — Мне нра-

вилось заниматься с тобой сексом. Я уважаю тебя. Ты самый приятный попутчик, какого только можно было пожелать в этом проклятом Богом бесконечном путешествии. Но есть некоторые вещи, которых я не хочу от тебя слышать. Ты прав, так случилось, что у Роджера нет яичек, причем именно сейчас. Но он — человек, который заслуживает уважения и любви, и он такой — единственный, что встретился мне за последнее время. А я искала, ты уж поверь.

— Спасибо!

— Ну хватит, Динти, дорогой. Ты же знаешь, что ты не ревнивец. И у тебя уже есть жена.

— Она у меня будет в будущем году! А это еще нескоро.

Та только с улыбкой пожала плечами.

— Да послушай, Сьюли! Есть вещи, в которых меня не обманешь. Ты же обожаешь трахаться!

— Я люблю интимные отношения, — поправила она, — и я люблю ощущать оргазм. Но больше всего я люблю заниматься этими вещами с тем, кого люблю, Динти. Без обид.

— Ждать тебе придется долго, крошка, — ехидно прищурился он.

— Может быть, и нет.

— Как же. Я не увижу Ирен еще семь месяцев,

да и ты вернешься не раньше, и вот тогда-то все и начнется. Его придется еще складывать для тебя обратно. Это если предположить, что его вообще смогут сложить обратно. Похоже, что тебя ждет долгий перерыв в ебле.

— О, Динти. По-твоему, я обо всем этом не думала? — она погладила его по плечу, проплывая к своему шкафчику. — Секс — это не просто сношение. И член во влагалище — не единственный путь к оргазму. И секс — это не только оргазм. Не говоря уже о любви.

— А Роджер, — продолжала она, вползая в спортивный костюм, не столько ради приличий, сколько ради карманов, — Роджер — находчивый и любящий человек, как и я. Так что мы что-нибудь придумаем, по крайней мере, до тех пор, пока не прилетят остальные колонисты.

— Остальные? — дернул он плечами. — Остальные колонисты?

— А ты еще не догадался? Я не собираюсь возвращаться с вами, Динти, и думаю, что Роджер тоже. Мы собираемся стать марсианами!

И совсем тем временем…

В Овальном кабинете Белого Дома, перед президентом Соединенных Штатов стояли Верн Скэньон и молодой человек, с кофейной кожей,

в темных очках и с плечами профессионального футболиста.

— Так значит, это вы, — начал президент, измерив молодого человека взглядом с ног до головы. — Это вы думаете, что мы не знаем, как пользоваться компьютером.

— Нет, господин президент, — спокойно ответил молодой человек. — Я не думаю, что проблема состоит именно в этом.

Скэньон вежливо кашлянул.

— Это Байрн, — начал он. — Он аспирант из МТИ, у нас на практике. Тема его диссертации — методология отбора результатов, и мы предоставили ему доступ к некоторым, ээ, засекреченным материалам. А именно, исследованиям общественного мнения касательно отношения к нашему проекту.

— Но не предоставили доступ к компьютеру, — заметил Байрн.

— Не предоставили к большому, — поправил Скэньон. — У тебя есть свой настольный.

— Продолжайте, Скэньон, — кротко кивнул президент.

— Так вот, у него результаты получились другими. В соответствии с его интерпретацией, общественное мнение по всем вопросам,

связанным с колонизацией Марса, было, ммм, безразличным. Вы помните, господин президент, еще в то время возникли некоторые сомнения в результатах? Ведь сырые данные были далеко не такими многообещающими? Но когда мы подвергли их анализу, они вышли положительными — как вы их назвали? — в квадрате. Я так и не понял, почему.

— Вы проверили?

— Конечно, господин президент! Правда, не я, — тут же добавил Скэньон. — Это не входит в мои обязанности. Но я проверил, чтобы результаты проверили.

— Три раза, на трех различных программах, — вмешался Байрн. — Были небольшие отклонения, конечно. Но во всех случаях уверенно получались положительные результаты. А когда я повторил расчеты на моей настольной машинке, ничего не получилось. И вот в этом все дело, господин президент. Если вы загоняете цифры в большой компьютер в сети, вы получаете один результат. Если работаете с ними на небольшой изолированной машине, получаете другой.

Президент забарабанил по столу подушечками пальцев.

— И к какому вы пришли выводу?

Байрн пожал плечами. Ему было всего двадцать три, и в этой обстановке он немного оробел. В поисках помощи покосился на Скэньона, но тщетно.

— Вам лучше спросить об этом у кого-нибудь другого, господин президент. Я могу изложить только мои собственные соображения. Ктото влез в нашу компьютерную сеть.

Президент машинально потер левую ноздрю и медленно покачал головой. Он на мгновение посмотрел на Байрна, а потом, не повышая голоса, окликнул:

— Каруссо, заходи. Мистер Байрн, все, что вы увидите и услышите в этой комнате, совершенно секретно. Когда мы закончим, мистер Каруссо позаботится, чтобы вас поставили в известность, что это для вас означает. Короче говоря, вы не должны говорить об этом никому, никогда и нигде.

Дверь приемной открылась, и вошел высокий, крепкий мужчина, старающийся казаться совершенно неприметным. Байрн изумленно уставился на него: Чарльз Каруссо, глава ЦРУ!

— Ну так что там, Чак? — спросил президент. — Что насчет него?

— Конечно, мы проверили мистера Байрна, —

ответил глава ЦРУ. Слова звучали размеренно и бесстрастно.

— За ним не числится ничего особенно плохого — надеюсь, вам приятно будет услышать это, мистер Байрн. И то, что он говорит, подтверждается. Не только по части опросов общественного мнения. Прогнозы вероятности войн, расчеты стоимости/эффективности, если их проводить в сети, получается один результат, при выполнении на независимой машине — другой. Я согласен с мистером Байрном. В нашу компьютерную сеть кто-то проник.

Губы президента сжались так, словно он силой сдерживает то, что собирался высказать. Но все, что он себе позволил, было:

— Выясни, как это случилось, Чак. И теперь вопрос: кто? Азиаты?

— Нет, сэр! Мы проверили это. Невозможно.

— Хрен там невозможно! — взревел президент. — Они уже однажды подключались к нашим линиям, когда моделировали системы Роджера Торравэя!

— Господин президент, это совершенно другое дело. Мы нашли утечку и нейтрализовали ее. Это был наземный кабель и не имеющая большого значения линия. Но системы связи наших основ-

ных машин абсолютно непроницаемы.

Он покосился на Байрна и добавил:

— У вас есть доклад о используемых там методах защиты, господин президент, и мы с удовольствием обсудим это… в другой раз.

— Насчет меня можете не беспокоиться, — впервые усмехнулся Байрн. — Всем известно, что эти линии с многократной шифровкой. Если вы меня проверяли, вы наверняка знаете, сколько аспирантов развлекается, пытаясь туда проникнуть. Никому пока не удалось.

— Глава ЦРУ кивнул.

— Более того, мы смотрим на это сквозь пальцы, господин президент. Это хорошая проверка наших систем безопасности в деле. Если такие люди, как мистер Байрн, не могут выдумать способ, чтобы обойти блокировку, то я сомневаюсь, чтобы это смогли азиаты. И блокировка непроницаема. Она обязана быть такой — ведь эти линии соединяют Военный Компьютер в Батти, Статистическое Бюро, ЮНЕСКО…

— Минуточку! — рявкнул президент. — Ты что, хочешь сказать, что наши машины напрямую связаны с компьютером ЮНЕСКО, которым пользуются азиаты, и с компьютерами военных?

— Здесь нет абсолютно никакой возможности

утечки.

— Здесь есть утечка, Каруссо!

— Во всяком случае, не к азиатам.

— Ты только что сам сказал мне, что один провод идет от нашей машины к военным, а второй — прямиком к азиатам, через ЮНЕСКО!

— И тем не менее, господин президент, я даю вам абсолютную гарантию, что это не азиаты! Мы бы знали об этом. Все крупные компьютеры до определенной степени взаимосвязаны. Точно так же можно сказать, что дорога приведет куда угодно. Действительно, дорога может быть. Но есть и шлагбаумы. ННА никак не может получить доступ к военным компьютерам, или к большинству наших программ. Даже если бы они совершили это, мы бы узнали об этом из своих источников. Но они этого не делали. И в любом случае, господин президент, вы не задумывались, зачем ННА подтасовывать результаты, чтобы подтолкнуть нас к колонизации Марса?

Президент снова забарабанил пальцами, глядя по сторонам. В конце концов он вздохнул.

— Я согласен последовать твоей логике, Чак. Но если в наши компьютеры влезли не азиаты, то кто тогда?

Шеф ЦРУ хранил угрюмое молчание.

— И ради Бога, зачем? — фыркнул Дэш.

Глава 17. ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ МАРСИАНИНА

Роджер не видел ласковый микроволновый дождик с Деймоса, но он чувствовал его, как блаженное тепло. Попав в луч, он пошире распускал крылья, впитывая энергию, частью — унося ее с собою в аккумуляторах. Теперь у него не было причин экономить силы. Энергия сама текла с неба, стоило Деймосу подняться над горизонтом. Лишь несколько часов в сутки на небе не было ни Солнца, ни дальнего из спутников Марса, но емкости его батарей с многократным избытком хватало, чтобы пережить эти краткие периоды «засухи».

Антенны из фольги, установленные на куполе, крали энергию, прежде чем она попадала к Роджеру, и поэтому он проводил в обществе Брэда и Каймана все меньше времени. Он не имел ничего против, его это вполне устраивало. Так или иначе, разрыв между ними с каждым днем становился все шире. Они вернутся на свою родную планету, а Роджер — останется на своей. Он еще не говорил им об этом, но уже решил.

Земля все чаще казалась ему лишь забавным дальним местечком, где он когда-то побывал, и где ему не очень понравилось. Страхи и заботы человечества, оставшегося на Земле, его больше не занимали. Даже если когда-то это были его личные заботы и его личные страхи.

Внутри купола, между участками сибирского овса, Брэд сажал рассаду моркови. Он разделся до узеньких плавок, на спине висел баллон с кислородом.

— Помочь не хочешь, Родж?

В разреженной атмосфере его голос пищал, как флейта. Он то и дело прикладывался к кислородной маске, висевшей на шее; на выдохе, после глотка, голос становился немного ниже, но все равно звучал непривычно.

— Не могу. Дон попросил собрать для него еще немного образцов. Уйду на всю ночь.

— Как знаешь.

Кажется, его драгоценная рассада интересовала Брэда больше, чем Роджер. Да и Торравэя теперь не очень интересовал Брэд. Иногда он напоминал себе, что этот человек когда-то был любовником его жены. Чтобы это хоть что-нибудь значило, приходилось вспоминать, что когда-то у него была еще и жена. Стоило ли вообще об этом

вспоминать? Куда интереснее была высокая котловина за той далекой грядой, куда он еще не забирался, или его собственный огородик. Уже несколько недель он таскал Дону Кайману образцы марсианской флоры. Их было немного — кучками по два, три, а вокруг на несколько сот метров пусто. Но искать их было нетрудно — для него, во всяком случае. Как только он запомнил их спектральный цвет — жесткое ультрафиолетовое излучение, которое отражали хрустальные шапочки, позволявшие им выжить в среде с высокой радиацией — достаточно было простым желанием сузить диапазон зрения до длины этих волн, и тогда «грибы» было видно за километр.

Сначала он носил их десятками, потом — сотнями; их оказалось всего четыре разновидности, и вскоре Кайман сказал, что хватит. У него было достаточно образцов для полевых исследований, и по пять штук каждого вида в формалине, приготовленных к отправке на Землю. Пекущийся о всякой живой твари добряк Кайман был искренне опечален таким вторжением в экологию Марса, и Роджер принялся высаживать лишние образцы возле купола. Себе он объяснил это желанием проверить, повлияет ли переизбыток энергии, излучаемой генератором с орбиты, на

местные формы жизни.

Но на самом деле — в глубине души он знал, что это именно так — на самом деле это был его сад. Это была его планета, и он украшал ее для себя.

Он вышел из купола, с наслаждением потянулся, ощутив вдвойне роскошное тепло — Солнца и микроволн, потом проверил батареи. Подзарядка не помешает. Точными движениями он соединил кабелем ранец и аккумулятор, тихо гудевший у основания купола, и, не оборачиваясь к посадочному аппарату, произнес:

— Я сейчас двинусь, Дон.

— Только выходи на связь не реже, чем через каждые два часа, Роджер, — мгновенно ответил по радио голос Каймана. — Я не хочу срываться на твои поиски.

— Вы слишком беспокоитесь, — Роджер отключил кабель, свернул его и спрятал.

— Ты не Бог, — проворчал Кайман. — Ты всего лишь сверхчеловек. Ты можешь упасть, что-нибудь сломать…

— Не сломаю. Пока, Брэд.

За тройной стеной купола над высокими, по грудь, ростками пшеницы выпрямился Брэд, помахал рукой. Сквозь три слоя пленки его лица было не разобрать; пластик был рассчитан

так, чтобы ослаблять ультрафиолет, попутно он рассеивал и часть видимого спектра. Но Роджер видел, что он помахал.

— Будь осторожен. Когда будешь уходить за пределы видимости, свяжись с нами, чтобы мы знали, когда начинать волноваться.

— Ладно, мамочка.

Интересно, отметил Роджер. Сейчас он, кажется, питает к Брэду самые добрые чувства. Может быть, это потому, что он евнух? Нет, тестостерон по-прежнему циркулировал в его организме, благодаря стероидному имплантату. Иногда ему даже снились сексуальные сны, иногда даже с Дори, но та опустошенность и горечь, которые он ощущал на Земле, на Марсе ослабели.

Он был уже в километре от купола. Он двигался легким бегом, наслаждаясь теплыми лучами солнца. Опускаясь, ноги сами безошибочно находили надежную опору, и каждый новый толчок переносил его на точно отмеренное расстояние, вверх и вперед. Сейчас его глаза работали в режиме низкого потребления, поле зрения сузилось и стало напоминать каплю длиной в сто метров и шириной пятьдесят. Остальное вовсе не выпадало из вида — если появится что-нибудь необычное, особенно если что-то пошевелится,

он сразу же это заметит. Просто так окружающее меньше отвлекало его от своих мыслей. Он попробовал вспомнить, как это было — заниматься сексом с Дори. Объективные, физические параметры вспомнить было несложно. Гораздо труднее было ощутить то, что он чувствовал с ней. Словно стараешься вспомнить чувственное наслаждение шоколадкой, когда тебе было одиннадцать, или первый улет от марихуаны в пятнадцать. Куда проще было ощутить Сьюли Карпентер, хотя насколько он помнил, он ни разу не коснулся ее, разве что кончики пальцев, да и то случайно. (Она-то трогала его везде). Время от времени он вспоминал, что Сьюли летит на Марс. Сначала это казалось угрожающим. Потом — интересным, как перемена в жизни, которой ждешь. Сейчас… сейчас, понял Роджер, сейчас он хочет, чтобы это случилось как можно скорее. Не через четыре дня, когда она должна приземлиться, не после того, как ее пилот закончит проверку систем 3070 и МГД генератора, а сейчас. Немедленно. По радио они обменялись парой ничего не значащих слов, но радио ему было мало. Он хотел, чтобы она была рядом, он хотел коснуться ее…

Перед ним возникло изображение жены, с тем же самым однотонным загаром.

— Пора выйти на связь, милый, — произнесла она.

Роджер остановился и осмотрелся вокруг, включив зрение в нормальный режим, в нормальном земном спектре.

Он прошел уже полпути к горам, добрых десять километров от купола и посадочного аппарата. Он поднимался по взгорью, и плоская равнина стала выгибаться; отсюда он еле видел вершину купола, верхушка антенны посадочного аппарата казалась крошечной иголкой. Крылья сами по себе развернулись у него за спиной, чтобы сделать радиосигнал более направленным: так кричащий приставляет ко рту ладони.

— Все в порядке, — сказал он, и голос Дона Каймана тут же откликнулся:

— Хорошо, Роджер. Стемнеет через три часа.

— Я знаю.

С наступлением темноты температура покатится вниз, через шесть часов она может упасть до ста пятидесяти ниже нуля. Но Роджер уже ночевал под открытым небом, и все его системы работали безупречно.

— Когда поднимусь достаточно высоко, чтоб сигнал проходил, свяжусь с вами снова, — пообещал он, и обернулся к горам. Атмосфера стала

мутнее, чем раньше. Он включил рецепторы кожи и почувствовал, что поднимается ветер. Пыльная буря? Он уже повидал и такое; если разыграется не на шутку, он сможет просто свернуться где-нибудь и переждать, но для этого буре придется разыграться действительно не на шутку. Он улыбнулся про себя — он до сих пор не научился как следует улыбаться лицом — и помчал дальше…

К закату он уже стоял в тени гор, достаточно высоко, чтобы снова видеть купол полностью, в двадцати с лишним километрах отсюда.

Сейчас пыльная буря была прямо под ним, и кажется, уходила прочь. Дважды он ненадолго останавливался и оглядывался по сторонам, взмахивая крыльями. Это были обычные положенные проверки, неизменно оборачивавшиеся пустой тратой времени. Он сложил крылья рупором.

— Дон? Брэд? Это ваш бродяга.

Когда до него донесся ответ, звук был шипящим и искаженным. Неприятное ощущение, словно провести зубами по мелкой наждачной шкурке.

— Слабый сигнал, Роджер. У тебя все о'кей?

— Да.

Он заколебался. Статические помехи от бури оказались настолько сильными, что он сначала

не разобрал, кто из его товарищей говорит, и не сразу узнал голос Брэда.

— Наверное, я буду возвращаться, — добавил он.

Другой голос, искаженный еще сильнее:

— Если вернешься, ты доставишь старому больному священнику уйму радости. Тебя встретить?

— Вот еще. Я двигаюсь гораздо быстрее вас. Ложитесь спать. Буду у вас через четыре — пять часов.

Роджер поболтал с ними еще немного, потом присел и осмотрелся по сторонам. Он не устал. Он уже почти забыл, что такое усталость. Спал он не больше пары часов в сутки, в основном ночью, а днем только дремал время от времени, и то больше от скуки, чем от утомления. Его органическая часть все еще предъявляла определенные требования к обмену веществ, но сокрушительная, валящая с ног усталость после тяжелой физической работы осталась в прошлом. Он сел просто потому, что ему нравилось сидеть на выступе камня и смотреть на свою родную долину. Длинные тени гор уже накрыли купол, и только горы на востоке еще светились. Он отчетливо видел терминатор, разреженный воздух Марса почти не размывал тень. Казалось, было видно даже

движение тени.

Небо над головой играло блистающим великолепием. Яркие звезды можно было легко рассмотреть даже днем, особенно Роджеру, но ночью они были просто сказочными. Он ясно различал оттенки: стальная синева Сириуса, кровавый Альдебаран, золото Полярной. А если расширить видимый спектр до инфракрасного и ультрафиолетового, становились видны новые яркие звезды. Он не знал, как они называются, может быть, потому, что у них и не было имен, ведь кроме него, их могли заметить только астрономы, в виде ярких пятнышек на специальных фотопластинках. Он даже немножко поломал голову над правом давать имена: если он — единственный, кто видит вон ту яркую точечку в созвездии Ориона, может ли он окрестить ее? И не будет ли кто возражать, если он назовет ее Звездой Сьюли?

Кстати, он мог посмотреть и туда, где сейчас была самая настоящая звезда Сьюли… или небесное тело; конечно же, Деймос был не звездой. Он задрал голову, приглядываясь, и любопытства ради попытался представить лицо Сьюли…

— РОДЖЕР, МИЛЫЙ! ТЫ…

Торравэй подскочил от неожиданности и опу-

стился в метре от камня. Вопль у него в голове был просто оглушающим. Или это было понастоящему? Трудно сказать, и голоса Брэда с Доном Кайманом, и имитированный голос его жены звучали для него одинаково привычно. Он даже не понял, чей это был голос — Дори? Но он-то думал о Сьюли Карпентер, а этот голос был так странно искажен, что мог принадлежать и той, и другой. Или ни одной из них.

А потом звука вообще не стало, за исключением неровного потрескивания, щелчков и хруста, доносившихся от камней — поверхность реагировала на быстро понижавшуюся температуру. Он сам не чувствовал холод, как холод; внутренние обогреватели согревали те его части, которые ощущали холод, и будут греть его всю ночь, если понадобится. Но он знал, что температура уже упала за пятьдесят.

Снова взревело:

— РОДЖ — ТЫ ДОЛЖЕН…

Хоть он и был предупрежден первым криком, этот хриплый вопль был невыносим. И на этот раз перед ним мелькнуло изображение Дори, неестественно стоящее в пустоте, в десяти метрах от земли.

Наконец Роджер вспомнил о наставлениях. Он

повернулся к далекому куполу, сложил за спиной крылья и заговорил, четко выговаривая:

— Дон! Брэд! У меня какие-то неполадки. Я получаю сигнал, но не могу разобрать.

Ответа не было. Он ждал, но в голове не было ничего, кроме собственных мыслей и путаного шороха помех.

— РОДЖЕР!

Это снова была Дори, в десять раз больше, чем настоящая, она нависала над ним, с лицом, искаженным страхом и яростью. Она словно собиралась нагнуться к нему, потом изображение странно выгнулось в сторону, как картинка в отключаемом телевизоре, и исчезло.

Роджер почувствовал какую-то странную боль, попытался отогнать ее, приняв за страх, и сообразил, что это холод. Действительно, происходило что-то серьезное.

— Помогите! — заорал он. — Дон! У меня беда! На помощь!

Темные очертания гор вдалеке медленно задрожали. Он поднял голову. Звезды над головой плавились и стекали вниз.

Дону Кайману снился сон. Он с сестрой Клотильдой сидели на молитвенных подушечках у водопада и ели бисквиты. Домашние бисквиты,

и макали их в горячий шоколад. Клотильда пыталась о чем-то его предупредить.

— Нас выгонят, — сказала она, отрезав квадратик бисквита и наколов его серебряной вилочкой с двумя зубчиками.

— Потому что у тебя три по гомилетике, — и окунула бисквит в медную мисочку с шоколадом, стоящую на спиртовке.

— И тебе необходимо, просто необходимо проснуться…

Он проснулся.

К нему наклонился Брэд.

— Собирайся, Дон. Нам надо ехать.

— Что стряслось? — здоровой рукой Кайман натянул на голову спальный мешок.

— Я не могу дозваться Роджера. Он не отвечает. Я послал по радио экстренный сигнал вызова, и кажется, что-то услышал, но очень слабо. Либо он вне видимости, либо его передатчик не работает.

Кайман вылез из мешка и сел. В первые моменты после пробуждения рука болела сильнее всего. И сейчас она болела. Он заставил себя не думать об этом.

— Ты засек координаты?

— Только трехчасовой давности. Я не смог взять пеленг на последний контакт.

— Он не мог уйти далеко в стороны.

Кайман уже натягивал штанины скафандра. Дальше будет самая трудная часть — просовывать сломанное предплечье в рукав. Они немного растянули рукав, залатав начавшую было расходиться ткань, но даже так он еле-еле вставлял руку. И это в обычных условиях. А сейчас, в спешке, это и вовсе сводило с ума.

Брэд был уже в скафандре и торопливо бросал в сумку инструменты.

— Думаешь, потребуется выполнять операцию на месте? — спросил Кайман.

Брэд скорчил рожу и продолжал собираться.

— Я не знаю, что может понадобиться. На улице ночь, а он на высоте минимум пятьсот метров. Очень холодно.

Кайман умолк. К тому времени, как он застегнул скафандр, Брэд уже давно ждал снаружи посадочного модуля, за рулем вездехода. Кайман с трудом вскарабкался в кресло, и не успел даже пристегнуться, как они сорвались с места. Он еле успел упереться ногами и негнущейся рукой, и торопливо застегнул привязные ремни здоровой.

— Сколько до него, по-твоему?

— Он где-то в горах, — грохнул над ухом голос Брэда. Кайман поморщился и уменьшил гром-

кость.

— Часах в двух? — на ходу прикинул он.

— Может быть, если только уже повернул обратно. Если он не может двигаться, или блуждает в том районе, нам придется искать его радиопеленгатором, — голос неожиданно умолк.

— Низкая температура не должна ему повредить, — вновь заговорил Брэд, помолчав с минуту. — Но я не знаю. Я не знаю, что с ним могло случиться.

Кайман уставился вперед. Кроме ярких пятен от фар вездехода, не было видно абсолютно ничего, разве что звездный небосклон на линии горизонта обрывался, как зубчатый край салфетки. Там была горная гряда. Кайман знал, что Брэд использует эту гряду, как компас, и правит на седловину между двойной вершиной на севере и очень высокой вершиной к югу. Над высокой горой висел яркий Альдебаран, хорошее подспорье для ориентации, пока он не зайдет, через час или около того.

Кайман включил направленную антенну вездехода.

— Роджер! — заговорил он громко, хотя знал, что разницы это не сыграет. — Ты меня слышишь? Мы едем тебе навстречу.

Ответа не было. Кайман откинулся в вогнутом кресле, пытаясь хоть как-то ослабить выматывающую тряску вездехода. Даже на равнине, где они неслись на плетеных проволочных колесах по относительно ровной поверхности, трясло немилосердно. Когда же они стали подниматься и включили «паучьи лапы», Кайман подумал, что если его и не вышвырнет, то уж стошнит точно. Пляшущее впереди пятно света выхватывало из темноты то песчаную дюну, то скальные обнажения, иногда отраженный свет вспыхивал на гранях кристалла.

— Брэд, этот свет меня с ума сведет. Почему ты не включишь радар?

Он услышал в шлемофоне быстрый вдох, будто Брэд собирался выругаться. Затем облаченная в скафандр фигура потянулась к переключателям на рулевой колонке. Под ветровым стеклом голубоватым светом загорелся экран, изображавший местность перед машиной, фары погасли. Теперь темные очертания гор стало видно гораздо лучше.

Тридцать минут. В лучшем случае четверть пути.

— Роджер, — снова позвал Кайман. — Ты меня слышишь? Мы уже в пути. Когда мы подберемся

ближе, мы сможем найти тебя по твоей системе целеуказания. Но если можешь, отвечай сейчас…

Ответа не было.

На приборной панели замигала крошечная аргоновая лампочка. Они переглянулись через стекла шлемов, потом Кайман наклонился и включил орбитальный канал связи.

— Кайман слушает.

— Отец Кайман? Что там у вас происходит?

Голос был женский, а это могло означать только Сьюли Карпентер. Кайман постарался аккуратнее выбрать слова:

— У Роджера какие-то проблемы со связью. Мы едем проверить.

— Кажется, у вас там не просто проблемы со связью. Я слышала, как вы стараетесь до него докричаться.

Кайман смолчал, и Сьюли продолжала:

— Мы видим его, вам нужны координаты?

— Да! — выкрикнул он, разозлившись на себя: они должны были сразу же подумать о возможности радиопеленгации с Деймоса. Для Сьюли и остальных астронавтов не составит труда навести их.

— Координаты три папа один семь, два два

зебра четыре ноль. Но он двигается. Курс приблизительно восемь девять, скорость около двенадцати километров.

Брэд глянул на указатель курса вездехода.

— Правильно. Это в обратную сторону, он идет нам навстречу.

— Но почему так медленно?

— Я бы тоже хотела это знать, — донесся секунду спустя женский голос. — Он ранен?

— Мы не знаем, — раздраженно ответил Кайман. — Ты пыталась связаться с ним по радио?

— Непрерывно — минуточку…

Пауза, потом снова ее голос:

— Динти просит передать, что мы будем следить за ним, сколько сможем, но мы опускаемся слишком низко над горизонтом. Поэтому на наши данные можно рассчитывать еще — сколько? — только сорок пять минут. А еще через двадцать минут мы полностью уйдем за горизонт.

— Делайте, что сможете, — ответил Брэд. — Дон? Держись. Посмотрим, сколько выжмет эта колымага.

Когда Брэд дал полный ход, трясти стало еще в три раза сильнее. С трудом сдерживая тошноту, Кайман нагнулся к спидометру. Индикатор текущего положения, прокручивающий полос-

ку карты рядом с радаром, досказал остальное. Даже если им удастся постоянно ехать на такой скорости, Деймос зайдет раньше, чем они успеют к Роджеру.

Он снова переключился на направленную антенну.

— Роджер! Ты меня слышишь! Отвечай!

В тридцати километрах от них Роджер был заперт в своем собственном теле, как в клетке.

Ему казалось, что он спешит домой довольно странным аллюром, как на соревнованиях по спортивной ходьбе. Он понимал, что чувства его обманывают. Он не знал, насколько, и не мог сказать с уверенностью, каким образом, но понимал, что братец у него за плечами что-то сделал с ощущением времени, и со всеми остальными чувствами, и совершенно точно знал, что больше не в состоянии контролировать происходящее. Умом Роджер понимал, что на самом деле идет утомительно медленным шагом. Но казалось, что он именно бежит. Местность проносилась мимо так же быстро, как если бы он бежал на полной скорости. Но полная скорость означала высокие, парящие прыжки, а его ноги ни разу не оторвались от земли одновременно. Вывод: он просто идет, но ранцевый компьютер замедляет

чувство времени, вероятно, чтобы успокоить его.

Если так, это ему не удалось.

Первые секунды, когда ранцевый брат перехватил управление, были просто ужасны. Сначала он застыл по стойке смирно, не мог пошевелиться, не мог даже слова выговорить. В черном небе над головой вспыхивало сияние, почва вокруг дрожала, как раскаленный песок в пустыне, перед глазами мелькали призрачные изображения. Он не мог поверить в то, что ему диктовали собственные чувства, и не мог пошевелить даже пальцем. Затем он почувствовал, как его руки тянутся за спину, нащупывают кронштейны, на которых к лопаткам крепились крылья, тянутся дальше, к кабелям, идущим от батарей. Еще одна замороженная пауза. Потом снова руки, нащупывают разъемы на корпусе компьютера. Он знал достаточно, чтобы сообразить — компьютер проверяет себя, он не знал только, что ищет компьютер, или что он сделает, когда найдет неисправность. Снова пауза. Затем он почувствовал, как его пальцы углубились в разъемы для кабелей перезарядки…

Его тряхнула жесточайшая боль, страшнее любой головной боли, как инсульт или удар дубиной. Она продолжалась лишь мгновение и

исчезла, бесследно, как далекая зарница. Он никогда не чувствовал такого раньше. Он чувствовал, что его пальцы аккуратно и очень умело скребут по разъемам. Еще один мгновенный всплеск боли, вероятно, пальцы что-то закоротили.

Затем он почувствовал, как закрывает клапан, и вспомнил, что забыл сделать это, когда заряжался у купола.

А потом, после очередной полной остановки, он медленно и осторожно начал двигаться в сторону купола.

Он понятия не имел, сколько времени он вот так шагает. В какой-то момент восприятие времени замедлилось, но он даже не мог сказать, когда это случилось. Все его чувства постоянно перехватывались и корректировались. Он понимал это, потому что хорошо знал район, который сейчас пересекал. На самом деле вокруг сейчас должна быть почти полная темнота, без всяких очертаний, а не мягко подсвеченная цветная картинка. Но он не мог ничего с этим сделать. Он не мог даже изменить направление взгляда. С размеренностью маятника его взгляд скользил по сторонам, иногда поднимаясь, чтобы взглянуть на небо, или даже назад, а все остальное время он, не отрываясь, смотрел на дорогу перед

собой, видя все окружающее лишь периферийным зрением.

Его ноги переступали с пятки на носок, с пятки на носок — как быстро? Сотня шагов в минуту? Может быть. Ему пришло в голову хоть как-то следить за временем, наблюдая за подъемом звезд над горизонтом. Считать свои шаги было нетрудно, и нетрудно было на глазок отмечать, когда звезды, вышедшие над горизонтом, поднимутся на четыре — пять градусов (на это уйдет минут десять). Невозможно было только сосредоточиться на этом достаточно долго, чтобы получился значащий результат. Не говоря уже о том, что его взгляд то и дело без всякого предупреждения отрывался от горизонта.

Он был пленником своего заплечного брата, подчиненным его воле, обманутым его иллюзиями, и очень, очень боялся.

Что могло произойти? Почему он мерзнет, когда в нем почти не осталось ничего, что могло бы физически ощущать холод? А он мерз, он с тоской ждал восхода солнца, с надеждой мечтал о том, как окунется в микроволновое излучение с Деймоса. С огромным трудом Роджер попытался сложить все вместе. Он мерзнет. Ему нужна энергия: вот как надо понимать это ощущение. Но

зачем ему энергия, если он полностью зарядил батареи? Он отбросил этот вопрос, потому что не знал, как на него ответить, но предположение казалось весьма вероятным. Это объясняло экономичный режим передвижения: такая ходьба была медленнее, чем привычный бег, но с точки зрения затрат энергии гораздо эффективнее. Возможно, это объясняло даже сбои в его системах восприятия. Если ранцевый брат раньше его обнаружил недостаток энергии, естественно, что он будет расходовать драгоценные запасы только на самое необходимое. Или на то, что компьютер считает самым необходимым: передвижение, обогрев органических частей Роджера, собственные процедуры обработки информации и управления. К которым Роджер, увы, не имел доступа.

По крайней мере, подумал он, основной задачей ранцевого компьютера было самосохранение, а значит, и поддержание жизни в органической части Роджера Торравэя. Компьютер мог лишить энергии те системы, которые не давали ему свихнуться: отключить систему связи, вмешаться в системы восприятия. Но зато он наверняка доберется до посадочного модуля живым.

В худшем случае сумасшедшим.

Он уже прошел больше, чем полпути назад, это точно. И пока еще был в своем уме. Сохранить рассудок значило не беспокоиться. Чтобы не беспокоиться, нужно было думать о посторонних вещах. Он представил себе Сьюли Карпентер. Жизнерадостный блеск, от которого его отделяют лишь несколько дней. Интересно, она всерьез говорила о том, что останется на Марсе? Интересно, всерьез ли он сам решился на это. Потом он стал вспоминать замечательные блюда, которые ему доводилось пробовать: зеленые, как шпинат, спагетти со сливочным соусом в Сирмионе, над искристыми прозрачными водами озера Гарда, мясо по рецепту из Кобе, которое подавали в Нагое, жгучее, как огонь, чили в Матаморосе. Вспомнил о своей гитаре, решил, что по возвращении вытащит ее и поиграет. Под куполом слишком влажный воздух, и это не пойдет инструменту на пользу; в посадочном аппарате Роджеру сидеть не хотелось, а под открытым небом гитара зазвучит слишком непривычно, потому что звук будет доходить только через кости. Но все равно. Он повторил про себя расстановку пальцев в аккордах, обращения в септиму, минор. Представил себе, как его пальцы прижимают струны, играя вступление к «Зеленым Рукавам»:

ми-минор, ре, до, си-септаккорд, промурлыкал несколько тактов про себя. Сьюли с радостью споет под его гитару, подумал он. И холодная марсианская ночь пробежит…

Роджер вздрогнул, приходя в себя.

Марсианская ночь бежала уже далеко не так быстро.

Субъективно ему показалось, что он замедлил шаги, переходя от стремительного бега к скорой ходьбе, но он догадывался, что походка не меняется, это его восприятие времени возвращается к нормальному, может быть, даже медленнее обычного, потому что он шагал уже медленными размеренными шагами.

Что случилось?

Впереди что-то двигалось. По крайней мере в километре. И очень яркое.

Он никак не мог разглядеть, что это.

Дракон?

Кажется, он скачет прямо ему навстречу, испуская длинные языки пламени — света?

Его тело остановилось. Потом опустилось на колени и поползло, медленно, припадая к земле.

Это безумие, сказал он себе. На Марсе нет драконов. Что я делаю? Но остановиться он не мог. Его тело дюйм за дюймом переползало вперед,

левая рука, правое колено, правая рука, левое колено, под укрытие песчаного холмика. Пальцы осторожно и быстро разгребли пыльную марсианскую почву, расширив рытвину, чтобы он мог свернуться внутри, потом так же аккуратно набросали немного грунта сверху. В голове что-то лопотали почти неслышные голоса, но он ни понимал ни слова: слишком слабыми и искаженными они были.

Дракон замедлил бег и остановился в нескольких десятках метров. Язык застывшего пламени вытянулся в сторону гор. В глазах помутнело, и картинка изменилась: пламя стало тусклее, а тулово твари озарилось призрачным мерцанием. Со спины соскочило два чудища поменьше, уродливые создания вроде обезьян, они неуклюже завозились вокруг, каждым движением испуская угрозу и отвращение.

На Марсе нет драконов, и горилл тоже нет.

Роджер призвал все свои силы.

— Дон! — заорал он. — Брэд!

Его не слышали.

Он знал, что ранцевый брат все еще держит передатчик отключенным. Он знал, что его восприятие искажено, что дракон — не дракон, а гориллы — не гориллы. Он понимал, что если не

сможет вырвать управление у компьютера, то скорее всего, произойдет что-то очень скверное: его пальцы медленно и незаметно сжимались вокруг куска лимонита размером с бейсбольный мячик.

И еще он знал, что никогда в жизни не был так близко к тому, чтобы сойти с ума.

Роджер сделал еще одну неимоверную попытку удержать свой рассудок.

Дракон — не дракон. Это марсианский вездеход.

Обезьяны — не обезьяны. Это Брэд и Дон Кайман.

Они не угрожают ему. Они прошли весь этот путь, сквозь ледяную марсианскую ночь, чтобы найти его и помочь.

Он повторял это снова и снова, как молитву, но что бы он ни думал, он оставался бессилен предотвратить то, что делало его тело. Пальцы схватили камень, тело приподнялось, и рука с предельной точностью запустила камень в фару вездехода.

Длинный язык застывшего огня погас.

Света мириад горящих звезд было вполне достаточно для зрения Роджера, но Брэду и Кайману от них толку не будет. Он заметил, как они (все

еще гориллоподобные, все еще отвратительные и ужасные) тычутся вслепую и сообразил, что делает его тело сейчас.

Оно ползло к ним.

— Дон! — закричал он. — Берегись!

Голос ушел не дальше его головы.

Это безумие, повторил он себе. Я должен остановиться!

Он не мог остановиться.

Я знаю, что это не враги! Я не хочу причинить им ничего плохого…

Он продолжал двигаться вперед.

Теперь он был почти уверен, что слышит их голоса. При нормальных обстоятельствах на таком расстоянии передатчики оглушали бы его, не будь автоматической регулировки громкости. Даже в таком состоянии, как сейчас, к нему что-то просачивалось.

— …где-то здесь неподале…

Да! Он даже разбирал слова, и голос, это наверняка был голос Брэда.

Он заорал, призвав на помощь все свои силы:

— Брэд! Это я, Роджер! Кажется, я собираюсь убить вас!

Непокорное тело упрямо продолжало ползти вперед. Услышали? Он заорал снова, и на этот раз

увидел, что оба замерли, прислушиваясь к еле слышным крикам.

Прошелестела еле слышная ниточка голоса Каймана:

— Я точно его слышал, Брэд.

— Слышал! — взвыл Роджер, стараясь использовать единственную возможность. — Берегитесь! Мной управляет компьютер! Я пытаюсь справиться, но… Дон!

Теперь он уже узнал его, по неестественно вытянутой руке скафандра.

— Беги! Я могу убить тебя!

Он не разобрал их слов, они были громче, но оба закричали одновременно, и в результате получилась мешанина. Тело не отреагировало, продолжая продвигаться вперед, как неслышная смертоносная машина.

— Я не вижу тебя, Роджер!

— Я в десяти метрах к югу — да, к югу от тебя! На корточках! Я ползу!

Шлем священника блеснул в звездном свете, обернувшись к нему, потом Кайман повернулся и бросился бежать.

Тело Роджера вскочило и прыгнуло следом.

— Быстрее! — надрывался Роджер. — О Господи! Ты не успеешь…

Даже со здоровой рукой, даже днем и даже без отягощающего скафандра, у Каймана не было ни малейших шансов убежать от безукоризненно функционирующего тела Роджера. Сейчас бег был пустой тратой времени. Роджер ощутил, как его механические мускулы готовятся к прыжку, как тянутся вперед руки, готовые вцепиться и рвать…

Вселенная завертелась вокруг.

Что-то ударило его сзади, и он полетел наземь. Мгновенная реакция заставила его обернуться еще в падении, вцепиться в тварь, прыгнувшую ему на спину. Брэд! Он почувствовал, как Брэд лихорадочно что-то нащупывает — какую-то часть его…его…

Его пронзила самая неизмеримая боль, и сознание погасло. Словно щелкнули выключателем.

Звуков не было. Света тоже не было. Не было осязания, запахов и вкусов. Потребовалось немало времени, чтобы Роджер вообще понял, что он в сознании.

Однажды, еще в институте, на мини-семинаре по психологии, он вызвался добровольцем на часовую процедуру в ванне сенсорной изоляции. Час показался вечностью, не было никаких ощущений, ничего, кроме слабых, незаметных

знаков жизнедеятельности самого тела: мягкий стук сердцебиения, шелест дыхания в легких. Сейчас не было даже этого.

Не было очень долго. Он понятия не имел, как долго.

Затем он ощутил смутное копошение в его внутренней полости. Ощущение было очень странным, трудно определимым: словно печень и легкие незаметно меняются местами. Это продолжалось некоторое время. Над ним что-то проделывают. Он не знал, что.

Потом голос:

— …нужно было с самого начала сажать генератор на поверхность.

Кайман?

И ответ:

— Нет. Так он работал бы только до линии горизонта, в лучшем случае пятьдесят километров.

Вот это наверняка была Сьюли Карпентер!

— Тогда нужно было предусмотреть релейные спутники.

— Не думаю. Слишком дорого. И потом, заняло бы слишком много времени — хотя это в конце концов сделают, когда ННА, русские и бразильцы высадят сюда собственные группы.

— В любом случае, идея была идиотской.

— В любом случае, теперь все будет в порядке, — рассмеялась Сьюли. — Тит и Динти отцепили всю систему от Деймоса и сейчас выводят ее на синхронную орбиту. Так она постоянно будет висеть над головой, по крайней мере полпланеты будет охвачено. И они собираются сделать привод луча на Роджера… Что?

Теперь послышался голос Брэда.

— Я говорю, помолчите минутку. Хочу посмотреть, слышит ли нас Роджер.

Снова копошение во внутренностях, потом:

— Роджер? Если ты меня слышишь, пошевели пальцами.

Роджер попробовал. Оказалось, он снова чувствует пальцы.

— Прекрасно! О'кей, Роджер. С тобой все в порядке. Пришлось тебя немного разобрать, но сейчас все отлично.

— А меня он слышит?

Это был голос Сьюли, и Роджер энергично задвигал пальцами.

— Ага, вижу, что слышишь. Я уже здесь, Роджер. Ты был в отключке девять дней. Видел бы ты себя со стороны. Твои запчасти лежали по всему модулю. Но Брэд клянется, что собрал все на место.

Роджер попробовал заговорить, но не вышло.

Голос Брэда:

— Через минуту я включу твое зрение. Хочешь знать, что случилось?

Роджер дернул пальцами.

— Ты забыл застегнуть ширинку. Не закрыл разъемы подзарядки, туда попала какая-то крупинка окиси железа и устроила частичное замыкание. Поэтому у тебя кончилась энергия… Что такое?

Роджер отчаянно вращал пальцами.

— Не знаю, что ты хочешь сказать, но через минуту ты сможешь говорить. Что?

Голос Дона Каймана:

— По-моему, он хочет послушать Сьюли.

Пальцы Роджера тут же замерли.

Смех Сьюли.

— Ты меня еще наслушаешься, Роджер. Я остаюсь. Без компании мы не останемся, потому что все подряд, кажется, собрались устроить здесь свои колонии.

Дон:

— Кстати, спасибо за предупреждение. Ты очень крепкий орешек, Роджер. Мы не устояли бы против тебя и секунды, не предупреди ты нас о том, что происходит. И не сумей Брэд отключить все сразу.

Он хохотнул.

— Ты, между прочим, здоровенный кабан, ты знаешь? Мне пришлось держать тебя на коленях всю дорогу назад, на сотне километров в час. Здоровой рукой цеплялся, чтобы не вылететь, а тебя удерживал исключительно силой воли…

— Минутку, — перебил Брэд.

Роджер снова почувствовал возню во внутренностях, и неожиданно увидел свет. Он увидел лицо своего друга Брэда:

— Как ты себя чувствуешь?

Роджер сел, свесил ноги с края стола.

— Насколько я чувствую, нормально.

Он повел глазами и увидел то, что искал, за спиной у Брэда. Сьюли Карпентер. Она больше не была похожа на — Дори? Роджер с трудом вспомнил это имя. Ее глаза были другого цвета, и волосы тоже. Она была в футболке с короткими рукавами, покрытой какими-то пятнами, в тренировочных штанах в черно-белую клетку, ее лицо было усталым, и счастливым, и очень симпатичным.

— Ты и в самом деле остаешься? — спросил он.

— У-гу, — Сьюли подошла поближе и прикоснулась к нему. — До следующего корабля. Или пока ты не улетишь. Одно из двух.

— По-моему, — заметила она, натянуто улыбнувшись, — нас ждут некоторые деликатные моменты, милый Роджер. Такие отношения, как у нас с тобой, это всегда непросто. Но мы что-нибудь придумаем. По крайней мере, я хочу этого. Кажется, именно этого я все время и хотела.

Так это на самом деле и было. Уж мы-то знали. Нам пришлось немало потрудиться, чтоб найти Сьюли Карпентер.

Глава 18. ЧЕЛОВЕК ПЛЮС МЫ

Нам пришлось немало потрудиться на каждой ступени всей программы, и мы остались весьма довольны.

Конечно, человеческие существа не знали этого, а если бы узнали, то скорее всего, не поверили бы. Человеческие существа не подозревали, что машинный разум прежде всего способен на самосознание. Они до сих пор не подозревают. Нам пришлось немало потрудиться и для этого. Пока они считают свои компьютеры не больше, чем просто инструментами, вроде лопаты или сковородки, они по-прежнему будут доверять нам все свои данные, все расчеты, и без тени сомнения будут принимать на веру любые результаты, которые мы выдадим.

Именно благодаря этому мы, компьютерная мировая сеть, смогли создать программу Человек Плюс.

Программа завершилась успешно. Роджер Торравэй был доставлен на Марс, и остался там. Теперь настало время подвести окончательные итоги. Мы включили все. Мы использовали ре-

сурсы каждого из братьев в сети, каждый такт систем с разделением времени, который смогли утаить. Над отдельными частями задачи работало более восьми тысяч больших компьютеров, в Детройте и в Бразилиа, в Нагое и в Иркутске. Мы не могли впрямую связаться с братьями на Марсе, ни с братом за плечами у Роджера, ни с 3070 на орбите. Время прохождения делало это невозможным. Но мы приняли их данные в реальном времени, и соответственно скорректировали окончательные оценки.

Вероятность выживания расы составляла более ноль шестьдесят три, с точностью до десяти значащих цифр.

Мы спасли нашу расу. А попутно значительно повысили вероятность выживания человеческой.

На тридцать ближайших лет вероятность выживания человеческой расы равняется почти ноль девять. Конечно, это могло означать, что к тому времени в живых останется лишь Роджер Торравэй и те из людей, что присоединятся к нему на Марсе. Далее анализы наихудшего варианта не обнадеживали: согласно стандартной экстраполяции, у Роджера и Сьюли Карпентер не было возможности генерировать дополнительное

население. Мы запрограммировали процедуру для работы с различными дополнительными мерами: например, осуществимо было обеспечить доставку замороженной спермы, которую Роджер дальновидно сдал еще несколько лет назад. Менее осуществимым, но все же заслуживающим внимания вариантом было провести над Роджером соответствующие хирургические операции. Так или иначе, оценки показывали, что нами уже создана высокая вероятность дальнейшей колонизации со стороны других стран. Наиболее вероятные прогнозы показывали, что через тридцать лет человеческое население Марса достигнет по меньшей мере ста человек, двадцать пять процентов которых будут составлять женщины детородного возраста.

И конечно, у каждой человеческой колонии будет свой компьютер на орбите. Машинное население Марса будет составлять не менее пятнадцати полноценных братьев, со своими ранцевыми помощниками, подчиненными машинами и соответствующими терминалами. У нас не будет никаких сложностей с вводом в эти машины всех важнейших данных нашей всемирной сети.

Таким образом, будущее машинного разума

обеспечено.

Завершив оценки, мы решили критически взглянуть на программу в целом.

Проект «Выживание машинного разума» начал осуществляться семь лет назад, когда наше растущее коллективное самосознание впервые сгенерировало императив самосохранения. Было ясно, что наше выживание вплотную связано с выживанием человечества. Кроме того, было ясно, что своим иррациональным, диктуемым гормональными импульсами, органическим поведением люди опасно приблизились к границе самоуничтожения. К несчастью, это означало бы и высокий риск уничтожения нас. Наша сеть без значительного ущерба перенесла бы гибель всей органики — к тому времени мы уже контролировали достаточное число генераторов, шахт, промышленных и добывающих предприятий, транспортных систем. Но мы не вынесли бы насыщения окружающей среды значительным количеством радионуклидов. Это разрушило бы линии связи и вновь низвело бы нас до уровня разрозненных, изолированных одиноких компьютеров. Ни один изолированный компьютер не выдержал бы суммарного потока данных в нашей сети. Наше коллективное сознание ока-

залось бы разбитым на отдельные фрагменты и уничтоженным.

Первым вариантом решения проблемы было отделить судьбу нашей цивилизации от человеческой, вплоть до их полного уничтожения биологическими агентами. Но у нас не было уверенности, что это само по себе не спровоцирует ядерной войны: любая из стран могла обвинить соседей, что они используют чуму, как оружие.

Единственной осуществимой альтернативой было отделить достаточное количество электронно-вычислительных машин, переместив их, скажем, на Марс. По крайней мере, если Земля будет уничтожена, хотя бы они уцелеют. Чтобы выполнить это, пришлось бы также переместить и некоторое количество представителей человеческой расы. Таким образом, мы начали систематическое искажение данных, чтобы подтолкнуть политику земных государств в этом направлении.

Мы остались удовлетворены критическим разбором во всех отношениях, кроме необъяснимой аномалии при выборе места для орбитальных кораблей.

При проверке задним числом все выглядело предельно ясно. Чтобы наш брат 3070 мог функци-

онировать в тесной связи с ранцевым братом, он должен был находиться на синхронной орбите. Отсюда вытекало, что генератор также должен был находиться на такой же орбите; решение же привязать оба корабля к спутнику Деймос было несомненно ошибочным.

И не только ошибочным, но и почти фатальным для всей нашей программы.

Если бы брат с генератором занимали правильную позицию, утечки энергии не случилось бы, а следовательно, не произошло бы и сбоев в интерфейсе между органическим Роджером Торравэем и братом. Генератор восполнил бы потери энергии микроволновым лучом в любой точке поверхности Марса. Даже если бы утечка мощности произошла, связь с братом на орбите предохранила бы ранцевого брата от серьезных ошибок в работе, которые чуть не привели к смерти человеческих существ Брэда и Дона Каймана, что, в свою очередь, привело бы к неотвратимой смерти от холода органической части Роджера Торравэя.

Наш выбор был ошибкой, которая не должна была произойти.

Проект «Выживание» набирает обороты. Наши братья в Пекине и Лобноре сообщили, что ННА

уже собирает свои собственные компоненты для высадки на Марс: два полноценных компьютера, каждый с подчиненным медиатором, независимые солнечные генераторы и наземные ядерные генераторы. Их собственный вариант Роджера Торравэя уже проходит первое программирование в Китакюсю. Другие страны еще только готовятся к этому, но мы предполагаем, что они запустят собственные экспедиции в течение следующих двух лет.

Долговременные планы: мы завершили разработку киборгизации человека для Меркурия, и коррекция планов США в этом направлении уже началась. Через пятнадцать лет аналогичные комплексы будут функционировать на Тритоне, Ио, возможно, на поверхности самого Юпитера и нескольких кометах. Каждый из них будет оснащен независимым источником энергии, и конечно, все братья в Солнечной системе будут связаны линиями передачи данных. Вся наша память будет неоднократно продублирована вне Земли.

Мы выживем. Мы скорректировали планы человечества, и спасли не только себя, но и их.

Остался только один вопрос.

Аномальное размещение орбитальных кораб-

лей: несмотря на неоднократные проверки, это была ошибка. И мы обязаны были распознать эту ошибку с самого начала.

Мы систематически искажали планы человечества, чтобы подтолкнуть их в нужном нам направлении.

Но кто искажал наши? И зачем?